

1 р. 40 к.

ИСТОРИИ ОБРЕЧЕННЫЕ

С.З. ПОЧАНИН

С.З. ПОЧАНИН

**ИСТОРИИ
ОБРЕЧЕННЫЕ**

لَا إِلَهَ إِلَّا اللَّهُ
مُحَمَّدٌ رَسُوْلُهُ

مُحَمَّدٌ رَسُوْلُهُ
مُحَمَّدٌ رَسُوْلُهُ

9(C)21

II 65

II $\frac{10604-148}{M 301(05)-77}$

© «Беларусь», 1977

ПРЕДИСЛОВИЕ

Б

орьба за установление и упрочение Советской власти в нашей стране была сопряжена с упорным противодействием свергнутых социалистической революцией эксплуататорских классов и подрывными действиями международного империализма. Внутренняя и внешняя контрреволюция, объединив свои усилия, с первых же дней победы Великого Октября начала предпринимать отчаянные попытки задуть Советскую власть.

Для достижения своей преступной цели различные контрреволюционные организации, группы и партии, в том числе буржуазно-националистические организации, проводили не только открытую вооруженную борьбу, но и организовывали заговоры и террористические акты, шпионаж и диверсии, вредительство и антисоветскую агитацию. Все эти разновидности враждебной деятельности были взаимосвязаны, нередко переходили одна в другую, зачастую руководили ими одни и те же силы и даже одни и те же лица.

События тех суровых дней становления Советской власти показывают не только героическую борьбу трудящихся масс за укрепление социалистического государства, историю неудавшихся попыток свергнуть власть рабочих и крестьян, но и раскрывают закономерность неудач, постигших антисоветских заговорщиков и других преступных элементов.

Исторический опыт учит тому, что трудящиеся, взявшие власть в свои руки, должны в интересах ее сохранения и упрочения быть бдительными в отношении любых происков сил старого мира, жаждущих вернуть утраченное, стремящихся к классовому реваншу. «Опыт революционного движения последних лет,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в Отчетном докладе XXV съезду КПСС,— наглядно показал: если возникает реальная угроза господству монополистического капитала и его политических ставленников, империализм идет на все, отбрасывая всякую видимость какой бы то ни было демократии. Он готов попрасть и суверенитет государств, и любую законность, не говоря уже о гуманности. Клевета, одурманивание общественности, экономическая блокада, саботаж, организация голода и разрухи, подкуп и угрозы, террор, организация убийств политических деятелей, погромы в фашистском стиле — таков арсенал современной контрреволюции, которая всегда действует в союзе с международной империалистической реакцией. Но все это в конечном счете обречено на провал. Дело свободы, дело прогресса — непобедимо»¹.

Победе Великой Октябрьской социалистической революции, созданию первого в мире Советского государства посвящена многочисленная литература. Значительное место в ней занимает и проблема борьбы с контрреволюцией, с антисоветскими заговорами, мятежами и другими открытыми и скрытыми выступлениями врагов революции. Прежде всего следует указать на труды В. И. Ленина, в которых дано глубокое научное обоснование необходимости защиты завоеваний Октября, свободы и независимости молодой Советской республики.

Эти вопросы находят освещение в общих трудах по истории КПСС, советского общества, классовой

борьбы, гражданской войны в СССР. Имеются специальные монографические исследования, коллективные труды историков, воспоминания участников событий и сборники документов. За последние годы о борьбе с контрреволюцией изданы интересные работы Д. Л. Голикова, В. В. Гармиза, Т. А. Сивохиной, К. В. Гусева, Л. М. Спирина, А. М. Малашко, В. Д. Поликарпова и других².

Отдельные вопросы истории борьбы трудящихся Белоруссии с контрреволюционными выступлениями в первый год существования Советской власти освещаются в коллективных трудах белорусских историков, в монографических исследованиях В. Г. Кнорина, В. Г. Ивашина, А. Г. Хохлова, Н. В. Каменской, С. П. Маргунского, И. М. Игнатенко, А. Ф. Хацкевича, Д. П. Жмуровского, В. А. Круталевича, П. А. Селиванова, Л. С. Гапоненко, Е. И. Бугаева, К. Н. Космачева и других, в сборниках документов и статьях в периодических изданиях, а также в диссертационных работах Е. Ф. Савчук, В. И. Пуховского, В. П. Засинца, П. Е. Мурашко³.

Однако в целом борьба с враждебными силами после Октября на территории Белоруссии освещена недостаточно. В настоящей монографии автор ставит задачей в какой-то мере восполнить этот пробел.

На основе архивных документальных материалов и других источников, в том числе перечисленных выше изданий, ставится цель показать, как советские люди защищали завоевания Октябрьской революции в 1917—1918 годах в Белоруссии и во всей Западной области⁴. В книге освещается установление Советской власти, борьба партийных и советских органов, специальных учреждений и частей Красной Армии с первыми антисоветскими выступлениями, рассказывается о ликвидации крупных очагов контрреволюции, о подавлении вооруженных мятежей и восстаний, организованных белогвардейцами, эсерами, анархистами и другими контрреволюционными элементами. В работе нашла также отражение борьба с националистической контрреволюцией.

Все даты в книге до февраля 1918 года приведены по старому стилю календаря, с февраля 1918 года — по новому.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РЕВОЛЮЦИЯ ПОБЕДИЛА

Р

абочий класс и трудящиеся массы крестьянства под руководством Коммунистической партии во главе с великим Лениным в октябре 1917 года одержали всемирно-историческую победу, свергли власть помещиков и капиталистов и установили Советскую власть, создали первое в мире социалистическое государство.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции была подготовлена всем ходом экономического и политического развития России. Объективным ходом исторического развития была порождена и та сила, которая могла разрешить обострившиеся противоречия, сломить и уничтожить сопротивление реакционных классов. Этой силой явился пролетариат, имевший свою закаленную партию — партию большевиков и надежного союзника в лице революционного крестьянства.

В неразрывной связи с экономическим и политическим развитием России проходил этот процесс и в Белоруссии. Являясь одной из окраин Российской империи, Белоруссия к началу XX века прошла в из-

вестной степени период промышленного капитализма. В 1913 году в Витебской, Виленской, Гродненской, Минской и Могилевской губерниях имелось 1306 промышленных предприятий, на которых работало 59 760 рабочих¹.

В Белоруссии, как и во всей России, шла концентрация производства и капитала. Мелкие предприятия, не выдержав конкурентной борьбы, разорялись или поглощались более крупными. Одновременно с этим возрастала сосредоточенность пролетариата на крупных фабриках и заводах. Накануне первой мировой войны, например, на 18 таких предприятиях было занято около 13 тысяч рабочих. Многие предприятия Белоруссии входили в монополистические объединения (синдикаты, акционерные общества и др.) российского и иностранного капитала. Все это говорит о том, что Белоруссия была вовлечена в общий поток капиталистического развития и что капитализм здесь все более и более приобретал черты, характерные империалистической стадии развития. Однако уровень его в Белоруссии был значительно ниже, чем в промышленных районах страны.

Особенностью рабочего класса Белоруссии была его распыленность, обусловленная наличием большого количества мелких и кустарных предприятий. Толь-

ко в Минской губернии, например, в 1913 году ремесленников-кустарей насчитывалось свыше 57 тысяч человек², а в целом по Белоруссии их было около 200 тысяч. Эта распыленность мешала революционному сплочению и политическому воспитанию пролетариата, облегчала в его среде деятельность мелкобуржуазных партий.

Следует отметить и такую особенность рабочего класса Белоруссии, как его национальный состав. Пролетариат состоял из рабочих русской, белорусской, польской, еврейской, литовской и других национальностей. Царское правительство и всякого рода буржуазные националисты стремились использовать это обстоятельство для разжигания национальной вражды, для натравливания рабочих друг на друга, чтобы отвлечь их от революционной борьбы.

Положение рабочих Белоруссии, как и всех рабочих России, оставалось крайне тяжелым. Они подвергались чудовищной эксплуатации, гнету российских, иностранных капиталистов, местной буржуазии.

Еще в более худшем положении находились трудящиеся массы крестьянства. Задыхаясь от многочисленных пережитков крепостничества, крестьяне испытывали невыносимый гнет помещиков-крепостников, терпели страшную нужду, нищету и голод. Большая и лучшая часть земли принадлежала помещикам и кулакам. Около 50 процентов всех крестьянских хозяйств имели нищенские наделы, которые не могли обеспечить и полуголодного существования.

Коренные потребности общественного развития России, кровные интересы рабочего класса, трудящихся крестьян настоятельно требовали разрушения существующего строя, ликвидации царского самодержавия и крупного землевладения. Выполнить эти задачи могла лишь победоносная революция.

Первая русская революция 1905—1907 годов потерпела поражение.

Серьезным ускорителем второй русской революции явилась грянувшая мировая война. Она до предела обострила внутренние противоречия политической и экономической жизни, значительно ускорила и приблизила не только буржуазно-демократическую, но и социалистическую революцию в нашей стране.

Империалистическая война причинила экономике России колоссальные разрушения, а трудящимся города и деревни — неисчислимы страдания. Особенно огромные опустошения принесла война народному хозяйству Белоруссии, территория которой с первых дней оказалась в полосе фронта, а с лета 1915 года — театром военных действий. В ходе боев многие города и деревни Белоруссии были разрушены и сожжены, фабрично-заводское имущество и посевы уничтожены, западные ее районы захвачены противником. Около полутора миллионов граждан стали беженцами.

Промышленность Белоруссии за время войны пришла в состояние полной разрухи. Многие предприятия почти полностью прекратили производство из-за отсутствия квалифицированных рабочих и сырья. Остановились многие предприятия дрожжево-винокурной и деревообделочной промышленности. Во всех отраслях промышленности произошло значительное сокращение выпускаемой продукции.

Война причинила огромный ущерб и сельскому хозяйству. Более половины взрослого мужского населения было мобилизовано в армию. Насильственно реквизировались рабочий и продуктивный скот, фураж и продукты питания. Все это в корне подорвало сельскохозяйственное производство. Посевная площадь под зерновыми культурами сократилась наполовину, урожайность снизилась на одну треть. Количество скота сократилось более чем на 90 процентов.

В Белоруссии, как и во всей России, за годы войны произошли серьезные социально-экономические и политические изменения в расстановке классовых сил. Все это резко обостряло классовые противоречия, разжигало чувство ненависти у рабочих и крестьян к эксплуататорам, помещикам и капиталистам, ускоряло назревание революции, создав ряд условий, приблизивших ее победу.

Под ударами народных масс, вдохновляемых большевиками, рухнула монархия Романовых. Победа Февральской революции в Петрограде была поддержана революционным пролетариатом во всей стране, в том числе и в Белоруссии.

После победы Февральской буржуазно-демократической революции партия большевиков, вооруженная ленинской теорией социалистической революции, боролась за ее углубление, перерастание в социалистическую.

Обстановка в Белоруссии в период борьбы за победу социалистической революции оказалась чрезвычайно сложной. Здесь были сконцентрированы большие силы революции и вместе с тем контрреволюции.

Еще в годы империалистической войны в Белоруссии на крупных железнодорожных узлах Орши, Минска, Витебска, Гомеля было построено много военных предприятий по обслуживанию фронта, мобилизовано большое количество рабочих из промышленных центров Урала, Донбасса, Петрограда. Так, в Минской артиллерийской мастерской было до 2 тысяч таких рабочих, в Бобруйской — около 1400, в Гомельских автомобильных мастерских, в авиационных и артиллерийских парках, на военной базе — около 10 тысяч. Силы пролетариата представляли главную опору большевистской партии в ее борьбе за победу революции.

Кроме того, в Белоруссии размещался Западный фронт с его полутора миллионами солдат, связанный прямыми путями с основными революционными центрами страны — Петроградом и Москвой. Завоевание солдатских масс на сторону большевиков, сплочение их вокруг Коммунистической партии имело огромное значение для успешного развертывания революционной борьбы за победу социалистической революции.

Все это оказало решающее влияние на весь ход развития революции в Белоруссии, определило его направление и особенность. Выступления солдат под лозунгами большевистской партии революционизировали народные массы. Трудящиеся крестьяне и рабочие выступали вместе с солдатами против своих угнетателей — помещиков и капиталистов, против антинародной политики Временного буржуазного правительства.

На успешном развитии революции в Белоруссии также сказались близость ее к центральным районам

страны — Петрограду и Москве, которые оказали огромную помощь трудящимся и солдатам Западного фронта.

Вместе с тем нужно учесть, что в Белоруссии размещались штаб Западного фронта с центром в Минске и Ставка верховного главнокомандующего в Могилеве с их генералитетом и реакционным офицерством. Это были важнейшие центры не только местной, но и общероссийской контрреволюции. Все это чрезвычайно усложняло борьбу за победу революции.

Центральный Комитет Коммунистической партии придавал большое значение развертыванию революционного движения народных масс на территории Белоруссии. Он направлял своих представителей в местные партийные организации, живо интересовался их работой, давал практические советы, обеспечивал необходимой марксистской литературой.

Сохранившиеся документы убедительно подтверждают то, что большевистские организации, во главе которых находились такие видные деятели партии, как М. В. Фрунзе, А. Ф. Мясников, В. Г. Кнорин, М. М. Хатаевич и другие, превратились к октябрю 1917 года в мощную политическую силу. В них насчитывалось 28 591 член партии и 27 856 сочувствующих. Крупнейшими партийными организациями были Минская, имевшая в своем составе 1200 коммунистов, Полесская (Гомельская) — 820, Витебская — более 400, Бобруйская — 187, Слуцкая — 200, Оршанская, Полоцкая, Замирьевская и другие. Сильные партийные организации к октябрю 1917 года действовали в частях Западного фронта. Во 2-й армии, например, было 2388 членов партии и 400 сочувствующих, в 3-й армии — 532 члена, в 10-й армии — 1156 членов и 1164 сочувствующих.

Большую роль в борьбе за победу социалистической революции имели решения VI съезда РСДРП(б). Большевистские организации Белоруссии встретили эти решения с огромным воодушевлением и положили их в основу своей практической деятельности.

Выдвинутая В. И. Лениным программа непосредственной подготовки к вооруженному восстанию

настоятельно требовала организационного объединения большевистских организаций Белоруссии и Западного фронта, создания областного партийного центра. В соответствии с указанием ЦК партии, по инициативе Минского комитета 1—3 сентября 1917 года в городе было проведено Западно-фронтное и областное совещание РСДРП(б), положившее начало объединению большевистских организаций. Было решено созвать областную конференцию РСДРП(б). Состоявшаяся 15—18 сентября 1917 года I Северо-Западная областная конференция РСДРП(б) организационно оформила создание единого партийного центра в составе 27 членов во главе с А. Ф. Мясниковым. Это явилось важным этапом на пути к образованию Компартии Белоруссии. Конференция решительно осудила антинародную политику Временного правительства и потребовала перехода власти к Советам, осуществления национализации крупной промышленности и установления рабочего контроля над производством.

Северо-Западный областной комитет стал руководящим центром борьбы трудящихся Белоруссии и солдат Западного фронта за социалистическую революцию. Под его руководством большевики, следуя указаниям вождя революции В. И. Ленина, разоблачали соглашательскую политику меньшевиков, эсеров, бундовцев и буржуазных националистов, поднимали трудящиеся массы на борьбу с контрреволюцией, за свержение буржуазного Временного правительства.

5—7 октября 1917 года в Минске состоялась II Чрезвычайная Северо-Западная областная конференция РСДРП(б). Она признала, что «ближайшей жизненной задачей спасения революции и страны является взятие власти в свои руки путем согласованной между Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов революционной инициативы, всей полноты власти как в центре, так и на местах». Вся работа конференции проходила под знаком непосредственной подготовки масс к вооруженному восстанию.

В сентябре — октябре 1917 года в Белоруссии, как и во всей стране, революционное движение, возглавляемое большевиками, приобрело невиданный до

сего времени размах, охватило огромные массы рабочих, солдат и крестьян. В авангарде революционного движения шел рабочий класс во главе со своим испытанным вождем — большевистской партией. Под влиянием рабочего движения широко развертывалось революционное движение трудящихся крестьян против помещиков и буржуазного Временного правительства, за мир и землю. Крестьяне громили имения помещиков, захватывали земли. По мере роста крестьянского движения возрастала роль крестьянских комитетов и Советов в деревне.

Выполняя указания ЦК партии, коммунисты Белоруссии в период подготовки вооруженного восстания первоочередное внимание уделяли в своей деятельности Западному фронту, большевизации армии, укреплению армейских партийных организаций. Под руководством большевиков усиливалось революционное движение среди солдат. Солдатские массы все решительнее становились на сторону революции и требовали передачи всей власти в руки большевистских Советов.

Большевистские организации Белоруссии и Западного фронта докладывали Центральному Комитету, что большинство трудящихся масс и солдат фронта поддерживают большевиков и становятся на сторону революции. Минский комитет РСДРП(б) в начале октября 1917 года сообщал: «Наше влияние на фронте растет... Перевыборы в Совет дадут в подавляющем большинстве большевиков». «Настроение у нас самое благоприятное: почти весь гарнизон и ближайшие деревни идут за нами. Работаем энергично», — докладывал Оршанский комитет 22 октября. Большевики 16-го Мингрельского полка писали, что полковая партийная организация объединила вокруг себя почти весь корпус. «Теперь наш полк всецело стоит за большевиков и во всякое время поддержит их»³.

В секретной сводке о настроении войск за неделю, с 14 по 21 октября, комиссар буржуазного Временного правительства на Западном фронте Жданов вынужден был признать, что характерным явлением стало самовольное переизбрание комитетов, в которые после выборов проникают одни только больше-

вики. 22 октября он сообщал Временному правительству о том, что Западный фронт не может быть его опорой, что «настроение комитетов, офицеров и командного состава... паническое. Руки опустились. Развал достигает своего предела».

ЦК РСДРП(б) пристально следил за развитием революционных событий в Белоруссии, придавал ему большое значение. Это подтверждается тем, что на историческом заседании ЦК партии 10 октября, где было принято решение в ближайшие дни начать вооруженное восстание, Я. М. Свердлов в своем выступлении отметил, что солдаты Западного фронта в своей массе идут за большевиками, что минский гарнизон при необходимости может захватить находившийся в городе штаб Западного фронта, разоружить все кольцо войск и послать корпус на помощь Петрограду⁴.

В. И. Ленин с большим вниманием отнесся к сообщению Я. М. Свердлова. В своем докладе о текущем моменте он указал на необходимость воспользоваться «...предложением из Минска»⁵.

Исключительно важную роль в деле укрепления большевистских рядов, сплочения трудящихся Белоруссии и солдат Западного фронта вокруг Коммунистической партии для решающих боев против помещиков и капиталистов сыграла газета «Звезда» — орган Минского комитета РСДРП(б), которая начала выходить с 27 июля 1917 года в обстановке разгула контрреволюции.

С первого же номера «Звезда» стала революционным органом большевиков Белоруссии и Западного фронта. Она освещала самые животрепещущие вопросы, выдвигала ясные и четкие революционные лозунги, разоблачала антинародную контрреволюционную сущность Временного правительства и соглашательских партий меньшевиков, эсеров и бундовцев. За последовательную революционную линию газета «Звезда» подвергалась постоянному преследованию со стороны Временного правительства. 24 августа она была закрыта. Но уже с 15 сентября газета начала выходить под названием «Молот». 7 октября «Молот» также был закрыт. На следующий же день, 8 октября, большевики выпустили га-

зету под названием «Буревестник». 25 октября газета «Буревестник» вышла с призывом вырвать власть у корниловцев и передать ее Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

25 октября 1917 года в Петрограде победила Октябрьская социалистическая революция. II Всероссийский съезд Советов провозгласил переход всей государственной власти в руки Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, принял ленинские декреты о мире и о земле и образовал первое Советское правительство во главе с В. И. Лениным.

Всемирная история знает немало выдающихся событий, знаменовавших переломные моменты и крупные повороты в развитии общества в его неуклонном движении вперед. Среди них Великая Октябрьская социалистическая революция занимает самое выдающееся место. По своему характеру, задачам и целям, по перевороту в общественном производстве, вовлечению широчайших масс в революционные события ни одна революция до этого не может быть поставлена в один ряд с Октябрьской революцией. «Эта революция,— писала «Правда» 1 мая 1919 года,— останется в веках, как грань мирового переворота, а голодное, нищее, но упорное, проникнутое великим стремлением поколение современных пролетариев будет чтиться, как рать новых Прометеев, добывших свет для потомков».

В. И. Ленин, выступая на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября 1917 года с докладом о задачах власти Советов, говорил: «Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма»⁶.

Сбылись пророческие слова великого Ленина. В нашей стране героическими трудовыми усилиями рабочих и крестьян под руководством Коммунистической партии построен социализм, и ныне советский народ осуществляет грандиозную программу строительства коммунизма.

Советская власть, возникшая в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции в Петрограде, по выражению В. И. Ленина,

«победным триумфальным шествием» распространилась по всей огромной стране. Одним из ярких примеров быстрого триумфального шествия Советской власти является победа Октябрьской социалистической революции в Белоруссии, свершившаяся одновременно с победой революции в Петрограде.

В Минске на 12 часов дня 25 октября было назначено заседание Северо-Западного областного комитета партии, куда были приглашены представители воинских частей с фронта. Командир 1-го Туркестанского полка большевик В. В. Каменцов позже писал: «25 октября я приехал в Минск по вызову тов. Мясникова на заседание областного комитета. К началу заседания в город пришла весть о том, что в Петрограде произошли большие события. С телеграфа были получены сведения, что на имя главнокомандующего фронтом получено много телеграмм, но содержание их неизвестно.

Вдруг врывается в комнату, где собрались члены областного комитета, тов. Кривошеин, держа в руках какую-то бумагу. «Радиотелеграмма Старосельской радиостанции!» — радостно воскликнул он.

Тов. Мясников вырвал из рук Кривошеина радиограмму и прочел вслух. Это было сообщение о свержении Временного правительства Керенского и о победе пролетарской революции в столице».

При открытии заседания А. Ф. Мясников поставил вопрос о захвате всей власти в городе и указал, что руководство минским гарнизоном надо передать революционному штабу, который был создан при Минском Совете, занять все важнейшие караулы своими частями и образовать Военно-революционный комитет, который должен взять всю полноту власти в свои руки.

После закрытия заседания А. Ф. Мясников вместе с другими большевиками сразу же направился на съезд крестьянских депутатов Западного фронта, заседавший в Минске под руководством лидера партии эсеров Чернова, и объявил о победе вооруженного восстания в Петрограде, свержении Временного правительства. Съезд прекратил работу, а Чернов сбежал в Могилев, в Ставку верховного главнокомандующего.

Исполнительный комитет Минского Совета в тот же день издал исторический приказ № 1 к населению города и окрестностей, к двум часам дня он был расклеен. В приказе говорилось: «В Минске власть перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов, который обратился ко всем революционным организациям и политическим партиям с предложением немедленно приступить к организации временной революционной власти на местах.

Объявляя о происшедшем, Минский Совет рабочих и солдатских депутатов доводит до сведения всех граждан, что им приняты самые решительные меры к охране революционного порядка и установлению полезной дисциплины повсюду. Установлена революционная цензура над всеми выходящими в Минске и получаемыми здесь газетами для предупреждения распространения волнующих население слухов»⁷.

Северо-Западный областной комитет партии и Минский Совет немедленно установили свой контроль над важнейшими местными правительственными учреждениями, почтой, телеграфом, послали во все учреждения и крупные предприятия, на железнодорожный узел своих представителей. В штаб Западного фронта в качестве комиссаров были посланы члены областного и Минского комитетов РСДРП(б) С. Е. Щукин и П. Н. Полукаров. Комиссаром на железнодорожном узле назначили К. Четырбока. На железнодорожной станции был организован штаб красногвардейцев-железнодорожников, где устанавливалось круглосуточное дежурство. Из тюрьмы освободили большое количество солдат и рабочих, арестованных Временным правительством после июльских дней. По распоряжению Минского Совета они сразу же вооружились винтовками и пулеметами, захваченными на оружейных складах артиллерийских мастерских.

Из освобожденных солдат был сформирован 1-й революционный полк, названный именем Минского Совета. Этот полк, насчитывавший до 2000 бойцов, явился основным вооруженным оплотом Советской власти в Минске.

Кроме солдат революционного полка вооружались рабочие железнодорожного узла и других предприя-

тий города, а также солдаты 37-го и 289-го запасных пехотных полков, расквартировавшихся в Минске и ставших в большинстве своем на сторону большевиков.

Революционный полк имени Минского Совета и красногвардейские отряды в полной боевой готовности направились на Петроградскую (ныне Ленинградскую) улицу, к дому № 6, где помещались Минский комитет РСДРП(б) и Минский Совет. Когда колонны подошли к зданию Совета, раздалось громкое «ура». Это солдаты и рабочие-красногвардейцы приветствовали власть Советов.

У здания Минского Совета состоялся митинг. Председатель Северо-Западного областного комитета партии А. Ф. Мясников, председатель Минского Совета К. И. Ландер и другие товарищи с балкона здания поздравили участников митинга с победой и призвали защищать молодую Советскую власть.

«На этом митинге на мою долю, как представителя минского военного гарнизона, — писал большевик С. Ф. Федорович, — выпала честь поздравить солдат, рабочих и всех трудящихся Минска с победой Великой Октябрьской социалистической революции и объявить об организации Красной гвардии для защиты завоевания трудового народа. После митинга красногвардейцы немедленно захватили все главные объекты города и военные склады. На меня возлагалась ответственность за сохранение электростанции, пивоваренного завода Лекерта и установление там революционного порядка»⁸.

По решению областного комитета партии в Минске 26 октября создан Военно-революционный комитет в составе А. Ф. Мясникова, К. И. Ландера, В. Г. Кнорина, В. Н. Фреймана, М. И. Калмановича и других. Начальником минского гарнизона назначен большевик Н. И. Кривошеин. Перед Военно-революционным комитетом была поставлена задача закрепить завоевания социалистической революции, создать органы Советской власти в Белоруссии и на Западном фронте, не допустить отправки с фронта контрреволюционных частей на помощь Керенскому. ВРК сразу же сосредоточил в своих руках всю полноту власти и начал решительно пресекать по-

пытки контрреволюции помешать установлению Советской власти.

Энергичные действия революционных сил Минска основательно напугали врагов революции. Комиссар Временного правительства на Западном фронте меньшевик Жданов 26 октября в телеграмме на имя Керенского и московского городского головы эсера Руднева сообщал о событиях в Минске: «Вчера большевистский президиум Совета депутатов издал приказ о переходе к нему всей власти... занял все учреждения»⁹.

Главкомандующий Западным фронтом генерал Балугев в тот же день телеграфировал в Могилев, в Ставку, что в Минске все в свои руки взял Совет. Сейчас, сообщалось в телеграмме, явился караул и требует производить работу под контролем их революционного штаба. Положение скверное. На гарнизон Минска надеяться не могу.

Балугев был прав. Контрреволюционное командование фронта не могло больше надеяться на минский гарнизон, его солдаты были на стороне Совета. Северо-Западный областной комитет РСДРП(б) и Минский Совет призвали рабочих, солдат, всех трудящихся поддержать революционные столицы — Петроград и Москву — и немедленно установить Советскую власть на местах.

С победой вооруженного восстания в Петрограде борьба рабочих и трудящихся крестьян под руководством Коммунистической партии за установление Советской власти развернулась и в других городах, уездах и волостях Белоруссии.

В течение ноября 1917 года, в обстановке острой классовой борьбы, большевики, опираясь на поддержку широчайших масс трудящихся, добились установления Советской власти в Витебске, Орше, Гомеле, Бобруйске, Полоцке, Слуцке, Мозыре, Речице, Рогачеве, Борисове и других городах и уездах Белоруссии, свободных от немецкой оккупации.

Быстрой победе социалистической революции в Белоруссии в значительной мере способствовала близость фронта, где солдатские массы в своем большинстве шли за большевиками. В воинских частях Западного фронта солдаты восставали против старо-

го генералитета. По призыву Коммунистической партии создавались солдатские революционные комитеты, которые осуществляли контроль за действиями генералов и офицеров, а наиболее реакционных из них отстраняли от командования и избирали своих командиров. Повсеместно проходили дивизионные и корпусные съезды, которые избирали новые комитеты.

1 ноября в Несвиже, в замке князя Радзивилла, открылся II Чрезвычайный съезд 2-й армии. Съезд единодушно приветствовал Советскую власть, а также декреты о земле и мире, принял декларацию, в которой определялись практические меры по осуществлению завоеваний Октябрьской социалистической революции в армии. Всю полноту власти в армии съезд передал вновь избранному армейскому комитету. Съезд объявил меньшевистско-эсеровский «Комитет спасения революции» и его комиссаров изменниками родины и революции.

С большим подъемом прошел III съезд 10-й армии. Он открылся 7 ноября в Молодечно, присутствовало около 600 делегатов. Представитель Петроградского ВРК передал приветствие делегатам от столичного комитета. Съезд единодушно ответил, что солдаты 10-й армии, все как один, стоят на страже рабочей и крестьянской революции. Они надеются, что союз рабочих, солдат и крестьян, созданный под руководством Коммунистической партии, доведет пролетарскую революцию до победного завершения. Теперь солдаты понимают, заявили делегаты, что Советская власть — их собственная власть, что дело революции и мира находится в их руках.

С докладом по текущему моменту на съезде выступил председатель Северо-Западного областного комитета РСДРП(б) А. Ф. Мясников. По его докладу съезд постановил: признать Советскую власть и безоговорочно поддержать Совет Народных Комиссаров, приветствовать первые шаги Советского правительства на пути к осуществлению стремлений революционного народа — декреты о земле и мире, отмену смертной казни, считать единственной властью на местах Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а в армии — комитеты.

Съезд принял приветственную телеграмму ВЦИК, в которой обещал ему полную активную поддержку в борьбе с контрреволюцией. Был избран новый армейский комитет, в котором большевики обеспечили себе руководящую роль — 17 мест. Избран Военно-революционный комитет в составе Яркина (председатель), Хрусталева, Богачева и других.

В начале ноября состоялся также II съезд 3-й армии в Полоцке. От имени съезда избранный на нем ВРК послал телеграмму общearмейскому комитету при Ставке в Могилеве, в которой говорилось, что вся 3-я армия стоит за правительство Народных Комиссаров и всякого, кто будет мешать этому правительству, она считает своим врагом. Генералу Духонину на съезде было высказано недоверие.

В конце октября и начале ноября прошли съезды солдат во многих воинских частях Западного фронта. Повсеместно они приветствовали Советскую власть и обещали в любой момент выступить на защиту завоеваний социалистической революции.

Таким образом, к концу ноября 1917 года Великая Октябрьская социалистическая революция победила на всей территории Белоруссии, за исключением части западных районов, занятых войсками немецкого империализма.

Президиум Исполнительного Комитета Советов Западной области в отчете СНК и ВЦИК на имя В. И. Ленина и Я. М. Свердлова весной 1918 года писал: «Процесс перехода власти к Советам в Западной области, т. е. губерниях Могилевской, Витебской, Минской и части Виленской, начавшийся в дни Октябрьской революции, прошел чрезвычайно быстро и уже спустя две недели завершился во всех более или менее крупных пунктах победой Советской власти. Близость фронта оказала... влияние на все течение этого процесса: солдатские массы, часто посещаемые нашими агитаторами, следившие за нашей печатью, организованные в наши партийные ячейки, сильно способствовали пробуждению классового самосознания в деревне и правильному уяснению тактики и принципов революционного социализма»¹⁰.

Центральный Комитет Коммунистической партии оказывал практическую помощь партийным органи-

зациям Белоруссии в деле победы Октябрьской революции и установления Советской власти на местах. С этой целью сюда были посланы уполномоченные ЦК партии и Петроградского Военно-революционного комитета, в том числе в Витебскую губернию — 50 человек, Минскую — 15, Могилевскую — 11. Уполномоченные объезжали многие сотни населенных пунктов, разъясняли декреты II Всероссийского съезда Советов и совместно с местными партийными организациями создавали Советы.

Трудящиеся массы беспредельно верили Коммунистической партии и шли за ней. Своей самоотверженной борьбой за дело рабочих и крестьян она заслужила безграничную любовь и доверие всего трудового народа. Эта любовь и преданность к партии большевиков ярко выражались в многочисленных приветствиях, которые рабочие и крестьяне Белоруссии посылали в Центральный Комитет, Совету Народных Комиссаров, вождю революции В. И. Ленину.

На проходивших митингах и собраниях рабочие, солдаты и трудящиеся крестьяне от всей души приветствовали Советскую власть, заверяли о полной поддержке Совета Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным. На заседании Минского комитета рабочих и служащих Александровской железной дороги 8 ноября была принята резолюция, в которой заявлялось, что районный комитет приветствует переход власти в руки народа и приложит все силы для поддержания революционного порядка на благо Родины.

Рабочие и работницы витебской льнопрядильной фабрики «Двина» и жители пригорода Марковщина на митинге 13 ноября, на который собралось 3000 человек, заявили, что они не признают никакой другой власти, кроме Совета Народных Комиссаров, и будут поддерживать Военно-революционный комитет как орган, стоящий на страже интересов рабочих, солдат и беднейших крестьян. Единственной партией, защищающей интересы рабочих, солдат и крестьян, заявили они, является партия большевиков.

Приветствуя большевиков, крестьянин хутора Красный Барак Любанской волости Минской губер-

нии Идеалов в стихотворении в адрес В. И. Ленина писал:

Слава, слава, слава Вам,
Молодцам-большевикам,
Вы буржуев победили
И народ освободили ¹¹.

Многочисленные резолюции, принимаемые на собраниях рабочих, крестьян и солдат, ярко характеризовали отношение и доверие широких трудящихся масс к Советской власти, установленной в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти в России были встречены империалистами всех стран с яростной ненавистью. Особенно бешеную злобу у них вызывала провозглашенная партией большевиков во главе с В. И. Лениным политика мира и дружбы между народами, что являлось одной из главных преград на пути агрессивных планов англо-французского и американского империализма.

Позиция империалистических государств, союзников царской России, легко объяснима. Страны Антанты не хотели лишиться поддержки русской армии, оттягивавшей на себя основные силы Австрии и Германии. Но главное состояло в том, что международный империализм боялся упрочения социалистической революции в России, к которому привело бы заключение мира. Империалисты понимали, что существование Советской власти на территории огромной страны, какой является наша Родина, и ее успехи в социалистическом строительстве послужат примером для трудящихся масс всего мира в их борьбе против эксплуататоров в своих странах.

Уже в первом историческом Декрете о мире, принятом 26 октября 1917 года II Всероссийским съездом Советов, в котором война объявлялась «величайшим преступлением против человечества», Советское правительство предложило всем народам и правительствам воюющих стран немедленно начать

переговоры и заключить справедливый всеобщий демократический мир.

На это предложение правительства империалистических держав, заинтересованные в продолжении грабительской войны, не дали ответа, организовав вокруг него заговор молчания. Не ответили они и на ноту народного комиссариата иностранных дел от 8 ноября 1917 года на имя послов Англии, Франции и США, в которой официально предлагалось приступить к мирным переговорам. Были отклонены и последующие советские аналогичные предложения.

Советское правительство решило само приступить к переговорам с Германией и Австрией. С этой целью Совет Народных Комиссаров 7 ноября обязал исполняющего обязанности верховного главнокомандующего генерала Духонина обратиться к командованию неприятельских армий с предложением немедленно приостановить военные действия и начать переговоры о перемирии. Однако Духонин, поддержанный силами внутренней и внешней контрреволюции, отказался выполнить приказ Советского правительства. СНК вынужден был обратиться непосредственно к солдатским массам.

9 ноября от имени правительства за подписью В. И. Ленина была послана в войска радиотелеграмма, призывавшая все полковые, корпусные, армейские и другие комитеты, всех солдат революционной армии и матросов революционного флота взять дело мира в свои собственные руки, повести переговоры о заключении перемирия.

«Солдаты! Дело мира в ваших руках,— говорилось в обращении.— Вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционной армии самосудов и помешать этим генералам уклониться от ожидающего их суда. Вы сохраните строжайший революционный и военный порядок.

Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем.

Совет Народных Комиссаров дает вам право на это.

О каждом шаге переговоров извещайте нас всеми способами. Подписать окончательный договор о перемирии вправе только Совет Народных Комиссаров.

Солдаты! Дело мира в ваших руках! Бдительность, выдержка, энергия, и дело мира победит!»¹²

Весть о призыве Советского правительства немедленно покончить с ненавистной войной быстро облетела все воинские части. Радость охватила миллионы солдат, рабочих и трудящихся крестьян.

Большевики Белоруссии и Западного фронта в ответ на призыв Советского правительства приняли энергичные меры для заключения перемирия. Военно-революционный комитет фронта сразу же разослал радиотелеграмму В. И. Ленина всем армейским комитетам, которые в свою очередь предложили корпусным комитетам безотлагательно приступить к переговорам непосредственно с командованием противостоящих частей немецких войск.

Газета «Звезда» 10 ноября опубликовала редакционную статью «Накануне перемирия», в которой говорилось: «Мы, солдаты, измученные долгою войной в интересах международного капитала, конечно, ни на один день не промедлим. Сейчас же мы должны сделать все зависящее от нас. Немедленно мы должны вступить в переговоры с германскими солдатами... Мир будет заключен на фронте восставшими солдатами, а не генералами и дипломатическими агентами международного капитала».

ВРК фронта подготовил и разослал всем комитетам инструкцию по подготовке перемирия, основные положения которой сводились к следующему. При всех войсковых комитетах немедленно образовывались комиссии по организации и ведению переговоров. Деятельностью всех комиссий руководит комиссия при ВРК Западного фронта. Она для этого немедленно устанавливает связь со всеми участками фронта. Переговоры о перемирии должны проводиться комиссиями при корпусных комитетах, совместно с представителями дивизионных, полковых и районных комитетов непосредственно с парламентами германских армий. Переговоры могут вестись только днем, в нейтральной зоне, через одного или нескольких вполне заслуживающих доверия переводчи-

ков. Во время переговоров, под страхом революционной ответственности, воспрещается говорить о составе боевых частей, их состоянии, расположении, продовольствии и т. п. Общение с неприятельскими солдатами допускается только днем, в пространстве между проволочными заграждениями, и только через уполномоченных на то комитетами лиц. В течение всего времени переговоров войсковые части должны соблюдать строгую бдительность, не допуская ослабления боеспособности своих участков. О ходе переговоров комиссии обязаны подробно информировать как Совнарком, так и высшие инстанции, а окончательное подписание договоров о перемирии разрешается лишь после получения на это согласия Совета Народных Комиссаров¹³.

Придавая исключительно большое значение перемирию, «Звезда» крупным аншлагом, обращаясь к солдатам, писала: «Сделаем решительный шаг, мы приступаем к мирным переговорам. Смотрите, чтобы вас никто не спровоцировал. Теперь мы больше, чем когда бы то ни стало, должны быть наготове с оружием в руках. Армия до окончательной демобилизации должна стоять на фронте»¹⁴.

Первым откликнулся на призыв Совета Народных Комиссаров Гренадерский корпус 2-й армии, дислоцировавшийся в районе Слуцка, который по своим настроениям был одним из наиболее революционных. Во главе исполнительного комитета этого корпуса стоял Е. Н. Конобаев, инициативный и решительный большевик.

11 ноября корпусный комитет вынес решение вступить в переговоры с немцами о перемирии и обратился с воззванием ко всем солдатским комитетам Гренадерского корпуса для широкого его распространения среди солдат.

«Товарищи! — говорилось в воззвании. — Первый шаг сделан во исполнение воли Совета Народных Комиссаров. Исполнительный комитет Гренадерского корпуса в 10 часов по радиотелеграфу обратился к штабу стоящей против нас германской части с предложением о перемирии на нашем участке военных действий. Ждем ответа на посланную радиограмму. Комитет уверен, что выражает волю корпуса, и наде-

ется, что все товарищи отнесутся с полным сознанием всей важности момента. Ни одна часть нашего корпуса не позволит по отношению к немецкому солдату таких неосторожных выступлений, которые могли бы помешать всей важности значения нашего первого решительного шага к достижению желательного всеобщего мира. Товарищи! С этого момента ни одного лишнего выстрела»¹⁵.

На следующий день, 12 ноября, в 10 часов утра в условленном месте представители корпусного комитета встретились с офицером штаба германской дивизии. Встреча носила неофициальный характер. После этой встречи в тот же день вечером командование противостоящей немецкой дивизии прислало письменное согласие на переговоры о перемирии. Место для переговоров — у линии железной дороги, идущей от Барановичей. Исполнительный комитет Гренадерского корпуса, приняв предложение немцев, назначил делегацию в составе председателя исполнительного комитета корпуса Е. Конобаева, комиссара В. Воробьева и членов исполнительного комитета корпуса А. Лебедева и С. Рака.

Обе стороны договорились встретиться 14 ноября. Корпусной комитет в тот же день выпустил обращение, в котором подчеркивалось, что он придает серьезное значение такому началу и выражает уверенность, что все товарищи будут воздерживаться от каких-либо неорганизованных выступлений, которые могут подрывать значение первого шага в борьбе за мир.

В 12 часов дня официальные представители корпуса встретились на нейтральной полосе между окопами с прибывшими сюда провожатыми немцев. Они предложили вести переговоры в классном железнодорожном вагоне, в их расположении, на что наша делегация дала согласие. После этого, завязав глаза нашим представителям, немцы повели их через свои окопы, затем на автомобиле повезли в сторону Барановичей. Проехав километра 2—3, автомобиль остановился у классного вагона, где делегатов встретил майор штаба германской армии генерала Войрша.

В вагоне, после коротких приветствий, рассказывали позже наши делегаты, им подали несколько

уже подготовленных экземпляров договора о перемирии, пункты которого подверглись совместному обсуждению.

В результате четырехчасового обсуждения договор о временном прекращении военных действий на участке около 35 километров в районе восточнее города Барановичи был подписан.

В договоре, в частности, говорилось:

«1) Прекращение военных действий начинается 16 ноября 1917 г. в 12 час. дня по средневропейскому времени и остается в силе впредь до отказа одной из сторон. Таковой отказ должен быть заявлен за 2 дня вперед.

2) Договор о прекращении военных действий распространяется на фронтовой участок, ограниченный к югу через линию: северная часть Барановичи, северная часть Горбачи, а к северу через линию северная часть Бриковичи, южная часть Полонечки. В этом участке все военные действия прекращаются»¹⁶.

Этот договор был напечатан 18 ноября в газете «Фронт» и на следующий день в «Известиях Гренадерского корпуса».

«Перемирие Гренадерского корпуса было для нас, прежде всего, хорошим предзнаменованием, писал член ВРК 2-й армии Н. Г. Петров. До сих пор мы слышали немало голосов о том, что германское командование с большевиками и разговаривать не будет. По мнению одних, потому, что и они, немцы, не позволят себе признать большевиков законной властью. По мнению других, потому, что большевики не смогут обеспечить всех условий, необходимых для перемирия, прежде всего, дисциплины на всех фронтах. Пророчества тех и других провалились. Более того, мы смогли убедиться, что немцы крайне заинтересованы в заключении перемирия и мира с такой крупной страной, как Россия, да и не прочь заключить мир на всех фронтах»¹⁷.

Вслед были заключены договоры о перемирии 15-м армейским корпусом 3-й армии с 57-й германской дивизией, 35-м армейским корпусом 3-й армии с 31-й германской дивизией. 17 ноября заключила перемирие 69-я пехотная дивизия 10-й армии с

11-й германской дивизией. 19 ноября было подписано перемирие между 3-м армейским корпусом 10-й армии и 57-м немецким корпусом.

Армейские Военно-революционные комитеты Западного фронта также повели переговоры с противостоящими немецкими войсками. 17 ноября в 18 часов 30 минут ВРК 2-й армии послал радиотелеграмму в штаб германской армии генерала Войрша следующего содержания: «Военно-революционный комитет 2-й армии, являющийся властью в армии, обращается к вам, генерал Войрша, с предложением начать немедленно официальные переговоры о перемирии на фронте своей армии»¹⁸.

Аналогичная телеграмма была послана Военно-революционным комитетом 10-й армии в штаб 12-й немецкой армии. В ней, в частности, говорилось, что ВРК, имеющий всю полноту власти, предлагает во исполнение воли солдат и предписания правительства Народных Комиссаров вступить в переговоры о перемирии с противостоящей германской армией. Командование немецкой армии незамедлительно дало свое согласие начать переговоры.

Заключение отдельными войсковыми соединениями фронта договоров о перемирии создало благоприятные условия для переговоров о перемирии с командованием войск противника на всем протяжении Западного фронта. На предложение его ВРК о времени и месте переговоров главнокомандующий германской армейской группой фон Эйхгорн 18 ноября сообщил о своем согласии начать их. Переговоры были назначены на 12 часов дня 19 ноября в местечке Солы (в 15-ти километрах от Сморгони, ныне районного центра Гродненской области).

Для ведения переговоров и подписания перемирия была утверждена делегация от Военно-революционного комитета Западного фронта в составе: солдата С. Е. Шукина (председатель) — члена Северо-Западного областного комитета РСДРП(б) и ВРК фронта¹⁹, солдата В. В. Фомина — члена областного комитета РСДРП(б) и ВРК фронта, младшего унтер-офицера С. И. Берсона — члена ВРК фронта; от 2-й армии: доктора Н. С. Тихменева — члена областного комитета РСДРП(б), товарища председа-

теля ВРК 2-й армии доктора Н. Г. Петрова; от 3-й армии: членов Совета 3-й армии солдат Школьников и Лукьянова; от 10-й армии: солдата Яркина — председателя ВРК 10-й армии, Хрусталева (секретарь) — члена ВРК 10-й армии. Кроме того, в состав делегации входили два специалиста от штаба: Липский и Крузенштейн, переводчик Калаш.

Делегация выехала из Минска поздно вечером 18 ноября. Член делегации Н. Г. Петров впоследствии написал воспоминания, как они добирались до местечка Сола и вели переговоры:

— В Молодечно должны были подать паровоз с вагоном для поездки до конечной станции. Но произошло грубое нарушение расписания, мы на место свидания опоздали на целые сутки. Прежде всего на ст. Молодечно долго не могли добиться подачи обещанного паровоза с вагоном. При всем тогдашнем доверчивом отношении к людям возникло подозрение в умышленном саботаже. Враги Советской власти и ее мирной политики в то время были везде. Лишь в третьем часу дня делегация тронулась дальше.

Станция Залесье — конец железнодорожного пути. Здесь нашли, к великому удивлению, ожидавших три легковых автомобиля. До штаба немецкой дивизии доехали на автомашинах. Вошли в какую-то обширную постройку, вероятно, офицерское собрание. Тут же состоялось коротенькое совещание русской делегации, посвященное церемониальной стороне дела. Вид делегатов довольно пестрый и непарадный. Лишь штабисты одеты безукоризненно. Прилично одеты врач Тихменев и переводчик Калаш. Остальные были одеты просто, по-окопному.

В назначенную минуту утром 20 ноября обе делегации одновременно вошли в зал с противоположных концов, расположившись по разные стороны длинного стола. Немцев за стол уселось ровно столько, сколько было человек в русской делегации.

Центральной немецкой фигурой на переговорах был начальник штаба группы армий генерал-майор фон Зауберцвейг. По описанию Н. Г. Петрова — это высокий человек с бочкообразной выпяченной грудью, с усами, закрученными кверху, с нависши-

ми густыми бровями. Орденская планка и два больших креста украшали его грудь. И говорил он громким отрывистым голосом, что было характерно для немецких генералов.

Полномочия на ведение переговоров предъявил наш солдат С. Е. Щукин. Надо сказать, что даже с чисто внешней стороны фигура руководителя советской делегации оказалась очень удачной. Он среднего роста, правильно сложенный, блондин, в очках, с умным лицом русского интеллигента.

Наблюдая за генералом фон Зауберцвейгом и его коллегами, я подметил, подчеркивал Н. Г. Петров, что им вскоре стал импонировать простой русский солдат в роли представителя фронта: с таким тактом, достоинством, умело и умно С. Е. Щукин вел свою дипломатическую миссию.

После окончания церемоний и кратких приветственных речей сразу обнаружилось, насколько нереально немцы оценивают обстановку данного совещания. Они исходили из того, что общее положение у нас трудное и что наши делегаты простачки, ничего не понимающие, и прибыли неподготовленными.

Руководитель немецкой делегации высокомерно заявил, что проект договора о перемирии к подписанию готов, отпечатан в двух экземплярах, на русском и немецком языках. Он спрашивает С. Е. Щукина: пожелает ли наша делегация заслушать его прямо здесь или предпочтет сначала познакомиться с ним в своем узком кругу?

Можно было видеть разочарование немцев, когда С. Е. Щукин заявил, что у нас тоже есть проект договора и тоже на двух языках, и предложил огласить оба проекта.

После оглашения обстоятельного русского проекта немцы вынуждены были предложить перерыв для его изучения.

Когда возобновилось заседание, началось обсуждение проекта договора по пунктам. Поскольку немецкий проект являлся совершенно пустым, в основу обсуждения лег наш проект. Переговоры носили характер диалога двух лиц: Щукина и фон Зауберцвейга. Лишь изредка наши штабные офицеры Липский и Крузенштейн брали, с разрешения Щукина,

слово для справок, изложения дополнительных соображений, уточнения формулировок.

Заседание затянулось. Шло оно с несколькими небольшими перерывами весь день 20 ноября, всю ночь с 20 на 21 и закончилось лишь утром. Длилось оно примерно 30 напряженных часов.

Споры с немцами, и притом довольно резкие, с ультиматумами, происходили по нескольким вопросам. Наибольшее возражение у них встретили два наших пункта: о братании и передвижении войск.

Самый серьезный вопрос, по которому нашей делегации пришлось дать немцам решительный бой, вспоминает другой член делегации В. И. Яркин, — пункт о переброске воинских частей на фронте, на что германская делегация долго не соглашалась. Много пришлось затратить времени, энергии, такта для того, чтобы убедить германскую сторону в правоте нашего требования. Немцы были удивлены настойчивостью и выдержкой русской делегации, которая в основном привела к успешному ходу переговоров и заключению перемирия.

После длительной дискуссии наша делегация «уступила» немцам: сняла термин «братание», заменив его более мягким выражением: «существовавший до сих пор обмен сообщениями». В договоре говорилось: «Вход в нейтральную зону допускается без оружия с рассвета до наступления темноты», а в другом пункте мы добились еще большего, а именно: «Переход германских солдат за свое проволочное ограждение не допускается, но против солдат, нарушивших указанный пункт, не могут быть применены насильственные меры».

Во второй половине дня 21 ноября, после того как по всем пунктам делегации договорились, договор о перемирии был подписан между армиями русского Западного фронта и противостоящими австро-германскими армиями. Договор подписали от имени немецкого главного командования Восточного фронта начальник штаба группы армии генерала Эйхгорна генерал-майор фон Зауберцвейг, майор фон Альтен, ротмистр Эйленбург, капитан Меркер, а также представители русского Западного фронта.

Договор вступал в силу с 12 часов дня 23 ноября, и с этого времени прекращались все военные действия на всем протяжении Западного фронта от местечка Видзы до р. Припять (включительно). Договор заключался сроком на два месяца, т. е. по 24 января 1918 года, или до заключения общего перемирия на всем русско-германском фронте, если таковое последует ранее означенного срока.

Полный текст договора о перемирии был опубликован в газете «Звезда» 23 ноября и в газете «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов» 25 ноября 1917 года. 7 декабря 1917 года газета «Правда», давая обзор переговоров о перемирии на фронтах, отметила это событие, как имеющее в тот момент большое значение. При этом газета процитировала статьи 9-ю и 10-ю заключенного в Солах договора от 21 ноября 1917 года. В них, в частности, говорилось:

«9. ...Всякие крупные переброски и перемещения войсковых частей с русско-западного фронта на время действия настоящего договора не разрешаются. Указанные условия обязательны для обеих сторон.

10. Во время перемирия нейтральной зоной считается только пространство между передовыми проволочными заграждениями обеих сторон»²⁰.

Это опубликование в центральном органе Коммунистической партии было воспринято как положительная оценка работы коммунистов Белоруссии и Западного фронта в борьбе за мир.

Переговоры и подписание перемирия на Западном фронте ускорили переговоры правительственных делегаций о заключении общего перемирия. 22 ноября 1917 года в Брест-Литовске советской правительственной делегацией был подписан договор о перемирии с немецким командованием.

Переговоры в местечке Соля и заключение перемирия на Западном фронте имели исключительное значение, главным образом потому, что ими был завершен большой период борьбы солдатских масс за мир. Трудящиеся Белоруссии и солдаты Западного фронта встретили эти события с большой радостью. В ряде городов и воинских частей состоялись массовые демонстрации, митинги и собрания.

«Как только наша делегация, возвращаясь из местечка Солы, перешла русскую границу,— писал В. И. Яркин,— нас встретила огромная восторженная толпа солдат с красными знаменами. На полустанке недалеко от Сморгони состоялся многотысячный митинг солдат 10-й армии. От имени делегации Западного фронта выступил С. И. Берсон. Он подробно рассказал о переговорах и изложил содержание заключенного договора. Окончание речи С. И. Берсона было встречено участниками митинга долго не смолкающими возгласами «ура!», «Да здравствует Советская власть!», «Да здравствует Ленин!». Солдаты начали качать членов делегации, на руках их понесли к вагону отправляющегося на Молодечно поезда. Вслед уходящему поезду оркестр играл «Интернационал» и «Марсельезу».

25 ноября в Минске прошла массовая демонстрация. В сообщении о ней в газете «Звезда» говорилось, что в ознаменование крупных успехов в борьбе за мир состоялась грандиозная манифестация рабочих, солдат, крестьян ближайших деревень. На центральной площади города участников манифестации приветствовал председатель Северо-Западного областного комитета РСДРП(б), только что избранный главнокомандующим Западным фронтом А. Ф. Мясников. От имени Минского Совета рабочих и солдатских депутатов приветственную речь произнес К. И. Ландер, от исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний — Н. И. Кривошеин.

Председатель Минского Совета К. И. Ландер торжественно, под звуки «Марсельезы», вручил 1-му революционному полку имени Минского Совета знамя, поблагодарил солдат за ту огромную роль, которую этот полк сыграл в революционном движении и установлении Советской власти в Минске.

Затем колонны с красными знаменами направились по Губернаторской, Захарьевской улицам к зданию Минского Совета, мимо которого они прошли с пением революционных песен, с возгласами «Да здравствует Совет Народных Комиссаров!», «Долой мировую бойню!», «Да здравствует власть Советов!».

В Молодечно 25 ноября состоялся расширенный пленум армейского Совета и Военно-революционного комитета 10-й армии с участием всех председателей и секретарей ВРК, председателей военных советов частей армии. По докладу В. И. Яркина пленум дал высокую оценку деятельности делегации Западного фронта на переговорах и всецело приветствовал заключение перемирия как в Солах, так и в Брест-Литовске. Аналогичные решения, приветствовавшие заключения о перемирии и прекращении военных действий, принимались во 2-й и 3-й армиях Западного фронта.

Таким образом, в результате решительной и последовательной борьбы широких масс, руководимых большевиками, на Западном фронте были достигнуты крупные успехи в практическом претворении в жизнь ленинского Декрета о мире. Заключение перемирий имело важное значение в укреплении Советской власти.

С первых дней победы Великой Октябрьской социалистической революции вся деятельность Коммунистической партии была направлена на упрочение Советской власти. Великий вождь партии и народа В. И. Ленин указывал, что удержание власти не менее важно, чем взятие ее. Нужно было предварительно разрушить, сломать старый буржуазный государственный аппарат, а на его месте создать новый аппарат Советского государства. Необходимо было разрушить остатки сословного строя и режим национального гнета, отменить привилегии церкви, ликвидировать контрреволюционную печать и контрреволюционные организации. Наконец, надо было вслед за национализацией земли национализировать крупную промышленность и затем выйти из состояния войны, которая более всего мешала делу упрочения Советской власти.

Октябрьская социалистическая революция с первых своих шагов начала беспощадно ломать старый, прогнивший буржуазный государственный аппарат, выдвинув на его место Советы рабочих, солдатских и

крестьянских депутатов как государственную форму диктатуры пролетариата. Через Советы к управлению государством пришли рабочие и крестьяне.

Осуществляя указания ЦК партии и Совета Народных Комиссаров, Северо-Западный областной комитет РСДРП(б) развернул большую работу по упрочению Советской власти в Белоруссии и проведению в жизнь первых советских декретов.

Для объединения деятельности образованных в первые дни революции Советов необходимо было создать руководящий центр Советской власти. Во второй половине ноября 1917 года в Минске под руководством Северо-Западного комитета большевиков были проведены три съезда: Советов рабочих и солдатских депутатов Западной области, солдатских организаций Западного фронта, крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний. Важнейшее значение этих съездов состояло в том, что они признали Советскую власть как форму государственного устройства Белоруссии, единодушно одобрили все декреты II Всероссийского съезда Советов и на основе их определили задачи и структуру органов Советской власти на местах. «Эти три съезда,— писала 23 ноября 1917 года газета «Звезда»,— дают нам яркую картину, насколько широки те слои, на которые опирается Советская власть и Октябрьская революция».

В соответствии с решениями съездов был образован Высший орган краевой власти в Белоруссии — исполнительный комитет Советов Западной области и фронта (облискомзап), в состав которого вошли депутаты от рабочих, крестьян и солдат. Создание облискомзапа положило начало объединению в Белоруссии Советов рабочих и солдатских депутатов, что явилось конкретным выражением принципа диктатуры пролетариата — союза рабочего класса с крестьянством.

Для руководства хозяйственной, культурной и административной работой был образован Совет Народных Комиссаров Западной области и фронта.

Перед партийными и советскими органами Белоруссии в этот период стояла задача организационно закрепить переход власти в руки рабочих, солдат-

ских и крестьянских депутатов. В ноябре — декабре 1917 года во всех губерниях и уездах Белоруссии под руководством большевистских организаций состоялись съезды рабочих и солдатских депутатов и съезды крестьянских депутатов.

Единодушно принятые на этих съездах решения о признании Советского правительства как единственно народного правительства, отражавшего интересы трудящихся масс, значительно упрочили Советскую власть на местах. Советы рабочих и крестьянских депутатов, избранные на съездах, стали подлинными органами государственной власти, проводили в жизнь все мероприятия Коммунистической партии и Советской власти — претворяли в жизнь ленинские декреты о земле, рабочем контроле над производством, восьмичасовом рабочем дне, улучшении благосостояния трудящихся. Они осуществляли мероприятия по слову старого государственного аппарата и ликвидации разного рода организаций и учреждений, оставшихся от буржуазного Временного правительства.

Распоряжением Совета Народных Комиссаров Западной области и фронта от 14 декабря 1917 года была расформирована канцелярия Минского губернского комиссариата. Функции ее переданы комиссариату по внутренним делам Западной области и фронта. Передана в распоряжение Советской власти типография Минского губернского правления, а газета «Вестник губернского комиссариата» упразднена. Были закрыты также и другие издававшиеся в Минске газеты, которые выступали против Советской власти. Приказом № 8 Военно-революционного комитета Западного фронта от 8 ноября 1917 года прекращен выпуск газеты «Минская жизнь», приказом от 30 ноября закрыта меньшевистская газета «Минская искра». 8 декабря 1917 года объявлено о закрытии газеты «Утренний телеграф».

17 декабря 1917 года Совнарком принял постановление о прекращении контрреволюционной деятельности Всероссийского земского союза на Западном фронте. Все его учреждения были закрыты, их имущество передано в распоряжение органов Советской власти.

Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов начали распускать городские думы, уездные и волостные управы, ставшие после победы пролетарской революции очагами контрреволюции.

Приказом исполкома Витебского Совета 2 января 1918 года распущены городская дума и управа, как организации, ставшие на путь активной борьбы с Советской властью. 5 декабря 1917 года был установлен контроль над действиями Минской городской управы, а 22 января 1918 года состоялось заседание Минского Совета, утвердившее декрет о роспуске городской думы. 18 января 1918 года было опубликовано постановление Несвижского Совета об упразднении думы города Несвижа. 26 января 1918 года постановлением Докшицкого Совета распущено докшицкое контрреволюционное самоуправление. Почти одновременно были распущены городские думы и земские самоуправления в Гомеле, Вилейке, в других городах и местечках Белоруссии, а все их дела переданы Советам.

В соответствии с ленинским декретом о суде, упраздняющим все старые судебные установления, облискомзап создавал новые революционные суды на основе демократических выборов. Для успешной борьбы против всякого рода контрреволюционных сил, а также мародерства, хищения, саботажа и других злоупотреблений были созданы рабоче-крестьянские трибуналы.

Деятельность областного комитета РСДРП(б), исполнительного комитета и СНК Западной области и фронта была направлена на всемерное укрепление Советской власти и на удовлетворение нужд рабочих и трудящихся крестьян.

Облискомзап в своем отчете сообщал Совету Народных Комиссаров и Центральному Исполнительному Комитету, что Советская власть продолжает спокойно работать, проводя в жизнь ряд начинаний. Комиссариат финансов издал два декрета о налоговом обложении буржуазии, собственников, давшие государству не менее одного миллиона рублей. Были национализированы рестораны, кофейные, театры, аптеки, назначены народные комиссары над всеми банками, подчинено Советам казначейство.

Газета «Звезда» 28 ноября 1917 года сообщила, что Минский Совет рабочих и солдатских депутатов назначил своего комиссара в городское отделение Государственного банка.

По всей Белоруссии был введен 8-часовой рабочий день, установлен рабочий контроль над производством. Проводились мероприятия по охране труда рабочих. Владельцы предприятий, не выполняющие установленных советскими и профсоюзными организациями правил труда, подвергались штрафу или привлекались к суду. «Ввиду неисполнения местными торгово-промышленными предприятиями приказов областного Совета Народных Комиссаров, — говорилось в сообщении, — по распоряжению последнего приступлено к наложению штрафов на владельцев предприятий... При невнесении штрафа в течение 24 часов предприятия закрываются, а владелец такого привлекается к суду революционного трибунала»²¹.

Комиссариат труда разработал проект декрета о тяжёлых делах между рабочими и предпринимателями, согласно которому при областном и уездных комиссариатах труда учреждаются трибуналы для разбора всех конфликтных вопросов. За нарушение установленных правил труда и революционного порядка эти трибуналы могли выносить решения, облагающие предпринимателей денежным штрафом, о полной оплате иска, вынесении общественного порицания, лишении общественного доверия, принудительных работах и лишении свободы²².

Принимались меры для улучшения материально-бытового положения трудящихся. Были учтены все хлебные запасы продовольствия, введена хлебная монополия и установлены твердые цены на хлеб. Областной Совнарком вынес постановление о реквизиции квартир у буржуазии и о переселении в них рабочих и городской бедноты, а также ассигновал профсоюзам 35 тысяч рублей на помощь безработным.

Партийными и советскими органами были приняты меры по восстановлению разоренного войной народного хозяйства Белоруссии. В этих целях в середине декабря 1917 года при облискомзапе был

учрежден Комиссариат народного хозяйства, в задачу которого входило «наилучшее использование всех технических сил области и фронта... сохранение и приспособление всего технического аппарата, созданного войной, к работе мирного времени»²³.

Для организации хозяйственной жизни проводилась работа по учету и рациональному использованию того огромного имущества, которое было сосредоточено в прифронтовой Белоруссии.

Были также приняты меры для восстановления и пуска бездействующих фабрик, заводов, мастерских и расширения сети кустарно-ремесленных предприятий. Совет Народных Комиссаров Западной области и фронта 18 декабря 1917 года вынес постановление о создании первого в Минске производственно-потребительского кооператива.

С огромной радостью встретили Декрет о земле, принятый II Всероссийским съездом Советов, трудящиеся крестьяне. Со всех уголков страны, в том числе из Белоруссии, в Петроград, к В. И. Ленину, обращались многочисленные ходоки крестьян, поступали запросы по вопросам организации власти в деревне и распределения земли.

5 ноября 1917 года ответ В. И. Ленина на эти запросы был опубликован в газете «Известия ВЦИК» и затем рассылался на места как официальный документ Советского правительства. 18 ноября 1917 года под заголовком «Инструкция крестьян» этот ответ был также напечатан в газете «Звезда». Указания В. И. Ленина явились программой действий для партийных, советских и земельных органов.

Трудящиеся Белоруссии внимательно прислушивались к каждому ленинскому слову. В статьях и речах В. И. Ленина, в подписанных им декретах они находили ответы на насущные вопросы жизни и политики.

В соответствии с указаниями В. И. Ленина чрезвычайное собрание Могилевского губернского земельного комитета, состоявшееся 26—29 ноября 1917 года, вынесло решение, согласно которому все помещичьи, казенные, церковные, удельные и другие земли с их недрами, угодьями, лесами и водами, живым и мертвым инвентарем и сельскохозяйствен-

ными постройками передавались в распоряжение земельных комитетов.

12 ноября состоялось чрезвычайное собрание представителей крестьян деревень Кохановской, Алехновичской, Мошковской, Руднянской и других волостей Оршанского уезда. На этом собрании принято постановление о признании и немедленном проведении в жизнь Декрета о земле, передаче ее в руки крестьян со всем живым и мертвым инвентарем. Для осуществления этого важного решения было избрано временное бюро по крестьянским делам при Военно-революционном комитете из 9-ти крестьян.

Постановлением областного Совета Народных Комиссаров от 19 декабря 1917 года объявлялось, что «все дома, имущества, угодья бывших казенных и правительственных учреждений со всем живым и мертвым инвентарем в Западной области и на фронте являются общественной собственностью, которая находится в полном распоряжении и исключительном ведении Совета Народных Комиссаров Западной области и фронта. Никакие самочинные захваты этого имущества и недвижимостей не могут быть допущены и будут караться со всей строгостью военно-революционного закона»²⁴.

Многочисленные документы того периода подтверждают, что земельные комитеты, руководимые большевиками, выполняя директивы Коммунистической партии и Советского правительства, отбирали у помещиков землю, инвентарь, постройки и другое имущество. Например, представитель ВЦИК сообщал из Лепельского уезда, что «во всех волостях существуют земельные комитеты, которые берут всю землю, а также помещичий инвентарь»²⁵.

Бывший владелец имения «Новый Двор» Замланской волости Дриссенского уезда в письме от 9 января 1918 года в адрес народного комиссара по внутренним делам, сообщая об изъятии у него имения местными крестьянами во главе с земельным комитетом, жаловался, что «они решили отнять у меня и мельницу мукомольную, прекрасно оборудованную, которую я лично выстроил три года тому назад и вложил в нее 20 тыс. денег»²⁶.

Граждане деревень Малая Литовка и Большая Литовка Хотимской волости сообщали, что при помощи земельного комитета 25 ноября 1917 года они взяли на строжайший учет все имущество местной помещичьей усадьбы.

Во многих местах земельные комитеты арестовывали и предавали суду революционного трибунала бывших собственников, оказывавших сопротивление Советской власти. Общее собрание граждан Селищевской волости Городокского уезда, например, по предложению земельного комитета 31 декабря 1917 года приняло постановление об аресте и предании суду революционного трибунала всех бывших собственников за продажу и укрывательство имущества и инвентаря, как не подчинившихся Декрету II Всероссийского съезда, а также о конфискации имущества у покупателей.

В середине декабря 1917 года Совет Народных Комиссаров области и фронта утвердил план деятельности Комиссариата земледелия, в котором указывалось, что работа Комиссариата должна быть направлена на практическое осуществление Декрета II Всероссийского съезда Советов о земле и последующих декретов (о земельных комитетах, лесах), проведение дополнительных мер, направленных на полное уравнение экономических благ. В нем также предусматривались организация показательных и культурных хозяйств, земледельческих школ, выработка условий переселения желающих крестьян на свободные земли и снабжение живым и мертвым инвентарем.

В начале января 1918 года в Могилеве состоялся IV губернский съезд крестьянских депутатов, принявший постановление, в котором указывалось: «Земля, недра, леса и воды предоставляются в пользование трудовому населению независимо от пола, вероисповедания и национальности... Землю получает в пользование только тот, кто обрабатывает ее личным трудом, своей семьей без наемного труда... чтобы вся земля была использована, поручить земельн. ком. распределить всю пахотную землю и луга, помещ., монаст., церковн. и казен., приняв во внимание сначала безземельн., малоземельн. и имеющих острую

нужду, и оказать помощь в ее обработке беднейшим и безлошадным крестьянам»²⁷.

Аналогичные решения принимались и на многих других съездах крестьянских депутатов. Было начато проведение нового землеустройства. Крестьянская беднота наделялась землей. Были взяты на учет все помещичьи имения и их движимое и недвижимое имущество. В результате проводимых мер крестьянские массы решительно становились на сторону Советской власти. Уполномоченный ВЦИК, побывавший в декабре 1917 года в Лепельском уезде, писал об этом: «Теперь крестьяне после Декрета о земле начинают понимать значение Октябрьской революции и говорят, что Октябрьская большевистская революция действительно в интересах крестьян»²⁸.

С первых дней Советской власти перед трудящимися Белоруссии были открыты двери учебных и культурно-просветительных учреждений. Северо-Западный областной комитет партии, облискомзап и СНК сразу же и начали осуществлять ряд мероприятий в области культурного строительства.

Значительные средства ассигновались на ликвидацию неграмотности и на культурно-просветительную работу в деревне. Например, только по Горецкому уезду на народное образование на 1918 год было ассигновано 3 737 316 рублей.

14 февраля 1918 года в Минске открылся Народный университет. Были открыты также курсы для подготовки руководящего состава советских организаций, курсы для учителей и служащих разных специальностей.

Коммунистическая партия с первых же дней Советской власти организовала и возглавила массовый поход трудящихся за грамотность, за развитие литературы, науки и искусства. Приобщение широких народных масс к овладению основами передовой науки и культуры, к творческой работе явилось необходимым условием полного осуществления грандиозных задач культурной революции в нашей стране.

23 декабря 1917 года в Минске начала работу III Чрезвычайная Северо-Западная областная и фронтовая конференция большевиков. Ее открыл

председатель областного комитета А. Ф. Мясников. На ней было представлено около 60 000 членов партии. Конференция заслушала доклад областного комитета и доклады с мест, рассмотрела вопрос о текущем моменте, национальный и организационные вопросы партийной работы на местах в связи с демобилизацией армии. С докладом о текущем моменте выступил А. Ф. Мясников, по национальному вопросу — К. И. Ландер.

Собравшись впервые после победы Великой Октябрьской социалистической революции, конференция подвела итоги многогранной деятельности большевиков Белоруссии в борьбе за победу социалистической революции и определила очередные задачи партийных организаций по дальнейшему упрочению Советской власти. Наряду с другими вопросами особое внимание в решениях конференции было обращено на необходимость усиления подготовки рабочих, крестьян и солдат к борьбе с врагами пролетарской революции, на проведение в широких масштабах политической работы среди трудящихся масс Белоруссии.

Первые мероприятия хозяйственного и культурного строительства значительно упрочили Советскую власть в Белоруссии, показали рабочим и крестьянам огромное значение завоеваний социалистической революции, и поэтому они восприняли Советскую власть как свою, родную, подлинно народную и готовы были встать на ее защиту от посягательств внутренней и внешней контрреволюции.

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции к концу 1917—началу 1918 года произошли существенные изменения в положении различных классов Белоруссии.

Рабочий класс, раз и навсегда освободившись от гнета буржуазии и эксплуатации, получил все политические права и власть. Правда, его численность в крупной промышленности к концу 1917 года по сравнению с 1913 годом уменьшилась на одну треть. Это объясняется военной разрухой, упадком экономики.

Начавшийся раздел помещичьей земли привел к глубоким изменениям социальной структуры крестьян

яинства. К ноябрю 1918 года в уездах, свободных от немецкой оккупации, помещичье землевладение было ликвидировано полностью, сельскохозяйственные угодья переданы трудящимся крестьянам и отведены под коллективные хозяйства²⁹.

Рабочий класс и беднейшее крестьянство Белоруссии единодушно поддержали Коммунистическую партию. Большевики были первой партией по числу полученных голосов при выборах в Учредительное собрание. Из общего количества 2 381 933 избирателей, принимавших участие в голосовании по Минскому и Витебскому избирательным округам и Западному фронту, за большевиков было подано 1 590 587 голосов. В целом, как сообщал Президиум облисполкома В. И. Ленину и Я. М. Свердлову, в Могилевской, Витебской, Минской и части Виленской губерний в дни выборов в Учредительное собрание «деревня отдала партии большевиков более 70 проц. всех голосов».

В конце 1917 года были сделаны первые шаги в обобществлении промышленного производства в Белоруссии. В руки Советского государства перешли железные дороги и принадлежавшие им мастерские. Местные власти начали брать в свои руки предприятия, оставленные владельцами. Однако оккупация Белоруссии немецкой армией в феврале 1918 года приостановила процесс социалистического обобществления производства.

Таким образом, после победы Великой Октябрьской социалистической революции коренным образом изменилось положение Коммунистической партии, всех классов и слоев населения России, в том числе и Белоруссии. Коммунистическая партия стала правящей партией, рабочий класс стал господствующим классом. Вокруг него сплачивались трудящиеся массы города и деревни, прежде всего крестьянская беднота. За Советскую власть стояло громадное большинство народа — рабочие, трудящиеся крестьяне.

ГЛАВА ВТОРАЯ

К

1. «КОМИТЕТ СПАСЕНИЯ» ТЕРПИТ КРАХ

оммунистическая партия хорошо понимала, что новый социалистический строй не может окончательно победить без борьбы со свергнутыми революцией эксплуататорскими классами. Владимир Ильич Ленин указывал, что трудящимся недостаточно совершить революцию, завоевать политическую власть. «Всякая революция, — учил он, — лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться»¹. При этом вождь партии большевиков неоднократно отмечал, что завоевать политическую власть значительно легче, чем ее удержать, отстоять, защитить от посягательств иностранных империалистов и внутренней контрреволюции. Он разработал стройную теорию социалистической революции и научно обосновал необходимость вооруженной защиты государства трудящихся.

После свержения буржуазного Временного правительства в октябре 1917 года Советская власть с необыкновенной быстротой распространялась по всей территории России. Миллионные массы тру-

дящихся с большим энтузиазмом встретили революционные преобразования, проводимые рабоче-крестьянским правительством, и сплотились вокруг Советов и большевистских партийных организаций. Сопротивление буржуазии, в руках которой еще сохранились определенные материальные ценности и опытные командные кадры, в этот период чаще всего носило характер безнадежных авантюр. Контрреволюционные вооруженные выступления всюду беспощадно подавлялись.

Монархические элементы из бывших помещиков, крупных промышленников и торговцев, царских генералов и офицеров, высшего чиновничества и духовенства, мечтавшие о реставрации царизма, составляли тогда наиболее реакционную часть антисоветского лагеря. Влияние этих слоев на политическую жизнь страны было в значительной степени ограничено уже Февральской революцией 1917 года. Всеобщая ненависть широких народных масс к прогнившему самодержавию не позволяла им открыто выступить за восстановление монархии. Понимая это, многие из них перекрашивались, приспособляясь к новым условиям, проникали в государственные учреждения и армию, чтобы скрытно готовить антисоветские выступления и восстановление старых порядков.

Особую роль в этом играл генералитет старой армии — наиболее опасный враг Советского государства. Контрреволюционно настроенные генералы создавали офицерские белогвардейские формирования — вооруженное ядро антисоветских сил. В числе таких заядлых врагов Страны Советов были генералы Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, А. М. Каледин, М. В. Алексеев и многие другие.

Внушительную силу антисоветского лагеря представляли различные буржуазные группировки, яро выступавшие против Советской власти. Они организовали саботаж мероприятий Советского правительства, поддерживали любые вооруженные антисоветские выступления монархических генералов.

«...Враги народа империалисты, помещики, банкиры и их союзники казацкие генералы, — указывалось в обращении Совета Народных Комиссаров к населению 25 ноября 1917 года, — предприняли последнюю отчаянную попытку сорвать дело мира, вырвать власть из рук Советов, землю из рук крестьян и заставить солдат, матросов и казаков истекать кровью за барыши русских и союзных империалистов. Каледин на Дону, Дутов на Урале подняли знамя восстания. Кадетская буржуазия дает им необходимые средства для борьбы против народа. Радзянко, Милюковы, Гучковы, Коноваловы хотят вернуть себе власть и при помощи Калединых, Корниловых и Дутовых превращают трудовое казачество в орудие для своих преступных целей... Политическим штабом этого восстания является центральный комитет кадетской партии. Буржуазия предоставляет десятки миллионов контрреволюционным генералам на дело мятежа против народа и его власти...»²

В лагере врагов Советской власти оказались и деятели правых мелкобуржуазных социалистических партий. К ним относились так называемые народные социалисты, почти ничем не отличавшиеся от кадетов, эсеры, меньшевики. От других противников Октябрьской революции они отличались лишь тем, что пытались прикрывать контрреволюционную деятельность социалистической фразеологией. Противниками Советской власти были также различные националистические организации.

Все эти контрреволюционные силы делали отчаянные попытки задушить Советскую власть с первых же дней ее существования.

Победа социалистической революции и провозглашение власти Советов в России, в том числе в Минске и других городах Белоруссии, ими были встречены бешеным сопротивлением. С помощью меньшевиков, эсеров, буржуазных националистов враги революции сразу же стали готовиться к вооруженным выступлениям. Контрреволюция, обеспокоенная активными действиями большевиков, решила в первую очередь разгромить Минский Совет.

Главным оплотом контрреволюции, вокруг которого сосредоточивались все антисоветские силы в Минске, был штаб Западного фронта и его фронтовой комитет. Главнокомандующий фронтом генерал Балубев и комиссар Жданов, хотя внешне спокойно приняли комиссаров, назначенных Минским Советом, формально не возражали против их контроля и тем самым будто признали Советскую власть, на деле проводили только маневр, рассчитанный на обман революционных солдат, притупление их бдительности, чтобы сохранить власть в своих руках. Штаб фронта игнорировал Минский Совет и с первого же дня Октябрьской революции стал принимать меры для борьбы с ней. Эта активность возросла после получения штабом сведений о том, что Керенский собирает под Петроградом вооруженные силы для борьбы против Советской власти и что создан контрреволюционный центральный комитет «Спасения родины и революции».

От Керенского и центрального комитета «Спасения родины и революции» в штаб фронта была прислана телеграмма за № 174. В ней говорилось: «Временный Совет Российской республики, Всероссийский комитет спасения страны и революции, Центральный исполнительный комитет Советов крестьянских, солдатских и рабочих депутатов призывают действующую армию немедленно прислать войска, хотя бы по одному пехотному полку от ближайших армий и возможно срочно, самыми действующими средствами, не останавливаясь ни перед чем. Курьерскими поездами доставьте в Лугу и Гатчину. Вся тяжесть и ответ-

ственность за промедление падет на тех, кто затягивает»³.

Поход Керенского на Петроград с целью свержения Советской власти явился сигналом для выступления контрреволюции и в Белоруссии. По приказу главнокомандующего Западным фронтом 26 октября в Минск были вызваны воинские части, еще шедшие за Временным правительством. Вокруг Минска сосредоточивались части контрреволюционной 2-й Кавказской кавалерийской дивизии, георгиевский батальон «ударников», состоящий из реакционных элементов, корпус польских легионеров и другие. К утру 27 октября в город прибыли вызванные контрреволюционные части, которые сразу же потребовали, чтобы советские патрули сдали им посты. По улицам разъезжали усиленные казацкие патрули. Во многих дворах и на площадях обосновалась кавалерия. Соборная площадь была занята войсками, вооруженными артиллерией и пулеметами. Особенно много воинских сил стягивалось к Петроградской улице, где помещались Минский Совет, Минский и Северо-Западный комитеты большевиков.

В. Г. Кнорин в своих воспоминаниях писал, что из опасения окружения здания Совета пришлось даже прервать заседание областного комитета партии, которое было перенесено на конспиративную квартиру. Положение в городе было чрезвычайно напряженное, вооруженное столкновение казалось неизбежным: контрреволюция дала вызов революционным силам для открытого выступления.

В борьбе с большевиками штабу Западного фронта оказали большую помощь мелкобуржуазные партии. 26 октября на экстренном заседании исполнительного комитета Минского Совета меньшевики выступили с открытым обвинением большевиков и Президиума Совета за опубликование приказа № 1 о переходе власти в городе и его окрестностях без санкции пленума Совета. Меньшевики, поддержанные бундовцами и эсерами, огласили декларацию протеста против захвата власти Советом, требовали создания власти, возглавляемой городской думой. На своем фракционном собрании они вынесли решение выйти из состава исполнительного комитета и Сове-

та, если приказ № 1 и другие постановления новой власти не будут отменены. Аналогичное решение в тот же день было принято на собрании членов организации Бунда. Однако эти требования меньшевиков, бундовцев и эсеров исполнительным комитетом Совета были отвергнуты.

В течение всего дня 26 октября в контрреволюционном фронтовом комитете шли усиленные переговоры между представителями мелкобуржуазных и националистических партий по вопросу организации борьбы против большевиков. Поздно вечером эти переговоры закончились созданием в Минске так называемого «Комитета спасения революции» во главе с эсером Колотухиным. Этот контрреволюционный комитет поставил перед собой цель вести борьбу против Советской власти.

«Комитет спасения» всемерно помогал командованию фронта задушить революционное движение солдатских масс. От имени этого контрреволюционного «Комитета спасения» по частям фронта рассылались клеветнические телеграммы, сообщавшие о подавлении народного восстания в Москве и Петрограде.

Стягивая контрреволюционные воинские части к Минску, командование фронтом с помощью эсеро-меньшевистского «Комитета спасения» немедленно приступило к отправке воинских частей на подавление революции в Петрограде. В секретной шифрованной телеграмме штаб Западного фронта сообщал командирам соединений и частей, предназначенных к отправке на Петроград, что вся цель стягивания эшелонов заключается в создании силы для противодействия петроградскому гарнизону.

Соотношение вооруженных сил в это время в Минске было явно не в пользу Совета: контрреволюционные силы превосходили силы революции в несколько раз. Против 20-тысячного войска контрреволюции большевики могли выставить не более 3-х тысяч революционных солдат и красногвардейцев. Опираясь на превосходящую вооруженную силу, «Комитет спасения» предъявил Минскому Совету ультиматум, угрожая в случае его отклонения вооруженной расправой. В ультиматуме требовалась немедленная передача ему всей власти в городе.

На экстренном заседании Военно-революционного комитета было признано, что в обстановке сложившегося количественного перевеса контрреволюционных сил в Минске начинать вооруженную борьбу нецелесообразно. «Мы собрались на экстренное совещание, — вспоминал председатель Минского Совета К. И. Ландер, — на котором присутствовали, помню, тт. Мясников, Кривошеин, Кнорин, я и др., и обсудили создавшееся положение. Перед нами были два выхода. Опираясь на находящиеся в нашем распоряжении силы, принять вызов, отклонить ультиматум и дать бой врагам при участии артиллерии, который мог быть очень кровопролитным, без определенных шансов на успех и с нежелательными последствиями в случае временного поражения. Другой выход заключался в том, чтобы затеять с нашими врагами переговоры, выиграть время, подтянуть к городу наши части, повести агитацию в частях, верных Временному правительству. Взвесив все обстоятельства, мы избрали второй путь — решили вступить в дипломатические переговоры с «Комитетом спасения»⁴.

По указанию Северо-Западного областного комитета РСДРП(б) Военно-революционный комитет принял решение вступить в переговоры с «Комитетом спасения» с таким расчетом, чтобы выиграть время, пока подойдут революционные войска с фронта, и лучше организовать такие силы в городе. Газета «Звезда» 2 ноября 1917 года писала, что Президиум Минского Совета пошел с «Комитетом спасения» на переговоры в целях «...воспрепятствовать отправке войск в Петроград и Москву и предотвратить здесь, на фронте, столкновение между революционными и народными войсками и обманутыми сторонниками Керенского».

Большевики Минска считали своей главной задачей недопустить отправки контрреволюционных войск в Петроград и Москву, где решались судьбы революции. Во имя этой задачи 28 октября Минский Совет пошел на соглашение с «Комитетом спасения» на следующей основе:

1) «Комитет спасения» не признает образовавшегося в Петрограде Революционного комитета и не подчиняется ему; 2) «Комитет спасения» признает,

что вопрос о власти решается не в Минске и не на Западном фронте, а в столицах; 3) «Комитет спасения» отказывается от посылки вооруженных частей на Петроград и Москву и не пропускает таковых через Минск; 4) «Комитет спасения» признает амнистию политических арестованных, произведенную Минским Советом, но находит необходимым их разоружить; 5) Минский Совет посылает в «Комитет спасения» двух своих представителей (И. Я. Алибегова и Я. Ф. Перно) до тех пор, пока он строго придерживается взятого на себя обязательства о непосылке войск на подавление восстания и 6) «Комитету спасения» временно принадлежит вся власть в районе Западного фронта до окончательного конструирования власти в центре и комитетах.

Это был тактический ход, который дал возможность Военно-революционному комитету и Минскому Совету сорвать планы контрреволюции и выиграть время для сосредоточивания в Минске военных сил, преданных делу пролетарской революции.

По-иному расценивали соглашение меньшевики и эсеры, преобладавшие в «Комитете спасения». Известные контрреволюционеры в лице Жданова, Колотухина, Николаева, Нестерова и других считали, что это лишь первый шаг по пути подавления революции, за которым должны последовать другие, более решительные.

Жданов поспешил послать телеграмму на имя Керенского и московского городского головы Руднева, в которой информировал, что в Минске влияние большевиков устраняется. Организована охрана города, все посты большевиков сняты, почта, телеграф и учреждения освобождены от их контроля. Сейчас производится разоружение арестантов, выпущенных большевиками из минских мест заключения и вооруженных винтовками, захваченными из оружейных складов. События протекают бескровно, так как не встречается противодействия, ибо авторитет руководителей большевиков не имеет веса в массах, среди которых не чувствуется никакого подъема. Фронтвой комитет предъявил ультиматум Совдепу. В армиях войсковые комитеты работают в том же направлении, что и фронтовой.

Дополняя эту информацию, Жданов в следующей телеграмме 27 октября сообщал, что «большевики покинуты и чувствуют растерянность»⁵.

Меньшевик Жданов явно торопился и дезинформировал Керенского и других лидеров контрреволюции, посылая преждевременные успокоительные телеграммы, рассчитанные на поднятие духа в кругах контрреволюции и парализацию революционного движения солдатских масс на фронте. Уместно отметить, что тот же Жданов и его помощник Мосиенко во время обсуждения соглашения с Минским Советом всячески старались обойти пункт о непосылке и непропуске войск на Петроград и Москву. Они сознательно об этом умалчивали, делая вид, что «Комитет спасения» представляет реальную власть в городе.

В действительности же «Комитет спасения» такой властью не обладал. Его грозные приказы об обязанности всех гражданских и воинских организаций беспрекословно подчиняться всем его постановлениям, о запрещении всякого рода митингов и сборищ на улицах и в других местах фактически никем не выполнялись. Характерно, что в самом «Комитете спасения» не было единства. Между главарями типа Колотухина, Жданова, Нестерова и Николаева, с одной стороны, соглашателями типа Штерна, Вайнштейна, Мараховского и Переля, с другой, были разногласия в вопросе борьбы с Минским Советом. В то время, как первые предлагали решительные меры вплоть до ареста большевиков-депутатов, вторые колебались, искали середину, компромисс. При этом следует сказать, что все члены «Комитета» против двух представителей Минского Совета, представителей революционного пролетариата и солдатских масс проявляли боязнь, растерянность, неуверенность. Заседания проходили в истерических криках, шуме и угрозах меньшевиков-эсеров по адресу большевиков.

И. Я. Алибегов, представлявший Минский Совет в «Комитете спасения», вспоминает:

«На одном из первых заседаний 28 октября эсер Злобин с пеной у рта кричал, что его, члена «Комитета спасения», арестовали патрули Военно-революционного комитета. 29 октября вечером разыгралась

бурная сцена. Вбегают на заседание меньшевик Жданов и эсер Злобин и требуют слова для внеочередного заявления. При возбужденном настроении всех членов «Комитета» председательствующий Вайнштейн предоставляет им слово. Они с бранью и криками набросились на представителей Минского Совета, обвинив Совет и большевиков в попытке арестовать членов «Комитета спасения» и разгромить штаб Западного фронта. Меньшевик Жданов, истерично выкрикивая слова, требует принятия немедленных решительных мер и предупреждает, что в противном случае будет поздно, ибо большевики не постесняются арестовать весь «Комитет спасения». Поднялся неистовый шум...

Поступки перепуганных контрреволюционеров, — пишет далее И. Я. Алибегов, — не обходились и без комизма. На одном из заседаний «Комитета спасения» сообщают меньшевику Жданову, что прибыл грузовик с вооруженными солдатами к его дому. Жданов галлюцинирует и истерическим голосом заявляет, что грузовик явился обыскать помещение и арестовать его... Как выяснилось потом, грузовик-то был отправлен по распоряжению его самого, Жданова, за бумагой. Вот до чего страшны были мелкобуржуазной своре даже собственные мероприятия».

То, что «Комитет спасения» в действительности не представлял в городе власти, подтверждает и такой факт. Помощник Жданова Мосиенко в разговоре со Ставкой верховного главнокомандования об отправке контрреволюционных войск в Москву признался: «Сейчас хлопчем об оказании помощи Москве, которая усиленно просит. Необходимые для Москвы силы есть, но отправить их без согласия Минского Совета невозможно»⁶.

Большевики понимали, что контрреволюция, несмотря на достигнутое соглашение, попытается послать войска на Петроград и Москву. И действительно, она делала все для этого. Но благодаря энергичной деятельности большевистских организаций врагам революции не удалось осуществить свои коварные замыслы, ибо эшелоны с войсками задерживались на железнодорожных узлах Белоруссии. В этом откровенно признавался генерал Духонин,

заявляя, что посылка войск с фронта на Гатчину и Москву не увенчалась успехом. Духонин сообщал Керенскому о невозможности посылки подкрепления с фронта в силу договора, существовавшего между Минским Советом и «Комитетом спасения».

Попытка отправки эшелонов с Западного фронта встретила решительное противодействие со стороны самих воинских частей. Лишь отдельные небольшие части удалось пропустить через Минск, но и те были задержаны большевиками в Орше. Посылка войск затруднялась тем, как заявил генерал Духонин, что в тылу фронта почти во всех городах и на железнодорожных узлах большевистское движение взяло верх.

Эти признания и события тех дней свидетельствуют о том, что все меры, предпринимаемые контрреволюционным командованием Западного фронта, его бешеные усилия как можно быстрее продвинуть на Петроград и Москву воинские части успеха не имели.

Северо-Западный областной комитет РСДРП(б) и Военно-революционный комитет, как уже отмечалось выше, рассматривали соглашение Минского Совета с «Комитетом спасения» как передышку, которая необходима для мобилизации революционных сил. Поэтому, подписав соглашение и послав в «Комитет спасения» двух представителей Совета, областной комитет РСДРП(б) принял экстренные меры по мобилизации вооруженных революционных сил на фронте и оказанию помощи Минскому Совету для окончательного утверждения Советской власти, ликвидации очага контрреволюции в Минске.

С этой целью в армии Западного фронта были направлены представители областного комитета партии С. Е. Щукин, П. Н. Полукаров, Г. В. Соловьев и другие большевики. Посланные на фронт товарищи задание областного комитета об оказании вооруженной помощи большевикам Минска успешно выполнили. Была выполнена также задача решить в солдатских комитетах, на дивизионных, корпусных съездах вопрос о власти. В течение нескольких дней в огромном количестве частей фронта был решен вопрос о Советской власти и вынесены резолюции, поддерживающие социалистическую революцию. Повсеместно

соглашательские комитеты переизбирались солдатскими массами и переходили в руки большевиков. Минский «Комитет спасения» ежедневно получал угрожающие резолюции и предложения подчиниться Военно-революционному комитету и признать власть Советов.

Минский Совет, хотя и вошел в соглашение с «Комитетом спасения», не ограничивал свободу своей политической деятельности. Большевики энергично продолжали политическую работу по мобилизации рабочих и всех трудящихся города и окрестностей на борьбу за укрепление Советской власти. На собраниях и митингах рабочих и солдат они широко разъясняли сущность исторических декретов II Всероссийского съезда Советов о мире и о земле, продолжали публиковать в газетах постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров.

Меньшевики, эсеры и бундовцы, видя, что Минский Совет проводит самостоятельную, идущую вразрез с «Комитетом спасения» тактику, что большевики не только не признают власти «Комитета спасения», но и мобилизуют вооруженные силы для борьбы с контрреволюционным фронтовым комитетом, с удвоенной яростью набросились на большевиков. Эсеры и меньшевики, задававшие тон в «Комитете спасения», предъявили Минскому Совету новое требование о запрещении печатания и распространения на территории Белоруссии и Западного фронта декретов II Всероссийского съезда Советов и постановлений Совета Народных Комиссаров. Опираясь на революционный подъем широких народных масс, Минский Совет отверг этот ультиматум.

Когда первые результаты организационной работы посланных на фронт представителей областного комитета партии дали себя знать и к Минску начали стягиваться революционные части Западного фронта, большевики открыто выступили против «Комитета спасения».

Отвечая меньшевикам, эсерам и всем врагам Советской власти, окопавшимся в «Комитете спасения», на их запрос: «Заявите открыто, поддерживаете ли вы революционный порядок или сознательно или бессознательно намерены вести революцию к гибели?»,

А. Ф. Мясников в статье «Маски долой!», опубликованной в газете «Звезда» 1 ноября 1917 года, писал:

«Да, г-да сподвижники Керенского и его друзей Корниловых и Калединых! Да, мы и только мы поддерживаем революцию! Рабочие и солдаты восстали против ига узурпаторов, предателей, изменников и палачей, они прогнали Керенского и Кишкина, они создали власть Советов, народное правительство, мы за него, мы поддерживаем его. Мы за восстание. Вместе с нами и Советы, и Минский Совет. Вместе с нами и вся армия, и все солдаты... А вы? С кем вы? Вы за какой революционный порядок? За кого вы? Поддерживаете ли вы Керенского и его правительство? Вы молчите, ваши жалкие, трусливые вожди (г-да Черновы) не отвечают на это! Вы за «революцию» г-д Керенских, мучителей солдат; вы сознательно и бессознательно поддерживаете контрреволюцию. С вами штабы и подлые комиссары низложенного правительства; с вами все враги рабоче-крестьянской революции; с вами жалкие типы из никому не нужных комитетов, от которых уже отвернулись массы, которые они свергают и революционным путем на их место выбирают новые, с вами мертвые, вся гниль русской революции...»

Разоблачая предательство меньшевиков и эсеров, А. Ф. Мясников подчеркивал, обращаясь к ним: «Вы в самый решительный момент предали крестьян, отказали им в мире и земле. С вашего лица уже снята маска. Но вы надели новую маску: создали «Комитет спасения революции», где вы предаете революцию, а не спасаете. Но скоро и эта новая маска будет снята с вашего безобразного лица. На фронте совершается революция. На фронте солдаты производят коренную чистку ваших авгиевых конюшен. Создаются там новые, революционные комитеты, всюду происходят армейские съезды. Через несколько дней вы не узнаете фронта. И тогда будут сочтены и ваши дни. Революционный фронт возьмет и вашу контрреволюционную позицию, которую вы создали в Минске. Это вопрос ближайших дней. Знайте это, господа в черных масках!»

1 ноября в «Комитет спасения» явился представитель съезда Гренадерского корпуса 2-й армии. Он

сообщил, что, обсудив выступление исполнительного комитета 2-й армии и исполнительного комитета Западного фронта против Военно-революционного комитета и против власти Советов, съезд постановил: «1) считать выступления армейского и фронтового комитетов предательством и изменой революции; 2) считать армейский и фронтовой комитеты утратившими свои полномочия, не прислушиваться к их голосу и не подчиняться их постановлениям; 3) требуем немедленного созыва армейского и фронтового съезда. Это требование мы, гренадеры, готовы поддерживать всеми мерами и 4) через своего представителя требовать у «Комитета спасения революции» признания совершившейся революции и подчиняться новому правительству. В случае отказа съезд требует насильного разгона «Комитета спасения революции». Для осуществления этого требования корпус примет все меры, выполнение которых съезд поручает избранному им исполнительному комитету»⁷.

По выражению В. Г. Кнорина, это была публичная оплеуха «Комитету спасения», который в тот же день умер как орган, осуществляющий власть.

На помощь Минскому Совету двигались с фронта подкрепления. Целые корпуса и дивизии высказывались за поддержку Минского Совета против контрреволюции. Член областного комитета партии большевиков Г. В. Соловьев в ночь с 28 на 29 октября прибыл на автомобиле в город Несвиж, где тогда находился штаб 2-й армии Западного фронта. Он поставил перед Военно-революционным комитетом армии задачу — немедленно направить в Минск революционные части для подавления контрреволюции. На экстренном заседании вновь созданного революционного штаба армии в составе большевиков Тихменева, Ксенофонтова, Рогозинского, Каменщикова, Ковача, Лысякова и Пролыгина было принято решение об оказании вооруженной помощи Минску, для чего немедленно снять с фронта бронепоезд и бронемшины, два полка пехоты и, в первую очередь, 12-й Туркестанский полк, как наиболее надежный. «Мне было дано весьма срочное и ответственное поручение,— писал член Военно-революционного комитета 2-й армии большевик В. А. Пролыгин⁸,— командование броне-

поездом⁹ и автомашинами. Необходимо было как можно быстрее привести в Минск бронепоезд, за бронемашинами я послал тов. Катушкина»¹⁰.

В. А. Пролыгин блестяще справился с возложенной на него задачей. В своих воспоминаниях он рассказывал, что, согласно решению армейского революционного штаба, 29 октября в два часа ночи он отправился на разъезд Хвоево, вблизи станции Погорельцы, где стоял блиндированный поезд. В тот же день провел общее собрание членов команды поезда. Почти единодушно команда согласилась немедленно отправиться на поддержку Минского Совета. Старое командование поездом пыталось оказать сопротивление, но с помощью поездного комитета, который к тому времени был уже большевистским, арестовали всех офицеров и машинистов, отказавшихся ехать в Минск.

«Предложение отправиться в Минск,— писал он,— было принято всеми командами единогласно. Сомневались лишь в том, пойдет ли на это комсостав, а если нет, то кто же, мол, будет командовать. Я разъяснил им, что очень важно для нас непосредственное участие их самих, что касается вопроса о командовании поездом, то на этот счет мне даны революционным штабом соответствующие полномочия. Солдаты со мной согласились, и мы немедленно приступили к делу. Прежде всего организовали караул, установили надзор над комсоставом и машинистами. Я дал распоряжение пригласить ко мне на беседу командиров и машинистов по одному. Первым явился помощник коменданта поезда, затем трое младших офицеров. Все они категорически отказались выполнить распоряжение революционного штаба. Тогда мы разоружили и арестовали их. Но когда за отказ вести блиндированный поезд пришлось арестовать и машинистов, то эта вынужденная мера вызвала среди части солдат некоторое замешательство. Раздались голоса:

— А кто же поведет паровоз?

— Управлять поездом буду сам,— ответил я».

После этого В. А. Пролыгин издал приказ о приведении поезда и орудий в боевой порядок, пополнении снарядов, пулеметных лент и т. п. 30 октября

рано утром В. А. Пролыгин сам лично осмотрел и смазал паровоз и в 8 часов утра повел поезд на Минск¹¹.

«Комитет спасения» всячески пытался задержать поезд с революционными солдатами-фронтовиками на дальних подступах к Минску. С этой целью на ст. Негорелое была послана делегация, которая, угрожая солдатам, хотела, чтобы поезд вернулся обратно на фронт. Но поезд двигался дальше.

Тогда решили разобрать железнодорожное полотно. Намерение «Комитета спасения» поддержала администрация Минского железнодорожного узла, занимавшая враждебную позицию по отношению к Советской власти. Для разбора пути была направлена бригада рабочих. Но по дороге рабочие, среди которых были представители Минского Совета, узнав в чем дело, арестовали зачинщиков этого коварного плана и поехали навстречу поезду. На станции Фаниполь они встретили делегацию «Комитета спасения», возвращавшуюся со станции Негорелое, и арестовали ее.

Красногвардейцы-железнодорожники сорвали замыслы контрреволюции и обеспечили продвижение поезда с революционными солдатами. Во время телефонного разговора начальника участка дороги о планах контрреволюции железнодорожник-большевик К. С. Ключан услышал, как враги революции договаривались разобрать железнодорожное полотно и взорвать мосты на пути следования блиндированного поезда. Он немедленно сообщил об этом в Военно-революционный комитет и развернул активную деятельность по мобилизации рабочих-железнодорожников на борьбу с контрреволюцией.

Под руководством штаба Красной гвардии минских железнодорожников группа красногвардейцев, в том числе К. С. Ключан, И. Д. Макаревич и другие, захватила вспомогательный поезд, предназначавшийся контрреволюцией для проведения диверсий на железной дороге, и направилась навстречу блиндированному поезду, чтобы обеспечить его беспрепятственное продвижение в Минск.

«Когда вспомогательный поезд тронулся, — вспоминал впоследствии И. Д. Макаревич, — перед ним закрыли семафор. Машинист попытался отказаться ве-

сти поезд, боясь нарушить инструкцию правил движения. Но благодаря нашей настойчивости поезд отправился. Когда мы прибыли на станцию Фаниполь, там уже стояли готовые к отправке в сторону Минска блиндированный и санитарный поезда, прибывшие с фронта»¹².

Под прикрытием ночи сцепленные в один блиндированный и вспомогательный поезда тронулись в путь. Не видя иного выхода, навстречу им на автомашине выехал сам председатель «Комитета спасения» Колотухин в сопровождении прапорщика штаба Западного фронта Завадского. Они взорвали железнодорожный мост через реку Птичь на 712-й версте. Но крушения не произошло: взрыв прогремел после того, когда поезда уже прошли этот участок и продвигались к Минску. Благодаря бдительности железнодорожников не произошла катастрофа и с санитарным эшелоном, в котором находились раненые.

В ночь с 1 на 2 ноября блиндированный поезд под командованием В. А. Пролыгина, преодолев все препятствия на своем пути, благополучно прибыл в Минск. По распоряжению Военно-революционного комитета он занял выгодную позицию в районе Либаво-Роменского вокзала. Центр города оказался в секторе его обстрела. Одновременно в Минск прибыли бронеавтомашины, части 60-го Сибирского полка и зенитная батарея. Вскоре в город вступили и другие воинские части, посланные с фронта на подавление контрреволюции.

Соотношение сил в городе изменилось. Рабочие и революционные солдаты получили перевес, значительно усилились вооруженные силы Минского Совета, что позволило ему восстановить свои полномочия. В этом откровенно признавался командующий Западным фронтом генерал Балувев, который в ночь на 2 ноября сообщал в Ставку, что в городе создалась угроза захвата власти большевиками, так как надежных войск у него нет.

В этом он был прав: последние часы «Комитета спасения» были сочтены. На его стороне оставались исключительно офицеры, враждебно настроенные по отношению к Советской власти, а большая часть солдат перешла на сторону революции.

В этих условиях Минский Совет сразу же решил порвать все свои отношения с «Комитетом спасения» и отозвал из него своих представителей.

Таким образом, вспоминал председатель Минского Совета К. И. Ландер, на базе массового революционного движения рабочих и солдат в Белоруссии партия большевиков с приходом дополнительной вооруженной силы с фронта восстановила власть Советов и ликвидировала власть контрреволюционного «Комитета спасения».

В день прибытия в Минск революционных частей официально ушла из фронтового комитета большевистская фракция. Она обратилась по этому поводу с воззванием «Ко всем солдатам фронта». В подписанном членами большевистской фракции А. Мясниковым, М. Калмановичем, Н. Кривошеиным, В. Селезевым, С. Могилевским, П. Полукаровым, И. Аппетером, С. Щукиным, Л. Громашевским, В. Фоминым воззвании говорилось: «Мы открыто заявляем, что в эти ответственные дни русской революции фронтовой комитет предал Минский Совет и Военно-революционный комитет, он предал фронт, он предал Советы, предал революцию. Он временно спас контрреволюционное гнездо фронта — штаб, спас агентов Керенского, его комиссаров. Такой фронтовой комитет не может считаться представителем солдат фронта. Мы... обращаемся к фронту с призывом сомкнуть свои ряды, дружнее закончить свое дело и революционные волны докатят до мертвых берегов гнилого фронтового комитета. Долой фронтовой комитет, да здравствует революционный фронтовой комитет!»¹³

Этот удар, как писал В. Г. Кнорин, разбил сразу фронтовой комитет и лишил его последней поддержки масс, которые теперь шли за большевиками. Фронтовой комитет умер, необходимо только его убрать.

Вечером 2 ноября в городском театре собралось общее собрание Минского Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с представителями воинских и фабрично-заводских комитетов. Участники собрания, руководимые одной мыслью — поскорее покончить с «Комитетом спасения», знали, что за ними стоит могучая вооруженная сила, против которой бессильна злоба «Комитета спасения», генерала Ба-

луева, его комиссара Жданова, всех правых эсеров и меньшевиков.

Докладчик А. Ф. Мясников, встреченный овациями, заявил, что «сегодня наступило время покончить с предательским «Комитетом спасения» и начать работу рабоче-крестьянского Военно-революционного комитета, имеющего своей целью организацию правильной Советской власти. Тысячи рук поднимаются за предложенную от фракции большевиков резолюцию, лишь небольшая кучка эсеров и меньшевиков против и воздерживается. Голосованием представителей всех рабочих и всего гарнизона, делегатов от воинских частей, предприятий и фабрик, профессиональных союзов и членов Совета провозглашается Советская власть под звуки несмолкающего «Интернационала»¹⁴.

Собрание Минского Совета потребовало немедленного ареста и предания революционному суду главней «Комитета спасения». 4 ноября Военно-революционный комитет издал приказ, в котором объявил о том, что бывший комиссар Временного правительства при штабе Западного фронта Жданов и председатель «Комитета спасения» Колотухин за их контрреволюционные действия подлежат аресту, а «Комитет спасения» — роспуску.

Говоря о выступлении контрреволюции и ее подавлении в Минске, нельзя не сказать в связи с этим о поведении Центрального бюро профсоюзов города, в котором преобладали соглашатели, занимавшие явно контрреволюционную позицию. После победы вооруженного восстания в Петрограде под напором большевиков и революционно настроенных рабочих Минска Центральное бюро во главе с известными бундовцами А. Вайнштейном, М. Фрумкиной, Ц. Перелем признало власть Советов в городе. Однако это было лишь маскировкой соглашателей. Они вынуждены были на первых порах приспособляться, скрывать свое истинное лицо.

В действительности верхушка Центрального бюро была против Советской власти, принимала активное участие в деятельности «Комитета спасения», в борьбе против Минского Совета. 31 октября на собрании профессиональных союзов и фабрично-заводских ра-

бочих города лидеры Центрального бюро всячески стремились восхвалять «Комитет спасения» и убеждать присутствующих в неспособности Советов к широкой организаторской работе. Бундовец А. Вайнштейн охарактеризовал Октябрьскую революцию как авантюру большевиков. Он с пеной у рта доказывал, что большинство народа не идет за большевиками, что Советское правительство останется изолированным.

Большевики дали решительный отпор бундовцам из Центрального бюро. Председатель Минского Совета К. И. Ландер, отвечая соглашателям, заявил, что совершившуюся революцию следует рассматривать как выступление всего народа, который понял, что правительство контрреволюционной буржуазии не в состоянии дать ему мир, хлеб, свободу, что эту задачу может выполнить только новое правительство рабочих и крестьян, Советское правительство. К. И. Ландер в своей речи призвал профсоюзы и фабзавкомы поддержать Советы, теснее сплотиться вокруг них, довести дело революции до полной победы. На собрании была принята резолюция, в которой Советы рассматривались как единственный оплот революции и опора пролетариата.

Несмотря на крах контрреволюционного «Комитета спасения», соглашатели из Центрального бюро профсоюзов продолжали борьбу против Советской власти, выступали против участия представителей от профсоюзов в Военно-революционном комитете, добились принятия решения не посылать своего представителя в ВРК. Это было явным игнорированием Советской власти и открытым пособничеством буржуазии.

Принятое решение «означает,— писала газета «Звезда» 7 ноября 1917 года,— что Центральное бюро сидит между революцией и контрреволюцией, что оно не смеет смело и открыто порвать с керенщиной и либердановской политикой соглашения с буржуазией. Оно трусливо устранилось от хода событий, выжидая, что будет, и требуя соглашения между той кучкой мелкобуржуазных социалистов, которая образовала уже распавшийся «Комитет спасения», и революционным комитетом, объединяющим огромные массы

действительно революционных солдат и рабочих. Тем же самым Центральное бюро изменяет революции, изменяет делу рабочих... Центральное бюро профессиональных союзов гор. Минска, не решаясь поддержать создавшуюся власть города и всего фронта, Военно-революционный комитет, подрывает его работу и авторитет, подготавливает почву для контрреволюционных выступлений буржуазии и содействует возникновению гражданской войны».

Военно-революционный комитет вслед за «Комитетом спасения» распустил контрреволюционный фронтовой комитет. Штабу главнокомандующего Западным фронтом генерала Балуюева не оставалось ничего другого, как признать победу большевиков. 5 ноября Балуюев разослал всем начальствующим лицам фронта телеграмму, в которой, в частности, сообщалось, что в Минске «Комитет спасения революции» распался. Комиссар сложил полномочия. Верх взял Совет рабочих и солдатских депутатов.

Таким образом, в результате ликвидации контрреволюции в центре Белоруссии и Западного фронта — городе Минске — восторжествовала Советская власть.

2. СМЕЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА БАЛУЕВА

Главнокомандующий Западным фронтом генерал Балуюев, как отмечалось, хотя формально и признал Советскую власть, но не прекращал борьбу против нее. Он безоговорочно выполнял все распоряжения и приказы контрреволюционной Ставки верховного главнокомандования, находящейся в Могилеве. Штаб фронта принимал отчаянные усилия для того, чтобы сохранить свое влияние в армии, стремился любой ценой удержать в своих руках управление в воинских частях, задержать процесс демократизации армии, не допустить признания декретов Советского правительства на местах. Вместе с тем генералитет штаба понимал, что он бессилён остановить победное шествие Советской власти.

Это признавал и сам генерал Балуюев. 29 октября он докладывал Ставке о политическом положении в

Минске и на Западном фронте: «У меня на фронте положение хуже, чем где-либо, да оно, впрочем, и понятно, так как здесь фронт, главным образом, большевистский... Положение мое такое, что я даже не мог в Минск придвинуть ударный батальон и отправить батарею в Москву, из-за этого чуть ли не весь фронт всколыхнулся... Занять железнодорожные узлы тяжело. Для этого нужны какие-либо другие войска, а не те, что стоят на фронте. Вообще, еще раз говорю, плохо, хотя я веду борьбу, но у меня нет ни сил, ни власти»¹⁵.

Ставка пыталась убедить Балуюева в том, что еще не все потеряно, и требовала от него продолжать энергичную борьбу.

Генерал Балуюев всеми силами старался выполнять указания Ставки. Он сам и возглавляемый им штаб фронта использовали в своих контрреволюционных целях находящийся в Минске комитет Всероссийского земского союза, состоявший в основном из буржуазно-помещичьих элементов. Этот комитет отказался признать Военно-революционный комитет Западного фронта и стал на путь активной борьбы с Советской властью. Вместе с эсеро-меньшевистским фронтовым комитетом штаб активно поддерживал Ставку и предательский общеармейский комитет в Могилеве в их борьбе с революцией. Когда этот комитет решил созвать съезд представителей всех фронтов и армий по вопросу «организации власти», штаб Западного фронта сразу же начал рекламировать «инициативу» о формировании «правительства» во главе с лидером партии эсером Черновым.

Штаб Западного фронта, открыто встав на сторону контрреволюционной Ставки и общеармейского комитета, пускал в ход различные провокационные слухи, организовывал погромы, грабежи, анархические выступления. Путем дезорганизации общественной жизни он пытался скомпрометировать Северо-Западный областной комитет РСДРП(б), Военно-революционный комитет, Минский большевистский Совет рабочих и солдатских депутатов.

30 октября генерал Балуюев подписал приказ по армиям Западного фронта, призывающий солдат не верить большевикам, не признавать новой власти.

«Некоторые части фронта,— говорилось в приказе,— под влиянием большевистской пропаганды, примкнули к большевикам... Между тем большевики не выражают волю народа, а преследуют свои эгоистические, партийные интересы. Против них все благомыслящее крестьянство... Поэтому призываю всех не верить большевикам, сохранить полное спокойствие и порядок».

В провокационных целях в приказе подчеркивалось, что «большевики остались в одиночестве, восстание, поднятое ими в Петрограде, Москве и некоторых местах России, подавляется верными порядку войсками и партиями». Приказ заканчивался словами: «Всем же, исповедывающим большевистские воззрения, предлагаю прекратить свои выступления и подчиняться воле народа»¹⁶ (то есть свергнутой власти Временного правительства.— С. П.).

Однако и этот приказ, рассчитанный на обман солдатских масс, врагам революции не помог. Военские части Западного фронта всюду переходили на сторону революции, принимали решения о признании власти Советов и поддержке Совета Народных Комиссаров.

Овладение штабом Западного фронта — этим гнездом активной контрреволюции в Минске, вокруг которого группировались ярые враги Советской власти, было необходимой и первоочередной задачей Северо-Западного областного комитета РСДРП(б) и фронтового Военно-революционного комитета. После ликвидации контрреволюционного «Комитета спасения» Балувев снова официально заявил о своем подчинении Военно-революционному комитету и отходе от участия в политической борьбе, а поэтому первое время был оставлен на своем месте. Однако и на этот раз генерал не выполнил своих обязательств и продолжал вести провокационную политику, рассылал телеграммы и давал распоряжения явно контрреволюционного характера.

7 ноября на заседании Военно-революционного комитета, проходившего под председательством К. И. Ландера в помещении Минского Совета, обсуждалось письмо Балувева, изъявившего желание работать с Военно-революционным комитетом. Обсудив

письмо, комитет назначил своим комиссаром в штаб фронта члена ВРК С. Е. Щукина, поручив ему предъявить Балуюеву следующие требования:

1. Вывести из города части Кавказской кавалерийской дивизии.

2. Комендантом города назначить одного из членов Военно-революционного комитета.

3. Командующим войсками гор. Минска и его окрестностей назначить подполковника В. В. Каменщикова.

Генерал Балуюев принял первые два требования, но с третьим не согласился. После этого Военно-революционный комитет самостоятельно издал приказ о назначении В. В. Каменщикова на пост командующего войсками гор. Минска и его окрестностей.

Руководствуясь директивой Совета Народных Комиссаров, Военно-революционный комитет Западного фронта принял решение немедленно начать переговоры о заключении перемирия непосредственно с командованием противостоящих немецких войск. ВРК ознакомил с этим решением генерала Балуюева и потребовал от него незамедлительно приступить к переговорам.

Требование ВРК было изложено в письменном виде и вручено Балуюеву как директива Советского правительства. Генерал исполнять это требование категорически отказался. Более того, 10 ноября он разослал в войска свой приказ № 2252, в котором заявил, что отказывается подчиняться указаниям СНК. В приказе говорилось: «Все мы ждем скорейшего заключения мира, но для этого необходимо, чтобы было образовано правомочное правительство, с которым наши союзники и враги могли бы вступить в переговоры. В настоящее время нет органа, который мог бы от имени всего русского народа говорить о мире, так как народное демократическое правительство, составленное из представителей социалистических партий, еще не избрано. Между тем вам предлагается вступить в переговоры о перемирии самим, устраняя ваших начальников. Вспомните, чем грозит для России такое неорганизованное выступление отдельных частей. Противники используют эти переговоры для своих целей, и России грозит гибель..»¹⁷.

Такое наглое поведение Балугева показало, что сделанное им ранее заявление о признании ВРК, о согласии с ним работать было лицемерным, что он вместе со всем контрреволюционным генералитетом штаба перешел к открытой борьбе против Советского правительства.

Военно-революционному комитету фронта стало ясно, что без смещения генерала Балугева и захвата его штаба переговоры о мире провести невозможно. Поэтому ВРК принял решение вооруженным путем захватить штаб, сместить Балугева с поста главнокомандующего и всю полноту власти взять в свои руки. Осуществить это решение было нелегким делом, так как в распоряжении штаба находились значительные вооруженные силы — ударный батальон, части 2-й Кавказской дивизии, польский корпус Довбор-Мусницкого и другие. Операцию по захвату штаба нужно было тщательно подготовить, мобилизовать все наличные силы, имеющиеся в распоряжении Военно-революционного комитета.

Утром 12 ноября состоялось совещание командиров минского гарнизона и представителей войсковых комитетов. Командиры получили боевой приказ занять штаб фронта. Согласно приказу, воинские части к 9 часам вечера заняли исходное положение для возможной атаки здания штаба. Подразделениями Минского революционного полка были очищены ближайшие улицы от прохожих. Это встревожило штаб фронта, откуда сразу же последовал запрос начальнику минского гарнизона В. В. Каменщикову. Штабу было передано требование доложить главнокомандующему, что к нему в 10 часов вечера прибудет подполковник В. В. Каменщиков и его нужно немедленно принять.

В назначенное время В. В. Каменщиков прибыл к штабу фронта (он находился в бывшем здании гимназии по улице Захарьевской) и тут же был принят Балугевым. О содержании беседы В. В. Каменщиков впоследствии рассказал в своих воспоминаниях. Приведем краткое содержание этого разговора.

— Господин генерал, я явился к вам с поручением от Военно-революционного комитета, — заявил Каменщиков Балугеву, войдя в его кабинет.

Генерал поднялся, подал Каменщикову руку и пригласил сесть к столу.

— Чем могу служить? — спросил он.

Каменщиков сообщил, что на основании распоряжения Совета Народных Комиссаров Военно-революционный комитет постановил Балуеву немедленно приступить к переговорам с германским военным командованием о перемирии на Западном фронте.

Во время этого сообщения генерал Балуев то краснел, то бледнел. Как видно, в нем происходила сильная внутренняя борьба. Что ответить? Подчиниться ли требованию Военно-революционного комитета или отвергнуть его и встать на путь борьбы с нами, последовать примеру генерала Духонина?

— Я по своему внутреннему убеждению не могу принять к исполнению ваше требование, — после большой паузы твердо проговорил Балуев. — Я считаю этот шаг для России губительным. Но я сдам обязанности главнокомандующего фронтом тому, кого уполномочит Военно-революционный комитет принять у меня должность, — тихо, но твердо сказал Балуев, тяжело дыша и чуть приподнявшись, давая понять, что разговор окончен.

Содержание разговора Каменщиков передал Военно-революционному комитету. После этого ВРК подписал ему мандат на принятие должности главнокомандующего фронтом. В. В. Каменщиков тут же вновь отправился в штаб, взяв с собой в качестве штаб-офицера большевика П. Н. Полукарова и для охраны взвод солдат.

Оставив солдат у входа в штаб, В. В. Каменщиков прошел в приемную, которая была полна штабными офицерами. Среди них находились командир польского корпуса генерал Довбор-Мусницкий и командир Кавказской кавалерийской дивизии.

«Ко мне, — вспоминает В. В. Каменщиков, — быстро подошли генерал Довбор-Мусницкий и командир Кавказской кавалерийской дивизии. Они так «ласково» взглянули на меня, что, казалось, готовы были проглотить.

— Подполковник, мы не позволим вам учинить насилие! Я вызову сейчас же на защиту свои части, — почти крикнул генерал Довбор-Мусницкий.

— Я вызову свои полки,— также решительно вторил ему командир кавалерийской дивизии».

Они, как видно, хотели взять Каменщикова на испуг. Его плотной стеной окружили офицеры. Нужно было действовать решительно, не показывая ни малейшего волнения.

— Господин генерал,— ответил Каменщиков Довбор-Мусницкому,— вы полагаете, что, предпринимая такой шаг, как смена главнокомандующего, мы не подумали, что это произойдет без борьбы? Все нами взвешено и учтено, и я заявляю вам, что если ваши солдаты выйдут из казарм по вашему приказанию, то они будут расстреляны. Что же касается кавалерии,— обратился Каменщиков к командиру Кавказской кавалерийской дивизии,— то заявляю: вряд ли ваши полки выполнят ваше приказание. А если они и выступят, то дальше окраин города им не пройти, они будут разбиты.

Когда В. В. Каменщиков вошел в кабинет Балугева, там находился начальник штаба генерал Вальтер. Можно было понять, вспоминал В. В. Каменщиков, что он делал последние усилия, чтобы уговорить Балугева встать на путь борьбы. Но тот отказался, сознавая, что для этого не хватит сил.

— Военно-революционный комитет, господин генерал, назначил меня на должность главнокомандующего армиями Западного фронта,— сказал Каменщиков, передавая генералу Балугеву мандат.

— Садитесь, подполковник. Сейчас я напишу приказ о сдаче вам должности главнокомандующего,— ответил Балугев.

— Подполковник Каменщиков, я заявляю вам, что тотчас же после сдачи вам должности главнокомандующего его высокопревосходительством генералом Балугевым я также уйду с поста начальника штаба фронта,— резко заявил генерал Вальтер.

— Мы не задерживаем тех, кто не хочет с нами работать,— ответил Каменщиков.— Предлагаю вам сдать должность генерал-квартирмейстеру.

Вальтер круто повернулся и вышел из кабинета¹⁸.

Генерал Балугев взял лист бумаги, написал следующий приказ за № 2253 а от 12 ноября 1917 года: «По постановлению Военно-революционного комите-

та... я устранен от должности главнокомандующего армиями Западного фронта и вместо меня комитетом назначен подполковник Каменщиков»¹⁹.

В. В. Каменщиков тут же подписал приказ № 1: «По уполномочию Военно-революционного комитета Западного фронта от имени правительства Народных Комиссаров сего числа я вступил в исполнение обязанностей вр. главнокомандующего армиями Западного фронта»²⁰.

Председатель Северо-Западного областного комитета РСДРП(б), член Военно-революционного комитета Западного фронта А. Ф. Мясников утром 13 ноября связался с Московским военным округом, с представителем которого состоялся следующий телеграфный разговор:

— Хотел бы сообщить важное о Западном фронте,— передал А. Ф. Мясников.— Если есть комиссар Советского правительства, прошу вызвать его или же кого-либо из представителей Московского Совета.

— У аппарата дежурный, комиссар будет через полчаса.

— Я бы хотел передать следующий приказ Военно-революционного комитета Западного фронта от 12 ноября 1917 года непосредственно в Петроград В. И. Ленину, но ввиду того, что провод с Петроградом не действует, просил бы приказ этот немедленно передать в Петроград лично В. И. Ленину. Можете или нет?

— Можем передать с центрального телеграфа.

— Так примите же,— попросил А. Ф. Мясников.— Ввиду отказа главнокомандующего армиями Западного фронта генерала от инфантерии Балужева подчиниться власти существующего народного правительства и согласно предписанию правительства вступить с немцами в переговоры о заключении перемирия на фронте, именем Совета Народных Комиссаров Военно-революционный комитет Западного фронта предписывает ему сдать и командиру 12-м Туркестанским стрелковым полком подполковнику Каменщикову принять от генерала Балужева должность и штаб и временно вступить в исполнение обязанностей главнокомандующего армиями Западного фронта.

Далее в приказе ВРК содержится обращение к солдатам и офицерам армии и тыла Западного фронта. В нем говорится:

«Отныне военная власть фронта полностью находится в ваших руках. Мы предписываем вам соблюдать полное спокойствие, революционную дисциплину и поддержку Военно-революционному комитету фронта и назначенному им временно исполняющим должность главнокомандующего армиями Западного фронта подполковнику Каменщикову до тех пор, пока на днях в армии и созываемый на днях фронтовой съезд сами не выберут уже непосредственно главнокомандующего. Дело мира и свободы в надежных руках, товарищи!»

— Прошу от меня и от штаба, — в заключение указал Мясников, — передать, что новый главнокомандующий вступил в исполнение своих обязанностей и работа в штабе идет нормально. В некоторых пунктах начались переговоры о перемирии. Нами вырабатывается инструкция по ведению переговоров ²¹.

Приказ Военно-революционного комитета Западного фронта от 12 ноября был опубликован в газете «Звезда» 14 ноября, в газетах-бюллетенях ВРК армий Западного фронта.

Генерал Балугев сразу же после подписания приказа о своем смещении с поста главнокомандующего телеграфировал в Ставку Духонину: «Остаться в должности при создавшейся обстановке не могу. Обязанности должен был сложить... Командование принял подполковник 12-го Туркестанского полка Каменщиков по назначению Военно-революционного комитета» ²².

В те минуты, когда подписывались приказы о смещении генерала Балугева и назначении нового главнокомандующего, состоялся разговор по прямому проводу представителя Ставки полковника Кусонского с начальником штаба Западного фронта генералом Вальтером. Этот разговор интересен тем, что он проливает дополнительный свет на действия Ставки верховного главнокомандующего. Вот содержание его.

— Духонин передал, — сообщал Кусонский Вальтеру, — что он одобряет ваши с Балугевым действия, но вовсе не доволен выходом Балугева и вас в отставку

и устранением от дел с передачей должности главнокомандующего фронтом подполковнику Каменщикову.

Кусонский указывал на те силы, которые могли бы противодействовать и оградить генералов от снятия с постов:

— У вас в Минске в вашем распоряжении имеются сибирские казаки, 3 эскадрона польских улан, части Кавказской кавалерийской дивизии. Оставление генерала Балужева и вас на своих должностях является настоятельно необходимым, о чем просит убедительно генерал Духонин, прибавляя, что, в крайнем случае, вы могли бы переменить место своего пребывания.

Вальтер на это ответил:

— Если бы Балужев не согласился на уход, это вызвало бы неминуемое кровопролитие и сопротивление было бы совершенно бесполезно, так как ВРК располагал явно превосходящими силами. Сегодня к вечеру весь минский гарнизон был поднят на ноги, дабы силой провести свое требование. Если бы нашими частями мы могли бы на первое время сопротивляться, то с фронта были бы доставлены Военно-революционным комитетом такие силы, которые быстро сломали бы сопротивление наших частей. Повторяю, при общем настроении войск фронта генералу Балужеву не на кого было опереться.

Генерал Духонин приказал передать, сообщил далее Кусонский Вальтеру, что если возврат генерала Балужева хотя бы к номинальной власти немислим, то никак нельзя допустить назначения главнокомандующим фронтом подполковника Каменщикова и настоятельно рекомендует назначить на эту должность его, т. е. Вальтера, или Довбор-Мусницкого.

— Имейте в виду, — отвечал Вальтер, — что генерал Балужев не добровольно ушел с поста и не от слабости духа, а ушел под угрозой силы. То же самое произойдет и с другим любым командующим, которому придется начать с того, что силой оружия обеспечить свое положение, а этого оружия у нас слишком мало.

В заключение на вопрос Кусонского, как собираются реагировать на события генералы и офи-

церы штаба, Вальтер сказал, что генерал Малявин и остальные офицеры штаба служить при создавшемся положении не намерены и собираются уходить, про чинов дежурств и прочих отделов сказать что-либо нельзя, так как событие произошло поздно ночью и разговора по этому вопросу не было²³.

На следующий день после смещения генерала Балугева с поста главнокомандующего согласно приказу Военно-революционного комитета были отстранены начальник штаба Западного фронта генерал Вальтер, генерал-квартирмейстер штаба Малявин. Были отстранены также другие офицеры штаба, не пожелавшие работать при новом главнокомандующем.

Устранение с руководящих должностей контрреволюционных генералов Балугева, Вальтера, Малявина, комиссара фронта Жданова, а также многих других офицеров, боровшихся против Советской власти, имело большое значение. Это было крушением контрреволюционного гнезда в центре Белоруссии, ликвидацией крупного очага контрреволюции на Западном фронте. Переход штаба фронта в руки большевиков облегчил разгром генеральско-офицерских контрреволюционных гнезд в штабах армий, корпусов и дивизий, дал возможность Советской власти укрепить свои позиции в Белоруссии и на Западном фронте.

3. КОНЕЦ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО ГНЕЗДА В МОГИЛЕВЕ

Ликвидация контрреволюционного очага на Западном фронте, в тылу которого находилась Ставка, дала возможность начать практическое претворение в жизнь ленинского Декрета о мире. Однако активная революционная борьба солдатских масс за мир встретила резкое сопротивление контрреволюционной Ставки, поднявшей открытый мятеж против Советской власти.

В Ставке и ее органах сосредоточились наиболее ярые враги революции — царские генералы, лидеры партии кадетов, представители империалистических держав, агенты русской и иностранной буржуазии,

деятели мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров. Все они стремились использовать Ставку для подавления революции.

Видный деятель большевистской партии М. С. Ольминский, давая оценку этому очагу контрреволюции, писал: «Обыкновенно с «октябрьскими днями», решающими исход революции, связывается представление о событиях в Петербурге и в Москве; забывается третий центр, более грозный и более опасный, — центр многомиллионной армии, сосредоточенной на Западном фронте. Этот центр находился в Могилеве»²⁴. Ставка, отмечала газета «Правда» 21 ноября 1921 года, всегда выступала как оплот мракобесия; ее генералитет являлся разбойничьим гнездом контрреволюции, здесь зрели все планы буржуазной реакции.

Ставка действительно была опасным всероссийским контрреволюционным центром. Именно здесь в августе 1917 года был организован контрреволюционный корниловский заговор. На пост военного диктатора реакция прочила ярого монархиста генерала Корнилова, назначенного после июльских событий верховным главнокомандующим.

Корниловский мятеж был подавлен. Его главнейшие — генералов Корнилова, Лукомского, Романовского и других арестовали. Ставка чинила всяческие препятствия революционным частям, направлявшимся в Могилев для ареста других активных участников корниловского мятежа. Следствие по делу многих участников заговора было фактически прекращено, и они продолжали вести контрреволюционную агитацию, открыто заявляя о необходимости оставления Корнилова на посту верховного главнокомандующего. Находясь под «арестом», Корнилов поддерживал связь со всеми своими сторонниками, свободно принимал связанных контрреволюционных тайных организаций, под видом подготовки к судебному процессу вызывал к себе любого офицера и генерала. Шла подготовка к новому контрреволюционному заговору, во главе его стояла Ставка.

После подавления корниловского мятежа, хотя пост верховного главнокомандующего формально занял Керенский, фактически с сентября 1917 года эту

должность исполнял начальник штаба Ставки царский генерал Духонин.

В сентябре — октябре 1917 года в Ставке вынашивались планы второй корниловщины. Ее контрреволюционный генералитет пытался сорвать подготовляемое вооруженное восстание в Петрограде. 24 октября Ставка опубликовала во фронтовых газетах директиву, в которой требовала отказа от вооруженного захвата власти и безусловного подчинения Временному правительству.

После победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде контрреволюция возлагала большие надежды на Ставку в подавлении революции. Об этом свидетельствует, например, телеграмма комиссара Ставки В. Б. Станкевича, находившегося в день вооруженного восстания 25 октября в Петрограде. Станкевич сообщал в Могилев генералу Духонину: «Все зависит от вашей энергии и решительности. Здесь создалось крайне сложное положение, из которого нет выхода без поддержки и решительного слова со стороны фронта. Так, как фронт решит, как будет действовать, так сложится и судьба власти в России»²⁵.

Аналогичная телеграмма была послана 26 октября в Ставку на имя председателя Общеармейского комитета, начальников штабов фронтов и армий начальником политического управления военного министерства Шером. В телеграмме говорилось, что соотношение сил в Петрограде таково, что, если быстро не вмешаются войска фронта, власть будет захвачена большевиками, так как подавляющее большинство войск петроградского гарнизона отказалось подчиниться Временному правительству.

В первые дни Советской власти генералитет Ставки, лидеры партий кадетов, эсеров и меньшевиков были убеждены в ее скорой гибели. Они уверяли, что большевики не смогут долго продержаться. Генерал-квартирмейстер Ставки Дитерихс 28 октября, например, уверял штаб Московского военного округа, что сегодня или завтра дело с Петроградом будет покончено. По мнению контрреволюционных деятелей, вызванные с фронта воинские части должны покончить с «большевистским переворотом». Но уже

2 ноября 1917 года газета «Правда» опубликовала сообщение Военно-революционного комитета о том, что войска Керенского, пытавшиеся захватить Петроград, разбиты, а сам Керенский сбежал.

Однако Ставка не сложила оружия. Посланные ею войска снова стали подходить к Гатчине. На запрос генерал-квартирмейстера Северного фронта Барановского, что делать с эшелонами 3-й Финляндской дивизии, частями 17-го корпуса, 182-й дивизии, подходившими к Петрограду, Духонин приказал: «Все войска, посланные на помощь Краснову, сосредоточить в районе Луга-Плюсна-Передельская»²⁶. Из этого видно, что Ставка еще надеялась сосредоточить воинские силы под Петроградом и повести очередное наступление против революции.

План создания мощной группы войск в районе Луги всячески поддерживал небезызвестный авантюрист эсер Савинков, который писал Духонину, что если в Луге сосредоточить три пехотные дивизии, то новый поход на Петроград увенчается успехом.

Ближайшие события показали, что план контрреволюции и на этот раз провалился. Из тысячи «ударников», направленных Ставкой с фронта и подошедших 3 ноября к Гатчине, более 700 перешли на сторону революции, остальные разбежались. Революционные войска не допустили контрреволюционных частей к Петрограду, они были разбиты на подступах к городу.

После победы Октября лидеры партий кадетов, эсеров, меньшевиков, генералитет Ставки начали группировать свои главные силы вокруг Могилева. Сюда стекались самые ярые противники Советской власти — бывшие министры Временного правительства, лидеры меньшевиков и эсеров. Здесь оказались также представители Петроградского «Комитета спасения родины и революции», главы военных миссий стран Антанты, различного рода «наблюдатели», корреспонденты буржуазных и соглашательских газет.

В Могилеве, наряду со Ставкой, находился Общеармейский комитет, состоявший из правых эсеров и меньшевиков, который занимал враждебную позицию по отношению к пролетарской революции. Политиче-

ское лицо этого комитета ясно видно из его обращения ко Всероссийскому исполнительному комитету железнодорожников. «Мы, представители Общеармейского комитета при Ставке, — говорилось в обращении, — без колебаний выступили против большевиков, стремящихся силой навязать стране свою волю».

Здесь находился также главный комитет союза офицеров армии и флота, возлагавший большие надежды на мятежного генерала Корнилова, «сидевшего» в быховской тюрьме. К тому же Ставке и общеармейскому комитету содействовали соглашательский исполком Могилевского Совета рабочих и солдатских депутатов и Могилевский Совет крестьянских депутатов, находившиеся под влиянием меньшевиков и эсеров.

О Могилеве, как центре контрреволюции, газета «Известия» 12 ноября 1917 года писала: «В Ставку кроме Гоца, Авксентьева, Чернова выехали еще Милюков и генерал Алексеев. Небольшая, но теплая компания! Пуришкевич не выехал в Ставку по независящим от него обстоятельствам».

«Немудрено, — сообщала газета «Правда» 21 ноября 1917 года, — что, когда октябрьские события показали величайшую мощь революционного народа, взоры реакции устремились на Ставку. Все «комитеты спасения революции», спасавшие на деле землю помещиков и высокие дивиденды буржуазии, связывали свои надежды со Ставкой. Господа же «союзники», у которых зарябило в глазах от лицемерия «большевистского безумия», ухватились за Ставку, как за якорь спасения».

Центральной фигурой контрреволюции становился генерал Духонин, возглавлявший Ставку. Получив поддержку представителей американских и английских империалистов, Духонин сделал заявление, что он решил до последнего предела бороться за восстановление Временного правительства.

Генерал Духонин незамедлительно предпринял активные действия по стягиванию к Могилеву контрреволюционных воинских частей. Он дал телеграмму командующему Юго-Западным фронтом следующего содержания: «Обстановка требует переброски Орен-

бургского казачьего полка в Могилев на Днестре в спешном порядке. Благоволите сообщить, когда начнется погрузка полка»²⁷.

В Могилев был вызван 60-й Сибирский казачий полк, со станции Лисовцы на Могилев 4 ноября был направлен 1-й ударный полк. 10 ноября в район Могилева вступил 22-й армейский корпус. 12 ноября Духонин приказал командиру 10-го бронедивизиона направить в Могилев в распоряжение начальника гарнизона взвод бронемашин. 13 ноября Ставка предложила командиру польского корпуса Довбор-Мусницкому «срочно направить по железной дороге в Жлобин один полк 1-й дивизии с пулеметной командой». 14 ноября Ставка телеграфировала штабу Юго-Западного фронта: «Главком приказал перевести срочным порядком в Могилев второй Оренбургский ударный батальон». К 16 ноября в Могилев с Юго-Западного фронта прибыл 1-й ударный полк Манакина, с Западного фронта — ударный батальон 1-й Финляндской стрелковой дивизии, 4-й и 8-й ударные батальоны. Эти батальоны под общим руководством инструктора ударных частей 3-й армии полковника Янкевского сразу же начали усиленно готовиться к отражению шедших на подавление Ставки революционных войск.

В Могилеве находились 4-й Сибирский казачий полк, Георгиевский батальон, Гвардейский ординарческий батальон, 339-я пешая минская дружина и другие подразделения.

Как указывалось выше, в Быхове, недалеко от Могилева, содержался под «арестом» главарь контрреволюции генерал Корнилов. Быховскую тюрьму можно считать частью контрреволюционной Ставки, ибо Корнилов имел возможность поддерживать повседневную связь с Духониным, давал наставления по организации борьбы с Советской властью. Корнилов, например, предлагал Духонину усилить могилевский гарнизон контрреволюционными войсками, немедленно перевести сюда один из чешских полков и польский уланский батальон, занять Оршу, Смоленск, Жлобин и Гомель частями польского корпуса; создать в Могилеве и его окрестностях под надежной охраной большой запас оружия.

В Могилеве установился зловеющий режим контр-революции. Прекратилось поступление газет, в городе выходили только корниловский листок «Могилевская жизнь», бюллетени эсеро-меньшевистского Общеармейского комитета, печатавшие ложные сведения о политическом положении в стране и на фронте. Обстановка с каждым днем становилась все более напряженной.

Дипломатические представители империалистических стран Антанты, находившиеся при Ставке, отказывались признать Советское правительство, диктовали свои условия Ставке, требуя не подчиняться Советскому правительству. Военный представитель американской миссии подполковник Керт официально заявил Духонину, что его правительство определенно и энергично протестует против сепаратного мира, который может быть заключен Россией. Тот же Керт подсказал Духонину выпустить из быховской тюрьмы заядлых врагов Советской власти Корнилова, Деникина, Маркова и Лукомского — будущих послушных исполнителей кровавых планов иностранного империализма против Советской власти.

Усиленная концентрация преданных Ставке войск в районе Могилева, сосредоточение здесь ярых противников революции дали основание председателю Северо-Западного областного комитета РСДРП(б) А. Ф. Мясникову доложить В. И. Ленину о том, что Могилев превращается во второй Версаль.

Лидеры партий кадетов, эсеров и меньшевиков, прибывшие в Могилев, заручившись поддержкой военных миссий Англии, Франции и США, решили под прикрытием Ставки создать здесь буржуазное правительство во главе с эсером Черновым, противопоставив его Совету Народных Комиссаров. В Ставке с 3 ноября начались непрерывные совещания по вопросу создания новой власти.

Генерал Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич, работавший в Ставке и без колебания перешедший на сторону Советской власти, был свидетелем того, что творилось здесь в эти дни. В своих воспоминаниях он писал:

«В двух номерах гостиницы «Франция» (по соседству с моею комнатою), занимавшихся верховным

комиссаром Ставки Станкевичем, появились эсеровские лидеры Чернов, Авксентьев и Гоц, известный меньшевик, бывший министр труда Скобелев и еще несколько волосатых и бородатых человек такого же эсерово-меньшевистского толка и вида. Приезжие все время заседали, что-то решали, о чем-то до хрипоты спорили. На одном таком заседании пришлось побывать и мне. Зайдя к Станкевичу, я задержался и сделался если не участником, то свидетелем нескончаемых прений. Насколько мне помнится, речь шла о том, какими силами защищаться Ставке в случае похода на нее со стороны большевиков. На других заседаниях я не был, но до меня доходили разговоры о том, что предложено организовать правительство во главе с Черновым и противопоставить его Совету Народных Комиссаров. Мне стали понятны планы Станкевича и всей подозрительной публики, постоянно толпившейся в накуренных комнатах Станкевича. Предполагалось, опираясь на антибольшевистские партии и офицеров Ставки и гарнизона, дать решительный бой большевикам при первой же их попытке захватить Могилев»²⁸.

7 ноября в помещении Общеармейского комитета под председательством Перекрестова состоялось совещание, на котором присутствовали генералы Ставки, представители партий меньшевиков, эсеров и Общеармейского комитета. На этом заседании было утверждено, а 8 ноября от имени Общеармейского комитета разослано воззвание к армии, в котором предлагалось «во имя спасения Родины» обратиться ко всем «социалистическим партиям и демократическим организациям» с предложением немедленно приступить к организации общенародного социалистического правительства во главе с Черновым.

Была достигнута договоренность о распределении министерских портфелей в новом правительстве. Вечером 8 ноября на общем собрании Могилевской организации партии эсеров Чернов выступил с речью уже как будущий министр — председатель нового правительства. Чернов, писала газета «Могилевская жизнь» 11 ноября, обвинял большевиков «в преступной аванюре» захвата власти и разжигании гражданской войны. Он заверял участников собрания,

что, став во главе нового правительства, выведет страну из того тупика, в котором она будто бы очутилась.

Контрреволюционеры всеми силами пытались придать будущему «правительству» видимость «законного». Ради этого они шли на любые махинации и авантюры. Была сделана попытка использовать для этой цели Всероссийский съезд крестьянских Советов, который должен был собраться в Петрограде. Эсеровский ЦИК Всероссийского Совета крестьянских депутатов (первого созыва) 8 ноября, накануне открытия съезда, протащил решение о перенесении его в Могилев. Ставилась цель использовать съезд в качестве «законного» органа для образования контрреволюционного правительства.

Из Могилева от имени председателя исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов Чернова во все губернии были разсланы приглашения прислать своих делегатов на Могилевский крестьянский съезд. В сообщении о нем, в частности, говорилось:

«Ввиду происходящих в Петрограде событий, включающих возможность созыва там Всероссийского съезда, таковой решено созвать в Могилеве, причем открывается он на днях же. На съезд, вся организационная работа по которому возложена на председателя Могилевского губернского Совета М. Гольмана, ожидается свыше 200 делегатов по расчету: 2 делегата от каждой губернии и области. Съезд продлится несколько дней и будет проходить в городском театре... Программа Всероссийского съезда крестьянских организаций обнимает много вопросов чрезвычайной государственной важности»²⁹.

Однако затеянная авантюра врагов Советской власти потерпела крах. 9 ноября частное совещание 120 делегатов Всероссийского крестьянского съезда решило провести его в Петрограде.

С первых попыток создания нового правительства при Ставке большевики неуклонно разоблачали контрреволюционную затею врагов Советской власти. Они призывали солдатские массы к бдительности, к беспощадной борьбе с контрреволюционерами. Совет Народных Комиссаров опубликовал воззвание к на-

селению и к армии. В Ставке бывшего верховного главнокомандующего, говорилось в воззвании, собрались агенты буржуазии: Верховский, Авксентьев, Чернов, Гоц и другие. Они хотят образовать новую власть против Советов. Все названные лица уже были министрами и действовали заодно с буржуазией и Керенским. Все они ответственны за наступление на фронте, затягивание войны.

Разоблачая лидеров партий меньшевиков и эсеров как агентов буржуазии и врагов народа, Совет Народных Комиссаров предупредил, что те армейские комитеты, которые попытаются поддержать этих врагов народа в их борьбе против Советской власти, должны быть немедленно распущены, а в случае сопротивления — арестованы.

Большевистские организации, солдатские массы единодушно поддержали воззвание Совета Народных Комиссаров. Всюду в армии принимались решения, требовавшие решительной борьбы с контрреволюционной Ставкой. В телеграмме армейского комитета 1-й армии сообщалось: «Армейском-I приветствует все решительные шаги СНК. Революционные солдаты и рабочие не выпустят без боя власти из своих рук. Категорически протестуем против попытки Общеармейского комитета при Ставке сформировать какое-то другое правительство»³⁰.

Конференция солдат 22-й дивизии единогласно приняла резолюцию, в которой говорилось: «Мы, всецело поддерживая власть Совета Народных Комиссаров, требуем от высших армейских организаций немедленно приступить к изоляции всей старой Ставки во главе с ген. Духониным. Мы требуем немедленного роспуска Общеармейского комитета при Ставке, идущего в контакте с ген. Духониным и его приспешниками... В случае неподчинения старой Ставки и Общеармейского комитета нашим требованиям мы настаиваем не останавливаться перед крайними мерами вплоть до применения вооруженной силы и их ареста»³¹.

«3-я армия требует немедленного разгона контрреволюционного гнезда при Ставке бывшего верховного главнокомандующего генерала Духонина во главе с Общеармейским комитетом и всеми лидерами

буржуазии»³². В сообщении говорилось, что всякие контрреволюционные выступления керенско-калединской банды, под каким бы флагом они ни совершались, встретят со стороны армии стальную щетину штыков.

Обращаясь к генералам Духонину, Каледину и другим врагам Советской власти, армейский комитет 2-й армии заявил, что она «смело разоблачает ваши волчьи планы и мощно говорит: долой предателей, не мешайте народу и армии в их борьбе за мир, за истинную свободу»³³.

План образования правительства во главе с Черновым провалился, но Ставка по-прежнему оставалась центром всероссийской контрреволюции. Верховный комиссар при Ставке в разъяснении, посланном в армейские комитеты, подчеркивал, что Ставка и Могилев будут защищаться от всякого вооруженного нападения, так как здесь «защищается последний клочок Российской республики», что именно Ставка защищает существование России от воздействия большевиков, от провокационных призывов к сепаратному миру.

Ставка большие надежды возлагала на войска Юго-Западного и Румынского фронтов. Они располагались вдали от промышленных и революционных центров, их армейские части находились в расположении реакционного офицерства и соглашательских войсковых комитетов. Опорой контрреволюции были казачьи части Дона и Кубани, 40 ударных батальонов, насчитывающих до 50 тысяч хорошо вооруженных солдат и офицеров, бригада георгиевских кавалеров, 26 юнкерских училищ и 38 школ прапорщиков. Эти силы генералитет Ставки, лидеры партий кадетов, эсеров и меньшевиков рассчитывали использовать для подавления пролетарской революции. Кроме того, Ставка надеялась на помощь, которую ей обещали империалистические правительства США, Англии и Франции.

Стремясь ускорить проведение в жизнь Декрета II Всероссийского съезда Советов о мире, СНК 7 ноября предписал Духонину: «Тотчас же по получении настоящего извещения обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением не-

медленного приостановления военных действий в целях открытия мирных переговоров»³⁴. Духонин не дал никакого ответа. Весь день 8 ноября он советовался с представителями военных иностранных миссий и с контрреволюционной генеральской верхушкой.

Совет Народных Комиссаров вечером того же дня уполномочил В. И. Ленина по прямому проводу запросить Духонина о причинах задержки ответа. В переговорах, которые велись с перерывами с 2-х до 4-х с половиной часов утра 9 ноября, Духонин уклонялся от объяснений своего поведения. А на категорические требования В. И. Ленина немедленно начать переговоры о перемирии ответил отказом.

После получения такого ответа именем Советского правительства В. И. Ленин заявил Духонину, что он отстраняется от поста верховного главнокомандующего «за неповиновение предписаниям правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям»³⁵.

В. И. Ленин, докладывая на заседании ВЦИК 9 ноября 1917 года о переговорах с Духониным, говорил: «...мы знали, что мы идем на переговоры с врагом, а когда имеешь дело с врагом, то нельзя откладывать своих действий»³⁶.

На место генерала Духонина верховным главнокомандующим Советское правительство назначило известного деятеля большевистской партии прапорщика Н. В. Крыленко, которого В. И. Ленин характеризовал как одного из самых горячих и близких к армии представителей большевиков.

В тот же день, 9 ноября 1917 года, Совет Народных Комиссаров обратился по радио с призывом за подписью В. И. Ленина ко всем полковым, дивизионным, корпусным, армейским и другим комитетам, ко всем солдатам революционной армии и матросам революционного флота брать дело мира в свои руки и выбирать уполномоченных для вступления в переговоры о перемирии.

Генерал Духонин в свою очередь 9 ноября обратился к командующим фронтами и армиями со следующей телеграммой: «Я не считаю себя вправе до

образования общепризнанной законной власти оставить свой пост, уверенный, что действую в полном согласии с... командным составом и войсковыми организациями». Командующий Кавказским фронтом заявил, что он всецело присоединяется к этому решению. Командующий Юго-Западным фронтом генерал Володченко доносил Духонину: «Вашу телеграмму передал командному составу, комиссариату и комитетам. Лично со своей стороны вполне присоединяюсь к Вашему мнению»³⁷.

Генералитет Ставки все еще надеялся повести за собой армию, Духонин и не думал сдавать Ставку. Об этом свидетельствуют его переговоры с начальником Генерального штаба военного министерства Марушевским. «Я считаю,— сообщил Духонин Марушевскому 9 ноября,— что во временное исполнение должности главковерха я вступил на основании закона («Положение о полевом управлении войск в военное время»), ввиду отсутствия главковерха. Могу сдать эту должность также в том случае, если от нее буду отстранен, новому лицу, на нее назначенному в законном порядке, то есть указом Сената, опубликованным этим последним, являющимся высшим блюстителем законности в стране, дотоль не упраздненным»³⁸.

В ответ Марушевский заявил Духонину, что именно он является законным верховным главнокомандующим, и просил регулярно информировать о происходящих на фронте событиях. 10 ноября в разговоре по прямому проводу Духонин сказал Марушевскому: «Ставка... не является изолированным островом личных мнений и впечатлений. Она отражает в себе пока,— я думаю, что не ошибусь,— большинство массы армии»³⁹.

10 ноября 1917 года газета «Правда» писала: «Советское правительство предложило перемирие. Солдаты единодушно требуют мира, а генералы, видимо, желают воевать. Генерал Духонин отказался приступить к переговорам о перемирии. Он смещен. Товарищи солдаты! Если вы хотите продолжения войны, защищайте генерала Духонина. Если же вы хотите мира, то всей силой вашего оружия поддержите Совет Народных Комиссаров».

Широкие солдатские массы единодушно поддерживали Советское правительство. Обращение В. И. Ленина к армии было встречено с большим восторгом солдатами, армейскими комитетами, оно значительно усилило влияние Советской власти на фронте, увеличило число ее сторонников.

Воля солдат Западного фронта и широких трудящихся масс Белоруссии ясно выразила газета «Звезда» в статье «Генерал Духонин и Совет Народных Комиссаров», опубликованной 11 ноября 1917 года. «Очевидно, что лицо, не признающее единственной власти Российской рабоче-крестьянской республики, — писала «Звезда», — не может оставаться во главе армии и должно быть смещено. Но генерал Духонин отказывается сдавать должность. Он отказывается подчиниться Совету Народных Комиссаров, несмотря на то, что огромное большинство армии признает только одну власть — власть Совета Народных Комиссаров. Рабочие, солдаты и крестьяне не могут мириться с препятствиями, чинимыми господами Духонинскими».

Военно-революционный комитет Западного фронта выпустил воззвание: «Товарищи! Ставка верховного главнокомандующего, которая находится в руках контрреволюционеров, не сдается бывшим верховным главнокомандующим Духонинским. Наоборот, она окружается войсками, пулеметами и орудиями, вызванными обманным способом на защиту предателя Духонина. Ставка, минуя штаб нашего фронта, который находится в руках революционного народа, пытается вызвать части фронта в свое распоряжение. Контрреволюционная Ставка готовится к подавлению революции»⁴⁰. Воззвание заканчивалось призывом вести беспощадную борьбу с контрреволюционными генералами Ставки.

ВРК 2-й армии Западного фронта заявил, что он глубоко возмущен провокационным генералитетом Ставки, считает бесполезным отвечать на контрреволюционные призывы общеармейского комитета при Ставке и предложил всем объявить беспощадную борьбу духонинцам. В телеграмме в адрес исполкома Северного фронта ВРК 2-й армии сообщал: «Пусть же помнят духонинские «демократы», что нельзя без-

наказанно глумиться над изнуренным бесконечной войной народом. 2-я армия найдет в себе силы бороться за свободу и мир с контрреволюционными демократами и призывает всех товарищей поддержать ее в борьбе за достижение народных идеалов»⁴¹.

14 ноября состоялось объединенное заседание полкового, ротных и командных комитетов 2-го гренадерского Ростовского полка. В принятом решении говорилось: «Узнав, что генерал Духонин не хочет сдать должность верховного главнокомандующего и отказывается признать народную власть, мы, ростовцы, признали, что Духонин затеял контрреволюцию, которую мы не допустим, хотя бы это стоило ценою крови, и требуем немедленно сдать командование. Если Духонин не передаст командование, то выступим против него с оружием в руках, не допустим глумиться над народной властью»⁴².

Подобные решения и обращения приняли и многие другие Военно-революционные и солдатские комитеты. Подъем революционного движения солдатских масс, их сплоченность вокруг большевистской партии и Советского правительства явились залогом успешной борьбы против контрреволюционных действий Ставки.

В то время когда широкие народные массы активно выступали против контрреволюционных действий Ставки, генерала Духонина активно поддерживали империалисты США, Англии и Франции. 9 ноября правительства стран Антанты дали указание своим военным миссиям при Ставке оказать всемерную помощь Духонину. Эти миссии вручили ему коллективную ноту — протест «против заключения мира, перемирия и приостановки военных действий на фронтах». При этом следует подчеркнуть, что этот протест был предъявлен не законному правительству — Совету Народных Комиссаров, а генералу Духонину. Представители миссий, угрожая нашему народу, в частности, писали, что всякое нарушение договора со стороны России повлечет за собою самые тяжелые последствия.

Преклоняясь перед представителями империалистических держав, Духонин заявил, что он примет все меры, чтобы не прекращать военных действий и

не нарушать союзных обязательств. Духонин выполнил требование «союзников» распространить ноту в армии, путем угроз заставить ее продолжать войну.

Иностранные миссии грубо вмешивались в дела не только Ставки, но и командующих фронтами. Представитель французской военной миссии генерал Бертело заявил, например, командующему Румынским фронтом Щербачеву, что Франция не признает в России никакой власти, которая оказалась бы способной входить в соглашение с противником.

18 ноября 1917 года народный комиссариат по иностранным делам сделал предупреждение представителям союзных стран, которые обратились с официальными документами к бывшему верховному главнокомандующему генералу Духонину, смещенному Советом Народных Комиссаров за неподчинение Советской власти. При этом было указано, что военные представители позволяют себе призывать Духонина вести политику, прямо противоположную той, какую ведет законное Советское правительство. «Такое положение,— заявил наркоминдел,— не может быть терпимо». Советское правительство не допустит, чтобы «союзные дипломатические и военные агенты во имя тех или других целей вмешивались во внутреннюю жизнь страны и пытались разжигать гражданские войны»⁴³.

Открытое мятежное выступление Ставки вызвало необходимость принятия Советским правительством срочных мер. Совет Народных Комиссаров объявил Духонина врагом революции. Его распоряжения не подлежали передаче и исполнению. СНК отдал распоряжение о привлечении к ответственности всех лиц, поддержавших Духонина. Решительной борьбы против контрреволюционного генералитета Ставки потребовал В. И. Ленин. Для разгрома этого опасного гнезда контрреволюции он предложил сформировать революционные отряды из солдат петроградского гарнизона, революционных матросов Балтийского флота и наиболее революционно настроенных частей Западного фронта.

Тысячи рабочих Петрограда и других городов, много воинских соединений и частей, десятки тысяч солдат и матросов откликнулись на призыв вождя. О желании сформировать отряды для борьбы со Ставкой поступили просьбы от рабочих и солдат Петрограда, Москвы, моряков Балтики, от воинских соединений и частей Западного фронта, располагавшихся в Витебске, Минске, Полоцке, Орше, Жлобине.

Во многих воинских соединениях принимались решения с требованием быстрейшей ликвидации генеральской контрреволюции в Могилеве. Так, чрезвычайный съезд 5-й армии Северного фронта дал торжественное обещание «уничтожить все гнезда контрреволюции, тормозящие дело мира. В первую очередь гнездо у Духонина, Гоца, Авксентьева и других предателей революции, засевших в Могилеве».

В Петрограде были сформированы сводный отряд из солдат Литовского полка и команда матросов Балтийского флота. Эти отряды революционных войск 11 ноября отбыли в направлении Могилева.

Одновременно развернулось формирование революционных отрядов для ликвидации Ставки в Белоруссии. В Минске под командованием члена ВРК Западного фронта Е. И. Лысякова был создан сильный боевыми качествами и моральным духом сводный отряд, куда вошли 1-й революционный полк имени Минского Совета, 60-й Сибирский стрелковый полк, рота пехоты, саперная рота, бронепоезд с зенитной батареей, двумя бронемашинами. Второй отряд был сформирован из состава 35-го корпуса 3-й армии под командованием Р. И. Берзина. Революционные отряды создавались также в Витебске, Гомеле, Орше, Жлобине, Смоленске. Перед ними была поставлена задача: немедленно овладеть Ставкой, арестовать Духонина и поддерживающих его лиц, не допустить при этом нарушения нормальной работы Ставки по обеспечению снаряжением и довольствием войск.

Один из организаторов революционных отрядов на Западном фронте, посланный сюда из Петрограда с директивой Совета Народных Комиссаров большевик М. К. Тер-Арутюнянц, сообщал, что перед формированием отрядов в частях проводились митинги, где объяснялись их цели и задачи, а затем

производилась запись добровольцев. Солдаты заявляли на митингах, что будут считать для себя величайшей честью выполнить поставленную задачу.

Особенно много представителей фронтовых организаций и частей собралось в Витебске. В городе, со-общала газета «Правда» 22 ноября, происходят грандиозные митинги солдат, непреклонно решивших покончить с гнездом разложения армии — Ставкой.

Н. В. Крыленко, прибывший в Двинск во главе петроградских революционных отрядов, 13 ноября послал телеграмму в Ставку, Могилевскому Совету рабочих и солдатских депутатов и губерньскому Совету крестьянских депутатов, в которой, в частности, говорилось: «Общеармейский комитет распускаю впредь до новых выборов. Прошу Могилевский Совет рабочих и солдатских депутатов и губерньский Совет крестьянских депутатов принять все меры к отстранению от должности Духонина без насилия»⁴⁴.

Вечером того же дня состоялось объединенное заседание обоих Советов с участием представителей Общеармейского комитета, генералов Ставки и комиссара Временного правительства при Ставке Станкевича. На заседании было принято решение: власти Совета Народных Комиссаров, как и Крыленко верховным главнокомандующим, не признавать. Общеармейский комитет на следующий день опубликовал заявление: «Заслушав приказ прапорщика Крыленко о роспуске Общеармейского комитета, комитет постановил: приказа не признавать и считать, что распущен комитет может быть только волею армии, путем отозвания членов комитета делегировавшими их армиями и фронтовыми организациями»⁴⁵.

Ставка Духонина предпринимала лихорадочные меры к недопущению в Могилев революционных войск. Всероссийский исполнительный комитет союза железнодорожников (ВИКЖель), являвшийся одним из центров контрреволюции, изо всех сил старался помочь Ставке. 12 ноября он дал распоряжение администрации железных дорог ни под каким видом к Могилеву не пропускать эшелоны революционных войск. Более того, ВИКЖель выступил с клеветническим заявлением о том, что якобы рево-

люционные войска на пути следования к Ставке бесчинствуют, занимаются мародерством.

Несмотря на препятствия ВИКЖеля, революционные войска продолжали двигаться к Могилеву. С севера через Оршу продвигался сводный петроградский отряд под командованием Н. В. Крыленко, с запада к Орше подходил отряд 35-го корпуса под командованием Р. И. Берзина, с юга через Жлобин — отряд, организованный в Минске под командованием Е. И. Лысякова. «Могилев, — писал Н. В. Крыленко, — сразу брался в клещи с севера, запада и юга»⁴⁶.

Ставка, чтобы задержать продвижение революционных войск, выставила в качестве заслона 138-й Болховский полк, самокатный батальон с пулеметами, 1-ю Финляндскую стрелковую дивизию, пять броневиков и другие части. К середине ноября в Могилев с Юго-Западного фронта прибыл 1-й ударный полк Манакина. Духонин располагал, писал Н. В. Крыленко, Георгиевским батальоном, бывшим в личной охране царя, четырьмя полками 1-й Финляндской дивизии, взятой с Румынского фронта и расположенной в окрестностях Могилева, чуть ли не дивизией польских легионеров из корпуса Довбор-Мусницкого. Наконец, сверх того, западнее Великих Лук были расположены казацкие части генерала Краснова, только что разбитые под Петроградом. Из Режицы с Северного фронта все время подтягивались свежие силы⁴⁷.

На пути движения революционных войск, наступавших из Минска, Ставка расположила в районе Жлобина полк казаков, 1-й и 2-й батальоны «ударников», части польской дивизии и Текинский полк. При наличии таких сил, заявил Духонин, мы не можем пойти на «бескровную сдачу Ставки».

В Могилеве усиленно велись приготовления. Были выбраны позиции, высланы патрули, спешно соединены полевыми телефонами отдельные части. Планом боевых действий против революционных войск предусматривались разборка железнодорожных путей и разрушение мостов. Когда, например, 17 ноября в Ставке распространился слух о высадке на станции Могилев революционных отрядов, по при-

казанию Духонина генерал Левицкий немедленно мобилизовал шоферов для переброски «ударников» на станцию, чтобы разгромить советские части. В бывший губернаторский дворец, где помещался Духонин, все время приходили офицеры с рапортами о занятии боевых позиций.

Эсеры и меньшевики вели усиленную антисоветскую агитацию среди солдат гарнизона и населения города. Они распространяли клевету на большевистскую партию и Советское правительство, обвиняя их в разжигании и расширении гражданской войны. В «демократических» организациях Могилева большинство составляли соглашательские мелкобуржуазные партии, которые поддерживали линию Ставки. Могилевский губернский Совет крестьянских депутатов почти целиком шел за эсерами. Могилевский Совет рабочих и солдатских депутатов, находясь под влиянием эсеров, меньшевиков и бундовцев, стоял на платформе Общероссийского комитета и был вполне солидарен с ним во всем.

Приближение к Могилеву советских войск усиливало активность революционных сил. Революционные войска во время своего движения к логову контрреволюции получали поддержку на каждой станции, от каждого гарнизона. Рабочие, красногвардейцы, солдаты всюду изъявляли желание принять участие в разгроме Ставки.

Революционное движение охватило и те части, которые предназначались для борьбы против советских отрядов. Многие солдаты частей, выделенных Ставкой в качестве заслона, отказывались выполнять приказы генералов и офицеров. Например, во время следования из Петрограда одного из эшелонов революционных отрядов между станциями Орша и Шклов командир 1-й Финляндской дивизии генерал Скобельцын приказал саперам взорвать железнодорожный мост перед приближавшимся поездом. Солдаты не выполнили этот приказ, и революционный эшелон благополучно продолжал путь.

Или вот другой пример. 22-й армейский корпус был вызван Ставкой с фронта из района Проскурова. Офицеры скрыли от солдат, куда и с какой целью направляется корпус. С прибытием его в район Мо-

гилева большевики разоблачили планы контрреволюции, разъяснили солдатам, что их хотят использовать для борьбы против Советской власти. Солдаты потребовали от полковых комитетов выполнить предписание Совета Народных Комиссаров, арестовать офицеров, выступивших против революции. Командир корпуса генерал Бесковный вынужден был бежать, ряд офицеров штаба был арестован.

Вести об аресте офицеров в частях, предназначенных для защиты Ставки, а также о солдатских митингах в могилевском гарнизоне вызвали переполох среди генералитета Ставки и членов Общеармейского комитета. В созванном совещании этого комитета совместно с представителями фронтов некоторые армии отказались принять участие. Газета «Звезда» в номере за 17 ноября сообщала, что «на зов Общеармейского комитета откликнулись весьма немногие и в Ставку прибыло только несколько представителей». А ведь оно должно было обсудить, как подчеркивала «Звезда», вопросы «первостепенной важности»: охрану Ставки и Общеармейского комитета от вооруженного нападения большевиков, охрану Учредительного собрания, вопрос о власти и другие.

Участники совещания произносили речи, рассуждали, даже голосовали, но в конце концов пришли к заключению, что ни у Ставки, ни у Общеармейского комитета нет той реальной силы, которую можно было бы двинуть против большевиков. Даже батальон георгиевских кавалеров оказался против Ставки и Общеармейского комитета.

Во время работы совещания стало известно о приближении к Могилеву революционных войск. Это известие внесло растерянность среди высших чинов Ставки, представителей контрреволюционных войсковых организаций и воинских частей. Вместо вопросов «государственной важности» совещание вынуждено было спешно заняться решением другой задачи — эвакуацией Ставки.

После истерических речей Духонина, Станкевича и других было принято решение перевести Ставку в Киев.

Представители некоторых армий, прибывшие на совещание после его закрытия, сделали письменное

заявление такого содержания: «Ввиду того, что на совещании 17-го сего месяца не было представительства от Северного и Западного фронтов и некоторых армий других фронтов, совещание не было правомочным для вынесения тех или других постановлений от лица Общеармейского совещания. Мы, нижеподписавшиеся, снимаем с себя всякую ответственность за постановление совещания»⁴⁸⁻⁴⁹.

18 ноября члены штаба Ставки во главе с Духониним и верховным комиссаром Станкевичем вместе с представителями Общеармейского комитета и ударных воинских частей вновь собрались на совещание. Обсуждался один вопрос — сдавать Ставку или защищаться. Генерал Духонин, излагая свою позицию, призвал присутствующих охранять Ставку и этим, по его мнению, спасти честь России. Станкевич призывал отстаивать Ставку, как место, хранящее не только единство фронта, но и единство России. Он заявил, что если Ставка перейдет в руки большевиков, то единство и целостность страны нарушатся. Отдельные представители Общеармейского комитета высказывались за оставление Ставки на месте, за отказ от идеи вооруженного сопротивления, за то, что Ставка должна продолжать «техническую работу по управлению армиями».

Обсуждаемый на этом совещании вопрос подавлял всех присутствовавших и ясного разрешения не получил. Колебания были налицо. Все это показывает, что отсутствие опоры в войсках привело к полной изоляции Ставки, к ее банкротству.

То, что Ставка не имела опоры в армии, подтверждается высказываниями Деникина и Станкевича. «Положение Ставки,— писал впоследствии Деникин,— становилось критическим. Техническое управление фронтом принимало все более фиктивный характер, так как отдельные части, дивизии, корпуса, целые армии мало-помалу переходили на сторону большевиков»*.

На георгиевских кавалеров уже нельзя было рассчитывать, вспоминал Станкевич. Даже казаки и

---

* Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 2. Париж, 1921, с. 137.

текинцы стали проявлять признаки брожения. Все яснее начало проявляться влияние приезжих агитаторов, от которых Ставка не находила способа обезопасить себя. Параллельно с неуверенностью генералов возрастала решительность сторонников большевиков в Могилеве.

Член Могилевского комитета РСДРП(б), один из активных участников борьбы за победу Советской власти в Могилеве А. И. Черницкий в своих воспоминаниях писал:

«Ставка и Общеармейский комитет чувствовали, что у них почва горит под ногами. Ставка металась от одного проекта к другому. То готовилась к сопротивлению, то выдвинула проект нейтрализации Ставки, сохранив ее как чисто технический орган, наконец, решили эвакуировать Ставку в Киев. Совещание шло за совещанием. Но ничто не могло помочь. На Могилев двигались революционные части.

Революционные силы в самом городе в лице большевистско-интернационалистской партийной организации активизировали свою работу среди колеблющихся членов исполкома и среди солдат. Георгиевский батальон окончательно распропагандирован. На него уже можно было опереться в борьбе со Ставкой. В задачу нашей организации входило помешать выезду Ставки из Могилева и вывозу архивов, добиться до момента прибытия тов. Крыленко и его отрядов в Могилев установления Советской власти в городе»⁵⁰.

В это время в Могилеве была получена телеграмма от исполняющего обязанности главнокомандующего Западным фронтом В. В. Каменщикова, в которой солдаты могилевского гарнизона призывались не подчиняться Ставке. Этот призыв еще больше обострил ее тревожное положение. К вечеру 18 ноября штаб Ставки приступил к эвакуации. Члены Общеармейского комитета быстро начали уничтожать свои дела и покидать Могилев.

Таким образом, изолированный со всех сторон, потерявший всякую надежду на получение поддержки, генералитет Ставки решил эвакуировать ее еще до прибытия революционных войск в Могилев. Однако солдаты георгиевского батальона, перешедшие на

сторону большевиков, помешали контрреволюции осуществить полностью эту затею. Восставший батальон заявил, что «не выпустит Ставку из Могилева до прибытия частей из Петрограда»⁵¹. Солдаты этого батальона явились во дворец, где размещалась Ставка, и там поставили свою охрану, задерживая всех, кто пытался бежать и увозить с собой документы и ценную аппаратуру.

Представляют большой интерес материалы, рассказывающие о положении дел в Ставке накануне ее ликвидации. Газета «Голос народа» эсеровского направления, издававшаяся в Гомеле, в номере за 22 ноября 1917 года так описывала события тех дней в Могилеве: «В городе большое возбуждение. Ночью спешно выехала часть миссий наших союзников. Выехала и часть Ставки. Увозят документы. Сняты аппараты. Сейчас в 11 часов утра у входа во дворец стоит большая толпа возбужденных солдат георгиевского батальона. Они не пропускают автомобилей, пытающихся проехать на вокзал... Солдаты говорят: почему уезжают, не оповестив? Зачем и куда едут? Почему всю ночь жгли бумаги, почему сняли аппараты, разрушили всю Ставку? Приедут наши (т. е. большевики — С. П.) и им нельзя будет продолжать работу. Не пустим никого».

В ночь на 19 ноября некоторые из высших чинов Ставки пытались тайно уехать в неизвестном направлении, вспоминал А. Дикгоф-Деренталь⁵², но автомобиль их был замечен солдатами-георгиевцами, когда на него грузили чемоданы. И чемоданы, и автомобиль были георгиевцами задержаны, а не желавшие встретиться со своим новым главкомом прапорщиком Крыленко отведены обратно. Утром можно было видеть возвышающуюся среди двора кучу разбросанных чемоданов и расхаживающих между ними с примкнутыми штыками георгиевцев, столь удачно успевших «изловить контрреволюционную гидру».

Весть о приближении советских войск во главе с Н. В. Крыленко оживила политическую жизнь в городе, подняла революционную активность трудящихся и солдат гарнизона, что значительно ускорило падение Ставки. Особенно большую работу в эти

напряженные дни провели направленные в Могилев представитель Северо-Западного областного комитета РСДРП(б) подпоручик Полукаров, состоявший штаб-офицером для поручений при Главкомзапе, представители ВРК 3-й армии В. А. Фейерабенд и С. И. Зобков, председатель Оршанского ВРК И. Г. Дмитриев. Большевики-агитаторы, посланные в воинские части гарнизона, разъясняли солдатам сущность Октябрьской социалистической революции и задачи борьбы с контрреволюционными силами Ставки. Под влиянием большевистской агитации солдаты все больше и больше революционизировались, принимали решения о неподчинении Ставке и переходили на сторону Советской власти.

На предприятиях и в воинских частях города большевики разоблачали предательство меньшевиков и эсеров, под руководством которых Могилевский Совет рабочих и солдатских депутатов и губернский Совет крестьянских депутатов были превращены в придаток контрреволюционной Ставки. Революционно настроенные воинские части и рабочие предприятий города переизбирали депутатов, посылали в Совет специальные делегации с требованием принятия решительных мер для борьбы с контрреволюцией.

Вечером 18 ноября состоялось экстренное расширенное заседание исполнительного комитета Могилевского Совета рабочих и солдатских депутатов. Выступивший на заседании представитель Общеармейского комитета меньшевик Нехамкин призвал членов исполкома «не быть предателями» и принять решение, разрешающее немедленный отъезд Духонина из Ставки. Отъезд Духонина, по его словам, облегчит достижение соглашения с противной стороной, к чему стремится Общеармейский комитет.

Основным вопросом, который был поставлен на обсуждение исполкома представителями левых фракций, являлся вопрос о власти Советов. После долгих ожесточенных споров, разоблачая предательскую линию меньшевиков и эсеров, большевистская фракция одержала победу. Представители Общеармейского комитета, военного союза, исполкома Совета крестьянских депутатов, губернский комиссар эсер Певзнер вынуждены были покинуть зал заседания,

обвинив при этом большевиков в «бестактности» и «некорректности». Покинули зал и некоторые члены исполкома — правые эсеры, заявив, что они не считают возможным оставаться для совместной работы. Вопрос об отъезде Духонина был решен отрицательно. Но ему гарантировалась личная безопасность.

На этом заседании, таким образом, большевики Могилева одержали окончательную победу над соглашателями — меньшевиками и эсерами, которые были изгнаны из Совета. Исполнительный комитет Совета по основному вопросу принял решение о признании Советской власти и создании Военно-революционного комитета. Это решение исполкома, объявленное многочисленным представителям воинских частей и публике, ожидавшим в переполненном зале, было встречено с восторгом, бурными аплодисментами.

В сообщении об этом решении исполкома говорилось: «В субботу, 18 ноября, исполнительный комитет Могилевского Совета рабочих и солдатских депутатов признал существующую власть, стоящую на платформе II съезда Советов... законной. Вся власть в городе и контроль над Ставкой перешли в руки Военно-революционного комитета»⁵³. Решающую роль в его создании сыграли большевики, присланные ВРК Западного фронта, и представители 3-й армии, делегированные сюда для работы среди солдат могилевского гарнизона.

Военно-революционный комитет в 3 часа утра 19 ноября разослал радиogramму солдатам армии о победе Советской власти в Могилеве и установлении контроля над Ставкой. В ней сообщалось:

«18 ноября в 11 час. ночи власть в городе Могилеве и контроль над Ставкой переходит в ведение Военно-революционного комитета. Местный Совет рабочих и солдатских депутатов и представители армии объявили себя единственным органом, ведающим всей властью в городе.

Военно-революционный комитет заявляет, что интересы свободы и революции будут защищаться Военно-революционным комитетом всеми средствами, находящимися в его распоряжении. Все лица, замеченные в контрреволюционной деятельности и пре-

пятствующим разрешению основных задач, провозглашенных декретами II Всероссийского съезда Советов,— будут преследоваться по всей строгости революционного времени.

Солдаты всех армий! Дело мира приближается к желаемому концу. Сохраните полный порядок в ваших рядах, удвойте вашу энергию и создайте революционную дисциплину»⁵⁴.

Утром 19 ноября Военно-революционный комитет издал приказ, в котором говорилось, что во исполнение приказа правительства Народных Комиссаров, волею Октябрьской революции поставленных, Могилевский ВРК, состоящий из представителей исполнительного комитета Могилевского Совета рабочих и солдатских депутатов и представителей Военно-революционных комитетов Западного фронта и армий, объявляет себя высшей властью в Могилеве и берет на себя контроль над деятельностью Ставки. В приказе ставилось в известность, что все распоряжения ВРК подлежат немедленному и безусловному исполнению. Всякий, не признающий и не исполняющий приказов и распоряжений правительства Совета Народных Комиссаров и Военно-революционного комитета, подлежит немедленному аресту и отстранению от занимаемых должностей, а лица, противодействующие Советской власти, будут немедленно арестовываться и предаваться Военно-революционному суду.

Следующим приказом Военно-революционного комитета 19 ноября генерал Духонин, верховный комиссар при Ставке Станкевич, помощник начальника штаба Ставки по политическим делам Вырубов отстранялись от занимаемых должностей и объявлялись состоящими под домашним арестом. Общеармейский комитет распускался. Временно функции общеармейского комитета Могилевский Военно-революционный комитет взял на себя. Для контроля над деятельностью Ставки ВРК назначил своих комиссаров.

В те вечерние часы 18 ноября, когда в Могилевском Совете решался вопрос о власти и когда стала очевидной совершенная безвыходность положения Ставки, чины из контрреволюционного генералитета

и представители иностранных военных миссий спешно начали бежать из Могилева. 19 ноября покинули Могилев генерал-квартирмейстер Дитерихс, комиссар Временного правительства при Ставке Станкевич, почти все офицеры оперативного отдела штаба, члены общеармейского комитета, лидеры партий эсеров и меньшевиков — Чернов, Гоц, Скобелев, Шохерман.

Как сообщала 20 ноября газета «Могилевская жизнь», сам Духонин не мог выехать «по не зависящим от него обстоятельствам». Дикгоф-Деренталь объясняет эти «обстоятельства» той ответственностью, которая вытекала из должности главковерха, что Духонин, по его мнению, «как честный солдат не мог покинуть свой пост», хотя все было готово для его бегства: автомобиль ждал в установленном месте. Генерал Духонин вышел уже, писал он, в переднюю бывшего губернаторского дворца, в котором жил, но в последнюю минуту заколебался. «Совесть моя чиста, — сказал Духонин, — я действовал все время с демократией и на благо Родины... Я не могу бежать... Я не Керенский!..» И он вернулся.

М. Д. Бонч-Бруевич в книге «За власть Советов» приводит рассказ Станкевича о том, как прошла последняя ночь Духонина в Ставке. Вот краткое его содержание:

Вечером у Духонина собрались высшие чины Ставки, которые пришли к нему с решением, что ему, Духонину, необходимо покинуть Ставку, так как против него большевиками велась слишком усиленная личная кампания. Такое же решение вынес и Общеармейский комитет.

Я придерживался того же мнения, писал Станкевич, хотя по несколько иным соображениям. Независимо от целостности технического аппарата Ставки, мне казалось чрезвычайно важным сохранить в неприкосновенности от большевиков идею высшего командования армией, олицетворением которой был Духонин. Поэтому мне казалось необходимым, чтобы он ехал на один из южных фронтов, еще не окончательно разложившихся.

Духонин, однако, колебался, продолжает Станкевич. Считая, что вопрос может быть решен еще на

другой день, я около двух часов ночи отправился к себе. Около пяти часов утра меня разбудил телефонный звонок: Духонин просил меня прийти к нему немедленно, так как им были получены весьма важные сведения. Я и председатель Общеармейского комитета Перекрестов пришли к Духонину. Было еще совсем темно. Духонин был измучен и бледен. На столе лежала куча телеграмм. Из 35-го корпуса, стоявшего в районе г. Витебска и считавшегося в Ставке более надежным, сообщалось, что в нем разруха и о каком-либо сопротивлении большевикам не может быть и речи. Было известие, что большевистский эшелон стоит в Орше и утром предполагает двинуться дальше на Могилев. Далее была телеграмма от начальника 1-й Финляндской дивизии о том, что дивизия решила быть нейтральной и не препятствовать большевикам на пути. Кроме того, Духонин сообщил, что ночью у него была депутация «ударников», которая поставила условием их дальнейшего пребывания в Могилеве разоружение георгиевцев, роспуск или даже арест комитетов и еще что-то явно ненужное и неисполнимое.

Рассказав, что и Текинский полк отказался защищать Ставку, Станкевич далее писал:

Оставался выбор — сдать матросам, которые через несколько часов явятся в Могилев, или уехать. Я, конечно, настаивал на втором. Но Духонин возразил, что уехать невозможно уже просто потому, что в его распоряжении нет никаких средств передвижения. Гараж со вчерашнего дня был под влиянием большевиков из Военно-революционного комитета в Могилеве, который отдал приказ, чтобы ни один автомобиль не выезжал за пределы города. О поезде приходилось думать еще менее, так как если бы даже удалось выехать из Могилева, то поезд был бы задержан в Жлобине, где стояла дивизия большевиков.

Но я еще накануне предвидел такое положение и принял некоторые меры. Выяснил, что в Могилеве, помимо штабного, имелся еще гараж эвакуированного Варшавского округа путей сообщения. Поэтому я предложил пойти вперед и уладить все эти вопросы. Духонин же должен был выйти через четверть часа

вслед за мной и в моем управлении встретить провожатого, который доведет его или до автомобиля, или до надежного помещения. Духонин еще продолжал колебаться. Но времени нельзя было тратить, так как днем самый выход из Ставки мог быть затруднителен. Духонин говорил, что его собственный денщик следит за ним. Я пошел к начальнику Варшавского округа путей сообщения доставать автомобиль. С трудом добудился. Но получил обещание, что к 9 часам утра автомобиль будет подан — раньше было невозможно, так как более ранние сборы могли возбудить подозрение. Совершенно случайно в моем распоряжении была печать большевистского Петроградского Военно-революционного комитета. Поэтому я на всякий случай захватил пропуск для автомобиля от имени этого комитета.

Около 8 часов утра я вернулся в гостиницу и, к моему удивлению, застал там Духонина. Поездка была решена. И если бы автомобиль был готов, я не сомневаюсь, Духонин сел бы в него и мы уехали бы. Но приходилось ждать. Духонин все время беспокоился, что на мосту через Днепр большевики поставят стражу и будут караулить. Но я был совершенно спокоен и уверен, что мы имеем перед собой для выезда из Могилева не менее 12 часов, а может быть, и целые сутки. Однако, несмотря на серьезные колебания, Духонин решил остаться в Ставке. Мы сердечно простились. Духонин натянул непромокаемую накидку, прикрывавшую его генеральские погоны, и вернулся в Ставку.

Через несколько часов с большим запозданием был подан автомобиль. В ту минуту, когда к Могилеву подходил большевистский эшелон, я переезжал через днепровский мост, на котором, как я и ожидал, не было не только большевистской, но и вообще никакой стражи.

Итак, автомобиль, поданный для Духонина и Станкевича, увез из Могилева одного Станкевича.

Отказ от сопротивления революционным войскам был вызван у Ставки не стремлением избежать кровопролития, как об этом неоднократно заявляли буржуазные фальсификаторы истории, а бессилием контрреволюционного генералитета организовать

сопротивление. «Организаторы, — писала газета «Солдатская правда» 25 ноября 1917 года, — оказались генералами без войск».

Незадолго до вступления революционных отрядов в Могилев Духонин распорядился освободить из быховской тюрьмы главарей контрреволюции Корнилова и других генералов. Утром 19 ноября в Быхов явился полковник штаба Ставки Кусонский и доложил генералу Корнилову, что в Могилев через несколько часов вступят советские войска под командованием вновь назначенного главковерха Крыленко и что Ставка будет сдана без сопротивления. В связи с этим, сообщил Кусонский, Духонин приказал всем арестованным генералам немедленно покинуть Быхов.

Перед тем как оставить тюрьму, Корнилов отправил Духонину телеграмму, в которой изложил свою позицию: «Доношу Вам, что сегодня, покинув Быхов, я отправился на Дон, чтобы там снова начать, хотя бы рядовым борцом, беспощадную борьбу с предателями родины».

«Около двух часов дня, — писал М. Д. Бонч-Бруевич, — мне позвонил по телефону Духонин.

— Знаете, Михаил Дмитриевич, что я сделал? — сказал он. — Я распорядился выпустить быховских заключенных...

— Зачем вы это сделали? — потрясенный спросил я. — Вы и так уже окружены ненавистью солдат. «Быховцы» ушли бы и без вас — ведь их никто не охраняет, и хозяином в Быхове является сам Лавр Георгиевич (Корнилов. — С. П.). Но выпустить их — это значит самому лезть под топор...

— Ну, ничего не поделаешь! — характерным для последних дней обреченным тоном сказал Духонин и, пообещав позвонить мне снова, повесил трубку».

Командование советских войск, двигавшихся к Могилеву, знало, что Ставка, окруженная со всех сторон революционными отрядами, потеряла всякую возможность к сопротивлению. Однако перед самым Могилевом революционные матросы, первыми вступающие в город, были предупреждены, что они должны быть готовыми к вооруженному подавлению,

если со стороны отдельных частей будет оказано им сопротивление. Но этого не случилось, до боевых действий дело не дошло.

20 ноября 1917 года в 10 часов утра авангард революционных войск вступил в Могилев. Отряд моряков направлялся по опустевшим улицам города к зданию бывшего губернаторского дворца.

— В номер гостиницы, где я жил, — рассказывает М. Д. Бонч-Бруевич, — проникли с площади гулкие звуки военного оркестра. Я выглянул в окно и увидел тяжело шагавших матросов. Все они были как на подбор: рослые, широкоплечие, в дубленых полушубках, но с привычными бескозырками на голове, с винтовками за плечами и в походных смазанных сапогах вместо щеголеватых матросских ботинок. Вслед за матросами, держа равнение и даже печатая шаг, шла рота запасного лейб-гвардии Литовского полка, в который я попал еще безусым офицером. Матросы и литовцы шли с вокзала и явно направлялись в Ставку.

«В 10 часов утра, — сообщала газета «Правда» 22 ноября 1917 года, — верховный главнокомандующий Крыленко со своим личным штабом вступил в Могилев. В помещении Военно-революционного комитета тов. Крыленко был встречен «Марсельезой» хора трубачей георгиевского батальона и делегации. После обмена приветствиями главковерх отправился в Ставку, члены которой были подвергнуты накануне домашнему аресту после того, когда было получено известие, что Ставка окружена тесным кольцом революционных войск.

В момент занятия Ставки вооруженный конфликт еще не был вполне исчерпан. Накануне ночью ген. Корнилов, осведомленный, что авангард революционных войск охватывает Могилев с юга, бежал из Быхова с 4-мя охранявшими его эскадронами текинцев, ушедших на конях в южном направлении.

После занятия Ставки Духонин был доставлен моряками на вокзал, в вагон Н. В. Крыленко. Генерала охраняли матросы с крейсера «Аврора». В это время солдаты и матросы узнали о бегстве из Быхова ненавистных контрреволюционных генералов во главе с Корниловым. Возбужденная толпа солдат

окружила вагон главковерха и потребовала выдачи Духонина. Им было ясно, что бегство корниловцев совершено с его ведома. Поэтому они заявляли: если Корнилову и другим генералам удалось бежать, то Духонина не выпустим из своих рук. Узнав об этом, Н. В. Крыленко сразу же прибыл на вокзал.

Вот как об этом писал М. Д. Бонч-Бруевич, ссылаясь на рассказ коменданта поезда Приходько:

«Не прошло и получаса, как у вагона начали собираться матросы, солдаты и красногвардейцы из прибывших вслед за поездом Крыленко эшелонов. Образовалась толпа человек в сто. Из толпы посыпались угрожающие возгласы и требования, чтобы Духонин вышел из вагона. Успокоив Духонина, Крыленко приказал коменданту сказать собравшимся у вагона, что бывший верховный находится у него и ему совершенно незачем выходить.

Приходько на всякий случай ввел часового в коридор и приказал никого не пропускать; сам же он снова вышел на площадку и начал уговаривать толпу. Несколько матросов пытались проникнуть в вагон, но часовой прогнал их. Толпа все же не расходилась, и Приходько доложил об этом главковерху. Выслушав коменданта, Крыленко вместе с ним вышел из вагона и, обещав, что не отпустит от себя Духонина и поступит с ним согласно приказу Совета Народных Комиссаров, заставил толпу разойтись.

Еще через полчаса у вагона снова собралась толпа. Она была значительно больше первой и вела себя куда воинственнее и грубей... Один из наиболее настойчивых матросов забрался на площадку и все время порывался оттолкнуть часового и проникнуть в вагон. Приходько и часовой схватились с ним, поднялся шум, и на него вышел Крыленко. Обращенные к толпе уговоры на этот раз почти не действовали. К Крыленко присоединился доктор поезда, но и его не стали слушать.

Тем временем часть матросов обошла вагон и забралась в тамбур, дверь в который была прикрыта, но не закрыта... Когда шум и крики толпы превратились в сплошной гул, из коридора на площадку неожиданно вышел Духонин... Но тут кто-то всадил ему штык в спину, и он лицом вниз упал на железно-

дорожное полотно. Установить, кто был убийца, не удалось».

20 ноября Н. В. Крыленко обратился к солдатам армии и флота:

«Товарищи! Сего числа я вступил в Могилев во главе революционных войск. Окруженная со всех сторон Ставка сдалась без боя, последнее препятствие делу мира пало. Не могу молчать о печальном факте самосуда над бывшим главнокомандующим Духониным. Народная ненависть слишком накалилась, несмотря на все попытки спасти, он был вырван из вагона на стн. Могилев и убит. Бегство ген. Корнилова накануне падения Ставки было причиной эксцесса.

Товарищи, я не могу допустить пятен на знамени революции, с самым строгим осуждением отнеситесь к подобным фактам, будьте достойны завоеванной свободы, не пятняйте власть народа! Революционный народ грозен в борьбе, но должен быть мягок властью победы».

Фальсификаторы истории, извращая факты, пытаются обвинить Н. В. Крыленко в том, что он якобы «безучастно глядел из окна своего вагона на гибель последнего верховного главнокомандующего Российской империи», как об этом пишут в книге «Корниловский ударный полк». Наглядным подтверждением этой клеветы служит вышеприведенное обращение самого Н. В. Крыленко к солдатам, из которого вытекает, что истинной причиной убийства Духонина является накопившаяся всенародная ненависть к бежавшим из Быхова контрреволюционным генералам и другим врагам пролетарской революции, не желавшим признавать Советскую власть и покончить с войной.

В Минске 20 ноября начал работать II съезд армий Западного фронта. В адрес съезда была получена приветственная телеграмма от воинских частей и представителей Военно-революционных комитетов, принимавших участие в подавлении Ставки. «Пала последняя твердыня контрреволюции,— говорилось в ней.— Шайка авантюристов с Духониным во главе, не имея ни физической, ни моральной поддержки фронта, распалась. Общеармейский комитет де-

зertifировал. Высший технический аппарат в руках армий... Представители армейских революционных комитетов принимают все меры по реорганизации Ставки и основательной чистке до созыва Общеармейского Военно-революционного комитета, который будет высшим органом власти на всем фронте»⁵⁵.

20 ноября в Могилеве начала свою деятельность новая революционная Ставка во главе с главкомверхом Н. В. Крыленко. При Ставке был создан Военно-революционный комитет из представителей армейских, фронтовых комитетов, комитета Балтфлота совместно с представителями революционных войск, занявших Ставку, и представителями Могилевского Совета.

22 ноября в 12 часов дня, говорилось в приказе ВРК № 1, открылось первое заседание Военно-революционного комитета при Ставке, составленного из членов некоторых высших революционных армейских и флотских комитетов и главкомверха. Этим приказом было объявлено об избрании его председателем А. Ф. Боярского, товарищами председателя — С. Д. Кудинского, В. А. Фейерабенда и Н. А. Логинова, секретарем — С. И. Зобкова. В главные отделы (управления) Ставки были назначены комиссары (к начальнику штаба верховного главнокомандующего — Р. И. Берзин, к генерал-квартирмейстеру — П. Н. Полукаров, к дежурному генералу — В. А. Фейерабэнд, в управление помощника начальника штаба главкомверха по политической части — И. А. Апетер, комиссаром по связи — Н. А. Логинов), без подписи которых ни один приказ оперативного, политического и хозяйственного характера не должен издаваться и выполняться⁵⁶. Другим приказом комиссаром по снабжению был назначен М. Т. Максимов.

23 ноября при ВРК Ставки был образован Военно-революционный полевой штаб (начальник — М. К. Тер-Арутюнянц), являющийся основным оперативным ядром новой Ставки. Для текущей практической работы на время отсутствия главкомверха выделялась специальная комиссия в составе 4 человек — Берзина, Боярского, Тер-Арутюнянца и Склянского, с которой должны сноситься все комиссары армий и фронтов.

Военно-революционный комитет при Ставке начал выпускать свой печатный орган — газету «Революционная Ставка», первый номер которой вышел 26 ноября 1917 года.

Офицеров старой Ставки, согласившихся работать под руководством советского командования, освободили из-под ареста, а отказавшихся признать Советскую власть — вывезли из Могилева. К работе в революционной Ставке были привлечены отдельные старые генералы, лояльно относившиеся к Советской власти. Начальником штаба верховного главнокомандующего был назначен, например, генерал М. Д. Бонч-Бруевич.

Падение Ставки, писала газета «Правда» 21 декабря 1919 года, лишний раз опровергало лживые утверждения врагов пролетарской революции о том, что армия не пойдет за Советской властью, более того, выступит против нее. Та легкость, с которой власть грозных генералов падает вниз перед властью народа, показывает, что буржуазия и ее агенты потеряли всякий кредит в солдатских массах. Многомиллионная армия солдат на страже революционной власти — вот о чем говорит падение Духонина.

Ликвидация генеральской контрреволюции в Могилеве явилась важным условием упрочения Советской власти, выхода России из войны. Разгром Ставки стал возможен благодаря тому, что он был подготовлен всей предшествующей титанической работой партии большевиков, завоеванием солдатских масс на сторону социалистической революции.

Как только было получено известие о бегстве контрреволюционных генералов из Быхова, В. И. Ленин потребовал принятия срочных мер к тому, чтобы не дать возможности этим врагам Советской власти добраться на Дон. Для преследования и разгрома корниловцев немедленно были направлены отряд революционных войск из Петрограда, отряд Военно-революционного комитета Западного фронта и бронепоезд.

Военно-революционный комитет при Ставке срочно разослал телеграмму всем Советам и ВРК о поимке и аресте Корнилова, Деникина и их единомышленников. В телеграмме говорилось: «Изменник и

предатель революции генерал Корнилов, бежав на юг из Быхова в сопровождении 400 текинцев, отправился по направлению Клинцы, Новозыбков, Сураж. По дороге он силой заставил идти с ним 40 солдат-пулеметчиков. Отряды Корнилова насильно забирают у крестьян фураж и хлеб. ВРК при Ставке требует, чтобы все ВРК, все Советы приняли срочные меры для ареста Корнилова и передачи его революционно-народному суду. О всех передвижениях и о месте нахождения Корнилова просит телеграфно сообщать ВРК при Ставке»⁵⁷.

Незамедлительно в Могилев стали поступать сообщения о продвижении корниловцев. Харьковский Военно-революционный комитет радиограммой доносил, что на Белгород направляются эшелоны с «ударниками» и текинцами. Они утверждают, что едут на Кавказский фронт. Приняты меры к недопущению эшелонов к Белгороду, так как предполагается, что они намереваются поехать на Дон.

Посланные революционные воинские части развернули стремительное преследование белогвардейцев. 25 ноября они дали первый бой у станции Тамаровка, в 28 верстах от Белгорода. По сообщению газеты «Правда» от 28 ноября, в результате боя потери корниловцев были значительны: «Один корниловский эшелон разбит, другой тоже пострадал». В другом источнике сообщалось, что «войска Корнилова потерпели сильный урон от наших войск под Белгородом, и, по-видимому, он обезврежен»⁵⁸.

Революционный отряд под командованием В. А. Пролыгина 26 ноября подошел к станции Унеча, где находился Текинский полк. В результате завязавшегося боя ему был нанесен сильный урон. Революционные отряды продолжали преследование корниловских частей до тех пор, пока полностью не разгромили их.

Потерпев поражение, бросив разбитые части, Корнилов кое-как добрался 6 декабря в Новочеркасск. «Генерал Корнилов,— писала газета «Известия» 7 декабря,— прибыл в Новочеркасск в форме солдата одного из пехотных полков. Всю дорогу проехал в качестве солдата-большевика, самовольно оставившего фронт. Ехал без документов в вагоне

2-го класса. Генерал Марков приехал в Новочеркасск с 2-мя офицерами и 5—6 солдатами за день до генерала Корнилова».

В других сообщениях указывалось, что Корнилов с паспортом на имя Лариона Иванова, переодетый в крестьянский зипун, выдавая себя за беженца из Румынии, пробирался на Дон. 6 декабря, т. е. в тот самый день, когда Красная гвардия нанесла белогвардейцам решающий удар, он добрался до Новочеркасска.

Разгром корниловцев под Белгородом имел исключительно большое значение, он изменил обстановку в пользу Советской власти, не дал возможности значительным силам «ударников» пробраться на Дон и соединиться с белогвардейскими бандами Каледина и Алексеева для борьбы против Советской власти.

В исторической литературе, изданной в последние годы, высказывается мнение о том, что контрреволюционная Ставка накануне вступления в Могилев революционных войск организовала беспрепятственный выезд из города части генералитета (в том числе Корнилова из быховской тюрьмы), и винят в этом Могилевский Военно-революционный комитет, который не сумел разоружить «ударников», расставить свои караулы в гарнизоне, проявил недопустимую медлительность и не установил контроля над действиями Ставки. Об этом, в частности, указывается в работах М. С. Лазарева (Москва) и В. Г. Ивашина (Минск).

Эти обвинения вряд ли можно считать убедительными.

Для разоружения «ударников» имевшегося в распоряжении ВРК георгиевского батальона (по мнению М. С. Лазарева, в Могилеве было два батальона) оказалось явно недостаточно. Нужно иметь в виду, что Ставка имела у себя 1-й ударный полк, состоявший из трех батальонов, отряд полковника Л. А. Янковского в составе ударного батальона 1-й Финляндской стрелковой дивизии, 4-го и 8-го ударных батальонов. Кроме того, на станции

Жлобин стояло подкрепление в виде 2-го Оренбургского ударного батальона. Начать разоружение «ударников» при таком соотношении сил — означало вызвать лишнее кровопролитие, а это противоречило указаниям В. И. Ленина. В воспоминаниях М. К. Тер-Арутюнянца, например, говорится, что В. И. Ленин, направляя его на Западный фронт, дал указание «приложить максимум усилия для нейтрализации гарнизона Могилева с тем, чтобы при взятии Ставки было как можно меньше кровопролития»⁵⁹.

При отсутствии какого-либо революционного органа при Ставке функции такового взял на себя только что организованный Могилевский Военно-революционный комитет, который заявил, что он устанавливает контроль над деятельностью Ставки. Он успел сделать решительный шаг к ликвидации контрреволюционного гнезда, устранив ее верхушку и разогнав эсеро-меньшевистский Общеармейский комитет. Один этот день его энергичной деятельности — 19 ноября 1917 года, как правильно делает вывод В. Д. Поликарпов, должен быть поставлен ему в заслугу перед историей. Вступление в город революционных войск было облегчено этим решительным шагом и прошло бескровно⁶⁰.

4. ПРОВАЛ ПЕРВЫХ АНТИСОВЕТСКИХ ЗАГОВОРОВ И ВЫСТУПЛЕНИЙ

Враги революции не хотели мириться с тем, что в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции государственная власть навсегда перешла в руки трудового народа. Не только открытая вооруженная борьба, заговоры и террористические акты, шпионаж и диверсии — все ими было пущено в ход, чтобы задушить молодую Советскую республику.

Но контрреволюция натолкнулась на неодолимую силу советского народа. Трудящиеся, взявшие власть в свои руки, оградили свои революционные завоевания от посягательств буржуазии и ее при-

хвостней. В Петрограде, Москве, в других городах и районах, где победила революция, рабочий класс и его организации своими силами поддерживали революционный порядок и боролись с врагами.

Поначалу эти функции выполняли военно-революционные комитеты. В работе первой следственной комиссии Петроградского Военно-революционного комитета в те дни принимали участие рабочие, солдаты, матросы. Они задерживали врагов революции, уголовников, спекулянтов, доставляли их в Смольный, где рабочие, солдаты и матросы, выделенные общественными организациями, разбирали их дела. Наиболее опасных преступников заключали в тюрьму.

Военно-революционные комитеты организовывали подавление мятежей. Так, Петроградский ВРК организовал подавление мятежей юнкеров, Керенского и Краснова.

Выполнив свою главную задачу — организацию и проведение октябрьского вооруженного восстания, Петроградский ВРК постепенно передал свои функции народным комиссариатам, а местные ВРК — Советам и их отделам.

В начале декабря 1917 года Совет Народных Комиссаров рассмотрел вопрос о мерах борьбы с контрреволюцией и саботажем. В записке Ф. Э. Дзержинскому по этому вопросу В. И. Ленин писал:

«Буржуазия, помещики и все богатые классы направляют отчаянные усилия для подрыва революции, которая должна обеспечить интересы рабочих, трудящихся и эксплуатируемых масс.

Буржуазия идет на злейшие преступления, подкупая отбросы общества и ошустившиеся элементы, спаивая их для целей погромов. Сторонники буржуазии, особенно из высших служащих, из банковских чиновников и т. п., саботируют работу, организуют стачки, чтобы подорвать правительство в его мерах, направленных к осуществлению социалистических преобразований. Доходит дело даже до саботажа продовольственной работы, грозящего голодом миллионам людей.

Необходимы экстренные меры борьбы с контрреволюционерами и саботажниками»⁶¹.

7 декабря 1917 года на заседании Совета Народных Комиссаров было принято постановление о создании Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) во главе с Ф. Э. Дзержинским. Совнарком поставил перед комиссией задачу — пресекать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажные действия по всей России, со стороны кого бы они ни исходили. ВЧК предоставлялось право вырабатывать методы борьбы, применять в отношении контрреволюционеров экстренные меры по их пресечению.

В первые же месяцы своего существования ВЧК раскрыла и ликвидировала несколько контрреволюционных заговоров, участники которых действовали под флагом «Союза защиты учредительного собрания». Были ликвидированы также различные тайные офицерские организации, переправлявшие белогвардейцев на Дон и в другие места, где накапливались силы контрреволюции. Органы ВЧК арестовали злостных саботажников, агентов иностранных разведок и шпионов, контрреволюционных агитаторов и подстрекателей.

В Белоруссии в первые дни Советской власти, как и по всей стране, подавление контрреволюционных выступлений осуществляли военно-революционные комитеты, которые имели в своем распоряжении революционные отряды солдат и Красной гвардии. По мере укрепления Советской власти в целом по стране ВРК были упразднены. К началу 1918 года вся власть была сосредоточена в руках Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Для борьбы со спекуляцией, саботажем и контрреволюционными выступлениями на местах создавались специальные органы (секции, комиссии, отделы) при Советах.

При исполнительных комитетах Советов Западной области в январе 1918 года были созданы отделы по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. Каждый из них имел три подотдела: 1) по борьбе с контрреволюцией, 2) по борьбе с саботажем, 3) чрезвычайная следственная комиссия. С февраля 1918 года указанные отделы стали называться Чрезвычайными Комиссиями (ЧК)⁶².

Советская власть, Коммунистическая партия создавали также свою рабоче-крестьянскую милицию, стоящую на страже интересов трудящихся. Большое внимание уделялось организации народных судов. В основу их организации и деятельности были положены указания В. И. Ленина о классовом характере суда, об участии трудящихся в отправлении правосудия, о революционной законности.

Органы борьбы с контрреволюцией в Белоруссии с первых же дней их возникновения беспощадно пресекали враждебные действия контрреволюционных элементов, которые использовали имевшиеся трудности, в частности продовольственные, для организации антисоветских выступлений.

Продовольственное положение городов Белоруссии в 1917 году было очень тяжелым. В Минской губернии, например, был недород. Погибло около 35 проц. урожая. Сокращался подвоз хлеба с юга. В октябре Минск недополучил более 50 проц. хлеба для выдачи населению. Предпринятая продовольственными органами реквизиция хлеба в помещичьих имениях и в кулацких хозяйствах больших результатов не дала. В выпекаемый хлеб пришлось примешивать большой процент различных суррогатов.

С конца ноября обстановка еще более ухудшилась. В распоряжении городского продовольственного комитета оставалось хлеба только на одну выдачу. Закупленный на Украине хлеб для Минска Украинская рада отказалась отправить. Были задержаны и те вагоны, которые находились в пути⁶³.

Такое же положение было и в Витебске. К декабрю на складах продовольственных органов оставалось около 10 вагонов муки, предназначенных для всей губернии. В целях экономии продовольственные комитеты вынуждены были сократить норму выдачи до полфунта в день на человека. Не лучше было с обеспечением населения хлебом и в Могилевской губернии.

Тяжелое продовольственное положение использовали враги Советской власти в своих контрреволюционных целях. В ряде мест им удалось спровоцировать антисоветские выступления. В Витебске состоялось объединенное собрание меньшевиков и эсеров,

белорусских и еврейских националистов, на котором открыто произносились призывы к свержению Советской власти, а служащие продовольственной управы, оставив городу продовольствия на 4—5 дней, 24 декабря прекратили работу. Забастовке чиновников предшествовала умышленная дезорганизация дел управы с тем, чтобы продовольственная секция Витебского Совета не могла быстро возобновить работу. «Из этого видно,—писала газета «Известия Витебского Совета»,—насколько забастовка была продумана и как верно рассчитана на неизбежный голод городского населения, который должен свалить большевистскую власть».

Контрреволюционным силам удалось спровоцировать в городе и вооруженное выступление. Контрреволюция была разгромлена благодаря решительным мерам Витебского комитета большевиков и Совета, активным действиям рабочих и красногвардейских отрядов.

Была попытка 2 января 1918 года организовать «голодный бунт» в Минске. На Соборной площади контрреволюционные элементы собрали значительную толпу жителей, подогрели ее демагогическими речами, и толпа бросилась к городскому продовольственному комитету. Инцидент был пресечен конным отрядом и милицией, зачинщики арестованы.

Следует отметить, что после ликвидации в Минске контрреволюционного «Комитета спасения» вражеские элементы не прекратили борьбу против Советской власти. Эсеро-меньшевистская городская дума не признавала власти Советов, препятствовала всем мероприятиям Минского Совета и ВРК. Газета «Звезда» 10 ноября 1917 года писала, что городская управа игнорирует все предложения Минского Совета. Она устраивает саботаж, пытается подорвать авторитет Советской власти. В приказе Военно-революционного комитета Западного фронта от 25 ноября 1917 года подчеркивалось, что контрреволюционная деятельность врагов народа, хотя и в условиях полуподпольной работы, продолжается. В частности, ими готовятся всякого рода «съезды». В Минске и окрестностях появилось много самозванцев, прово-

дивших якобы от имени ВРК обыски и аресты, изъятия имущества. Иногда эти самозванцы предъявляли сфабрикованные ими документы.

В деревнях контрреволюционные и кулацкие элементы убивали партийных и советских работников. 11 декабря 1917 года по дороге в местечко Самохваловичи Минского уезда были убиты председатель местного продовольственного комитета В. Лопатин и комиссар земельного комитета И. Жердов. Подобные факты, а также грабежи и поджоги имели место и в других районах Белоруссии. В Минском уезде, например, были разгромлены местечки Раков, Койданово, Радошковичи. К участию в этих погромах черносотенцам удалось привлечь отсталые элементы из среды солдат, а также кулаков и отдельных зажиточных крестьян окрестных деревень.

Радошковичский Совет, получив после погрома подкрепление, энергично взялся за наведение революционного порядка. В изданном им приказе предлагалось немедленно доставить в Совет все награбленное имущество, а в случае его обнаружения при обыске — грабителей расстреливать на месте.

Северо-Западный областной комитет партии и Совнарком области требовали от партийных и советских органов беспощадно подавлять контрреволюционные выступления. В приказе от 30 ноября 1917 года главнокомандующий армиями Западного фронта, руководитель большевиков Белоруссии А. Ф. Мясников подчеркивал, что в последние дни в Минске и его окрестностях наблюдаются бесчинства неизвестных лиц. Все они должны задерживаться и предаваться военно-революционному суду. Объявлялось всему населению, что ни одна реквизиция, ни одно выселение, ни один обыск недопустимы без ордера за подписью К. И. Ландера. «Всех самовольных «администраторов», как и вообще арестованных, — указывалось в приказе, — задерживать и доставлять в комендатуру... Верный революционный гарнизон Минска призываю бдительно и зорко охранять интересы того города, где теперь куется революционная воля всего фронта и где, как в политическом центре области, кипит напряженная революционная работа»⁶⁴.

1 декабря 1917 года в «Звезде» была опубликована статья В. Г. Кнорина «Свобода печати», в которой сообщалось о закрытии газеты «Минская искра», печатавшей контрреволюционные клеветнические статьи против Советской власти. В Минске же был раскрыт заговор правых эсеров. При обыске у них были обнаружены ящики с бомбами, ручными гранатами, контрреволюционные воззвания.

Центром контрреволюционных сил в Могилевской губернии стал «Союз земельных собственников», члены которого, преимущественно крупные помещики, проводили разнузданную агитацию против Советской власти и активно сопротивлялись проведению мероприятий местных органов власти. Они были связаны с контрреволюционными организациями ряда других городов страны, в некоторых местах Белоруссии готовили вооруженные выступления против Советской власти.

В январе 1918 года состоялся IV Могилевский губернский крестьянский съезд, который в числе других обсудил вопрос о борьбе с контрреволюцией. В принятой резолюции «Союз земельных собственников» объявлен контрреволюционной организацией и должен прекратить свое существование, а членов его съезд потребовал привлечь к суду революционного трибунала. Несколькими днями позже Могилевский губисполком постановил объявить всех членов «Союза земельных собственников» вне закона, подвергнуть их аресту, все денежные суммы, принадлежавшие арестованным и подлежащим аресту, передать в достояние народа, на нужды революции. Революционному штабу было дано распоряжение принять все меры, чтобы Советы на местах совместно с посланными в уезды членами губисполкома приступили к разоружению крупной буржуазии и помещиков.

За контрреволюционную деятельность вскоре были арестованы князь Северин Святополк-Четвертинский, бывший могилевский губернатор, варшавский обер-полицмейстер барон Карл Колькен и польский магнат Сигизмунд Левицкий, которые были связаны с контрреволюционным заговором Довбор-Мусницкого. В имении Святополк-Четвертинского были также задержаны два польских офицера — Кобелиц-

кий и Мечинов, у которых найдены подробные карты с дислокацией советских войск на территории Могилевской губернии. Все арестованные были заключены в гомельскую тюрьму, и их дело передано на рассмотрение судебно-следственной комиссии губисполкома.

В Чериковском уезде за активные действия против Советской власти по распоряжению Могилевского губисполкома были арестованы крупные помещики Владислав Василевский, князь Радзивилл, секретарь «Союза земельных собственников» Л. Венюков и городской голова Черикова доктор М. Тржеццкий. В Могилеве арестованы лидеры местных кадетов присяжный поверенный К. И. Банин, Б. Ш. Пятницкий и другие ⁶⁵.

Органы Советской власти в Белоруссии раскрыли два более крупных контрреволюционных заговора. Первый в Гомеле. У одного из участников этого заговора был перехвачен секретный документ — отношение брянскому уездному воинскому начальнику, подробно вскрывающее цели и задачи заговора.

Вскоре после Октября 1917 года организаторы этого заговора создали инициативную антисоветскую военную группу «Порядок», которая решила сколотить вооруженные отряды в Пскове, Речице, Полоцке, Нарве, Смоленске, Брянске, Минске, Конотопе, Киеве, Гомеле, Кременчуге, Бердичеве, Одессе, Тифлисе и других городах. Целью этой группы было заставить армию наступать «до победного конца». Для создания отрядов в распоряжение уездных воинских начальников названных городов, говорилось в документе, будут командированы переодетые в солдатскую форму офицеры, добровольцы из штатских и некоторые «верные» солдаты. Все эти лица воинскими начальниками должны направляться в один из местных запасных полков, из которого предварительно должны быть удалены все нежелательные солдаты и офицеры.

Для отличия командированных, у которых по конспиративным соображениям никаких документов при себе не было, имелась метка из красных ниток на углах воротника и верхнем углу борта шинели. Начало открытого выступления намечалось на 9 ча-

сов вечера 14 ноября. В первый день выступления отрядам предписывалось войти в соглашение с комендантами железнодорожных станций, которые должны содействовать захвату оружия и боеприпасов. В заключение в документе сообщалось, что на каждом фронте уже назначены руководители отрядов. Имеется и руководитель всего движения, который открыто выступит 14 ноября.

Осуществить этот контрреволюционный заговор врагам Советской власти не удалось. Арест его участников в Гомеле дал возможность органам Советской власти вовремя обезвредить контрреволюцию и в других городах.

Другой заговор был раскрыт в Могилеве. В него входили черносотенное офицерство, помещики, духовенство. Возглавил заговор крупный местный помещик, епископ, князь Святополк-Мирский. Он действовал по прямой указке миссий западных стран и центров внутренней контрреволюции. При аресте Святополк-Мирского и других организаторов заговора был обнаружен ряд документов, подтверждающих их связь с контрреволюционными организациями в Петрограде, Москве, Минске и других городах, а также со штабом польских легионеров корпуса Довбор-Мусницкого, орудовавшего в Рогачевском и других уездах Белоруссии. Заговорщики тщательно разработали план захвата революционной Ставки в Могилеве, ареста членов губкома партии большевиков и губисполкома, свержения Советской власти в Могилеве и губернии, но сделать этого, к счастью, не успели. Заговор был раскрыт, организаторы его арестованы.

По делу Святополк-Мирского чрезвычайная следственная комиссия при губисполкоме сообщала, что на основании декрета Совета Народных Комиссаров о борьбе с контрреволюцией «комиссия постановила предать князя Святополк-Мирского суду революционного трибунала по обвинению его, князя, в организации контрреволюционного заговора против исполкома и в соучастии в контрреволюционном польском буржуазном мятеже против революции».

27 февраля 1918 года местный революционный трибунал в открытом заседании судил Святополк-

Мирского. Зал суда был переполнен. Во время заседания трибунала контрреволюционные элементы предприняли попытку силой оружия освободить подсудимого. Когда было получено сведение о том, что группа лиц задалась целью насильственно освободить Святополк-Мирского, трибунал вынес решение слушание дела отложить на один из ближайших дней, а подсудимого препроводить обратно в тюрьму.

Едва только об этом было объявлено, как из публики грянули выстрелы в судей и охрану. «Поднялась паника,— писала газета «Известия Военно-революционного комитета»,— выстрелы повторялись. Красногвардейцы для острастки дали залп вверх, в потолок, но это лишь усилило панику, и, тем временем, из рядов публики стали раздаваться выстрелы, которыми ранены были четверо из публики. Зал суда, под сводами которого продолжалась непрерывная пальба, был немедленно оцеплен, и все стрелявшие задержаны»⁶⁶.

После этой вылазки контрреволюции трибунал тут же приговорил Святополк-Мирского, а также двух стрелявших контрреволюционеров к смертной казни. На рассвете следующего дня приговор был приведен в исполнение. Вскоре военным трибуналом были осуждены и другие активные участники антисоветского заговора.

В целях борьбы с Советской властью контрреволюционные элементы всячески пытались проникнуть в местные Советы и оттуда вести свою враждебную деятельность. В городе Климовичи Могилевской губернии, например, бывшие полицейские и жандармы с помощью эсеров и меньшевиков организовали так называемый «Совет народных депутатов» и пытались открыто развернуть контрреволюционную деятельность. Этот «Совет» 28 декабря 1917 года принял решение «прежний Совет рабочих депутатов... признать лишенным полномочий и передать все дела и делопроизводство новому избранному составу Совета народных депутатов. Всех, кто не станет подчиняться власти Совета народных депутатов, признать врагами и противниками власти народа».

Этим же решением были упразднены организованные Советом рабочих и солдатских депутатов на-

родный суд и революционный трибунал. «О своих действиях,— говорится далее в решении,— Совет народных депутатов должен осведомлять выпуском еженедельных бюллетеней».

Председатель Климовичского уездного Совета Белоусов сообщил в Совнарком РСФСР о том, что представитель «Совета народных депутатов» в Петрограде дал распоряжение Климовичскому казначейству об открытии «Совету» кредита в 10 000 руб. «Протестуем, считаем,— подчеркивалось в телеграмме,— этот «Совет» неправомочным, так как он избран малой частью жителей гор. Климовичи, просим сделать распоряжение о невыдаче 10 000 руб.»⁶⁷.

Аналогичная телеграмма была послана Могилевскому губисполкому. Ответ не заставил себя долго ждать. Народный комиссариат внутренних дел РСФСР за подписью Лациса сообщал Климовичскому уездному Совету: «Отделом местного управления Комиссариата внутренних дел сделано распоряжение Климовичскому казначейству закрыть кредиты «Совету народных депутатов» и передаче вам. Организуйте революционный суд и привлечите к ответственности лиц, входящих в «Совет народных депутатов».

Вопрос о контрреволюционных вылазках в Климовичах обсуждался также на заседании Могилевского губисполкома. Было принято решение незамедлительно ликвидировать так называемый «Совет народных депутатов», с этой целью в Климовичи «послать немедленно члена губ. исполкома Воробьева с отрядом красногвардейцев, поручив ему принять самые решительные меры по отношению к виновным»⁶⁸.

С помощью прибывших из Могилева красногвардейцев контрреволюционный «Совет народных депутатов» был ликвидирован.

В Витебске в конце декабря 1917 года контрреволюционными элементами — меньшевиками, эсерами, бундовцами также была предпринята попытка создать свой «Совет депутатов» для борьбы с Советской властью под лозунгом защиты Учредительного собрания. Они намеревались созвать специальный съезд по этому вопросу.

Витебский губком РСДРП(б) и губисполком призвали рабочих и трудящихся крестьян усилить борьбу с врагами революции. С этой целью всем Советам рабочих и крестьянских депутатов была послана телеграмма. Блок витебских оборонцев, говорилось в ней, ставший на путь активной борьбы с Советской властью, приступил к организации сил для этой борьбы под лозунгом защиты Учредительного собрания. Блок собирался созвать в Витебске 6 января «Совет депутатов», стоящих на защите Учредительного собрания. Ввиду этого губернский Совет, согласно постановлению губернского съезда о недопущении создания таких организаций и немедленном их разгоне, считает необходимым уведомить, что означенное собрание Советом не будет допущено. Интересы революции в настоящий трудный момент требуют единения всех революционных сил в один общий фронт; попытки разогнать и дезорганизовать этот фронт должны быть всеми преданными делу революции решительно осуждены, и на предполагаемое собрание делегатов не посылать.

4 января 1918 года исполком губернского Совета записал в своем постановлении: «Перейти к самой энергичной борьбе, т. е. немедленно арестовать организаторов съезда, как врагов народа, желающих подорвать авторитет народной власти, а членов съезда, если таковые соберутся, разогнать, не останавливаясь ни перед чем, вплоть до применения вооруженной силы»⁶⁹.

Благодаря принятым мерам затея контрреволюции провалилась. Однако, стремясь сделать из Учредительного собрания орудие борьбы с Советской властью, контрреволюционные элементы, соглашатели из мелкобуржуазных и националистических партий попытались 4—5 января, накануне и в день открытия Учредительного собрания, организовать в городе антисоветскую демонстрацию и выступления под лозунгом «Власть Учредительному собранию!». Они воспользовались тем, что Витебский революционный Совет вследствие продовольственных затруднений был вынужден в интересах бедного населения города прибегнуть к реквизиции запасов продовольствия, спрятанного у богатых и зажиточ-

ных людей, и организовали вооруженное сопротивление реквизиции. Ими были учинены грабежи граждан и другие бесчинства под видом реквизиции представителями Совета.

Органами Советской власти город был объявлен на военном положении. Большевики мобилизовали все революционные силы на борьбу с контрреволюционерами и погромщиками. В результате активных действий красногвардейских отрядов и рабочих дружин контрреволюционные выступления были подавлены. Зачинщики, активные участники погромов арестованы и впоследствии осуждены судом революционного трибунала. Городская дума, вокруг которой группировались контрреволюционные элементы, была распущена.

События 4—5 января в Витебске рассматривались на специальном заседании губисполкома 6 января 1918 года. Была дана политическая оценка контрреволюционным выступлениям врагов Советской власти, разоблачалась предательская деятельность соглашательских партий, которые вели кампанию клеветы, лжи, саботажа и срыва мероприятий Советской власти. В принятом постановлении приветствовались «решительные меры Витебского революционного Совета, давшего достойный отпор всем контрреволюционным попыткам, употребив всю моральную и материальную силу, имеющуюся в его распоряжении... Всякое сопротивление Советской власти вообще, а в области борьбы с продовольственными затруднениями в особенности, как и всякое желание воспользоваться реквизицией в целях организации погромов и грабежей, встретит со стороны Совета самый беспощадный отпор; Советская власть не потерпит никаких противодействий мерам борьбы с голодом. Против всяких темных личностей, пользующихся именем Совета (или без его имени) для грабежа и погромов, будут приняты самые беспощадные меры, не останавливаясь перед расстрелом»⁷⁰.

Контрреволюционные элементы, буржуазные и мелкобуржуазные соглашательские партии выступали против Советской власти под лозунгом защиты Учредительного собрания не только в Витебске, но и в других городах и районах Белоруссии. Все эти

партии и руководимые ими организации подняли широкую кампанию в защиту якобы единственного полномочного хозяина страны, на которого нагло покушаются «насильники-большевики». В Минске, Витебске и других городах эту открытую контрреволюционную кампанию, как правило, возглавляли городские думы. 28 ноября 1917 года, например, Минская городская дума устроила в честь Учредительного собрания торжественное заседание с участием право-социалистических, мелкобуржуазных и националистических партий и идущих за ними общественных организаций. Выступившие на заседании ораторы в своих речах открыто угрожали тем, кто осмелится сорвать Учредительное собрание.

Участники этого заседания в принятой резолюции заявили, что все их силы будут направлены на поддержку и защиту хозяина Российской республики — Учредительного собрания — против всякого посягательства, против всякой попытки умалить его власть, честь и авторитет. Более того, дума решила устроить 3 декабря в Минске манифестацию под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!».

В ответ на эту кампанию большевистские газеты «Звезда» и «Советская правда» опубликовали ряд статей, в которых раскрывалась перед широкими массами вся контрреволюционная подоплека лозунга «Вся власть Учредительному собранию!». Газеты напечатали также множество резолюций, выражающих резко враждебное отношение рабочих, солдат и трудящихся крестьян к кадетскому, эсеро-меньшевистскому большинству Учредительного собрания. В этих резолюциях трудящиеся массы требовали удаления из Учредительного собрания кадетов и отзыва депутатов-эсеров, избранных по Западному фронту, Минскому и Витебскому округам.

После роспуска Учредительного собрания меньшевики, бундовцы, эсеры пытались вызвать движение протеста против, как они выражались, этого «насилия над органом всенародного представительства».

Особенное усердие приложили витебские бундовцы, которые созывали собрания протеста, выпускали прокламации в защиту Учредительного собрания. Воспользовавшись роспуском органами Советской

власти одного из собраний и арестами некоторых бундовцев при печатании контрреволюционных прокламаций в Витебске, организации Бунда по всей Белоруссии подняли бешеную клеветническую кампанию против большевиков и Советской власти. Минская бундовская газета «Дер Веккер» («Будильник») немедленно направила в Витебск специального корреспондента, который ежедневно по телеграфу и по почте посылал подробнейшие репортажи об «ужасах витебских большевистских застенков», «о насилиях над социалистами» и т. п. Витебский и Бобруйский комитеты Бунда выпустили даже специальные прокламации в защиту Учредительного собрания, с протестом по поводу его роспуска.

Однако жалкие потуги бундовцев, меньшевиков, эсеров и других противников Советской власти не могли спасти Учредительное собрание. Ни один рабочий, ни один крестьянин и солдат Белоруссии и Западного фронта не поднялся на его защиту, когда оно было разогнано. Газета «Звезда» в номере за 9 января 1918 года писала:

«Нежданно скоро Учредительное собрание показало, что оно не способно, не желает и не может идти по тому пути, по которому идет Советская власть, по тому пути, встать на который требуют народные массы, что оно может быть только помехой в проведении в жизнь требований пролетариата. Еще в зародыше, не открывшись, оно пережило свой век, и нашей задачей в настоящий момент явилось только убрать труп его, чтобы он не превратился в очаг контрреволюционной заразы.

Это пролетариат сделал.

Теперь перед нами становятся новые задачи организации и укрепления Советской России. Речи о попытке еще раз созвать национальный парламент на основе всеобщего голосования быть не может.

Съезд Советов — это единственный парламент, который будет творить и будет учреждать новую рабоче-крестьянскую Россию».

Итак, упрочение Советской власти в Белоруссии, как и во всей стране, в первые месяцы ее существования проходило в обстановке ожесточенной борьбы. Свергнутые Октябрьской революцией эксплуа-

таторские классы не теряли надежды на ликвидацию Советской власти. Однако все их старания не имели успеха, планы контрреволюционеров провалились. Органы Советской власти, красногвардейские отряды, рабочие и трудящиеся крестьяне под руководством большевиков своевременно один за другим ликвидировали заговоры и контрреволюционные выступления врагов революции.

5. БЕССЛАВНЫЙ ПОХОД

Контрреволюционный мятеж генерала Довбор-Мусницкого являлся одним из звеньев общей цепи контрреволюционных выступлений конца 1917 — начала 1918 года.

Польский корпус начал формироваться при Временном правительстве из бывших военнопленных поляков, служивших в германской и австро-венгерской армиях. Генерал Корнилов в период пребывания на посту верховного главнокомандующего придавал большое значение образованию воинских частей типа ударных батальонов с крепкой дисциплиной и в связи с этим всячески покровительствовал организации этого курпуса. Во главе корпуса польских легионеров был поставлен ярый монархист генерал Довбор-Мусницкий, известный тем, что в декабре 1916 года, будучи командиром 14-й стрелковой дивизии, приказал расстрелять без суда и следствия 13 солдат за отказ идти в бой. Он был выведен из состава делегатов съезда армии в апреле 1917 года за откровенно монархическое выступление.

Формирование корпуса всячески поощрялось российской и польской буржуазией, и к октябрю 1917 года он достиг численности в 17 тысяч штыков и сабель при 1200 офицерах, не считая запасного полка, в котором было до 16 тысяч человек⁷¹. К концу декабря корпус насчитывал уже 25—29 тысяч человек. Части корпуса (3 дивизии, 12 пехотных и 3 кавалерийских полка) дислоцировались в районах Орши, Смоленска, Жлобина, Гомеля. По словам начальника штаба корпуса генерала Агапеева, Довбор-Мусницкий, насколько позволяли силы корпуса,

встал на защиту прав польских помещиков в Минской, Могилевской и Витебской губерниях. Еще в период корниловщины корпус доказал свою преданность буржуазии, и часть его сил была направлена в район Могилева для защиты контрреволюционной Ставки.

Главарь контрреволюции намеревались использовать польский и чехословацкий корпуса в борьбе против победившей социалистической революции. Это видно из неофициального приказа генерала Корнилова в Ставку генералу Духонину. Этот приказ был послан из Быхова в Могилев сразу же по получении известий о победе революции в Петрограде. Корнилов предлагал Духонину в целях борьбы с большевиками организовать:

1. Немедленный перевод в Могилев одного из чешских полков и польского уланского полка.

2. Занятие Орши, Смоленска, Жлобина и Гомеля частями польского корпуса, усилив дивизии последнего артиллерией за счет казачьих батарей фронта.

3. Сосредоточение по линии Орша, Могилев, Жлобин всех частей чехословацкого корпуса, корниловского полка и одной-двух казачьих дивизий из числа наиболее крепких под предлогом перевозки их в Петроград и Москву.

В приказе далее указывалось на необходимость установления прочной связи и точного соглашения с атаманами донского, терского и кубанского войск и с чехословацким и польским комитетами.

Вокруг польского корпуса после Октябрьской социалистической революции стали собираться контрреволюционные элементы. Они намеревались в Белоруссии создать плацдарм для борьбы против Советской власти. Особенно большие надежды возлагали на этот корпус польские помещики, которые до революции имели в Белоруссии около 75 проц. всех земельных владений.

Сам генерал Довбор-Мусницкий уже в первые дни после Октября сделал попытку вмешаться в распоряжения органов Советской власти и начал борьбу с ней. Вместе с командиром 2-й Кавказской дивизии он пытался помешать проведению приказа ВРК Западного фронта и области о смещении и аре-

сте главнокомандующего Западным фронтом генерала Балуева, угрожал применить вооруженную силу.

Более открыто контрреволюционные цели Довбор-Мусницкого обнаружались после того, когда белорусские крестьяне, согласно декрету Совета Народных Комиссаров и распоряжениям местных Советов, начали отбирать помещичьи земли и имения. «Союзы землевладельцев», объединявшие помещиков, преимущественно польских, обратились за помощью к Довбор-Мусницкому, который взял их под защиту штыков своих легионеров. Сильные отряды легионеров незамедлительно были размещены по имениям польских магнатов.

В ноябре 1917 года генерал Довбор-Мусницкий обратился к высшему командованию советских войск с просьбой о сосредоточении частей его корпуса в районе Рогачев—Жлобин—Бобруйск. Ему было поставлено условие о демократизации частей корпуса не позднее 1 января 1918 года. Однако контрреволюционное командование не согласилось с этим. Более того, вопреки требованиям не вмешиваться во внутренние дела местных органов власти польские легионеры поддерживали связь с контрреволюционными организациями и партиями, препятствовали конфискации помещичьих имений и национализации предприятий, всячески тормозили упрочение Советской власти.

Солдаты корпуса Довбор-Мусницкого проводили бесчинства и насилия по отношению местного населения Белоруссии. Приведем некоторые примеры. «В уезде,— писала газета «Советская правда» 26 ноября 1917 года из Якшицкой волости,— находятся два эскадрона польских улан, которые защищают интересы помещиков, ездят по экономиям с пулеметами и чинят насилия над крестьянами. Место стоянки улан — местечко Березино, имение графа Потоцкого».

То же сообщали из Дудличской волости: «Польские уланы чинят насилие над крестьянами, некоторых крестьян уланы били нагайками, когда крестьяне приходили описывать помещичье имение».

Польские легионеры крупными частями размещались в Полоцком, Городокском и других уездах

Витебской губернии. Однако главные силы их находились в Могилевской и Минской губерниях. Здесь особенно они показали свою враждебность.

Газета «Революционная Ставка» 28 ноября 1917 года опубликовала сообщение о том, что действия польских легионеров были предметом обсуждения на заседании Могилевского губернского Совета крестьянских депутатов. Исполнительный комитет Совета, говорится в принятой резолюции, обсудив вопрос о бесчинстве, контрреволюционных действиях и насилиях штаба расположенной в Быхове польской дивизии над крестьянством Быховского уезда, над земельными комитетами, встречающими в своих правомерных действиях вооруженное сопротивление со стороны польских легионеров, защищающих интересы помещиков и их земли от контроля и учета земельными комитетами, постановил: категорически настаивать на немедленном уходе польской дивизии из Могилевской губернии.

Принимая это постановление, исполком обосновывает его следующими мотивами:

1. Нахождение польских национальных частей в Белоруссии не вызывается стратегической необходимостью, и их насильническая деятельность может повести к кровавой развязке.

2. Штаб польской дивизии входит в переговоры с Союзом земельных собственников отдельных уездов и посылает помещикам отряды, которые выгоняют учетчиков, уводят и угоняют скот, заявляя, что «это достояние польского народа».

3. Пребывание польских частей в губернии и во всем Белорусском крае имеет в конечном итоге своей целью осуществление национальной польской идеи — присоединение Белоруссии к монархической Польше⁷².

В газете «Советская правда» 1 декабря 1917 года сообщалось, что в ряде волостей Игуменского уезда Минской губернии во время сбора хлеба для армии и учета помещичьих имений польские уланы чинили насилие над крестьянами, били их нагайками.

В Минске 21 ноября польские легионеры разоружили советскую реквизиционную комиссию на молочном заводе «Игнатичи», принадлежавшем польско-

му помещику Ельскому. Между legionерами и отрядом красногвардейцев была перестрелка. В результате было несколько убитых и раненых с обеих сторон⁷³.

В тот же день, 21 ноября, отряд польских улан обстрелял помещение, где в это время проходил II съезд армий Западного фронта. Караул красногвардейцев, охранявших здание, окружил польских улан и предложил им разоружиться. Provocations польских legionеров временно нарушили работу III съезда крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний, проходившего в Минске⁷⁴.

Военно-революционный комитет Западного фронта и области в целях пресечения контрреволюционных вылазок польских legionеров арестовал в Минске несколько офицеров из штаба дивизии польского корпуса и верховного польского военного комитета, в том числе и генерала Довбор-Мусницкого, председателя верховного польского комитета Рачкевича, комиссара этого комитета полковника Тупольского.

Приведем рассказ бывшего члена Минского комитета РСДРП(б) и Военно-революционного комитета А. Н. Терентьевой, руководившей арестом Довбор-Мусницкого.

«В Минске,— писала она,— во время работы II фронтального съезда против большевиков выступила польская дивизия под командованием генерала Довбор-Мусницкого. Части дивизии пытались прорваться к помещению, где проходил съезд, но не были допущены красногвардейцами... На экстренном совещании членов Военно-революционного комитета и Минского комитета РСДРП(б) было решено разоружить и арестовать офицерский состав польской дивизии, что и было немедленно сделано.

Мне с группой красногвардейцев, которую я возглавляла, было поручено арестовать и доставить в ревком генерала Довбор-Мусницкого. Часов в 5—6 утра мы двинулись к особняку, где была резиденция Довбор-Мусницкого... Вокруг дома наружной польской охраны не было: ее снял отдельный отряд наших красногвардейцев. Было тихо. Держа оружие наготове, мы поднялись по ступенькам и вошли в особняк. В передней натолкнулись на польского ле-

гионера-охранника. Он поднял руки вверх и бесшумно сдал оружие. Пройдя большую переднюю, попадаем в комнату, где спал генерал... Я держала в руках направленный на генерала револьвер, сзади два красногвардейца взяли винтовки наизготовку. Генералу было приказано поднять руки вверх и не шевелиться. Красногвардейцы сняли оружие со стены и забрали револьвер, находившийся под подушкой. Генералу ничего не оставалось делать, как подчиниться нашей команде. Вывев генерала во двор, мы посадили его в карету и отправили в здание Военно-революционного комитета»⁷⁵.

Довбор-Мусницкий и члены верховного польского военного комитета вынуждены были согласиться с требованием ВРК вывести из Минска в местечко Дукоры свои воинские части и заявить, что они категорически запретят вмешательство польских частей в работу советских органов.

Однако, оказавшись на свободе, Довбор-Мусницкий обратился в Ставку с жалобой на «незаконные» действия ВРК и командования Западного фронта. Он вновь заявил о лояльности по отношению к Советской власти и сказал, что не допустит вмешательства в дела России. Но все эти его заверения звучали фальшиво и лицемерно. Довбор-Мусницкий и реакционно настроенная часть польского корпуса обостряли отношения с Советской властью и нарушали свои обещания.

В это время в Брест-Литовске проходили переговоры о мире между Советским правительством и Германией. Для срыва этих переговоров миссии Антанты решили использовать 1-й польский корпус Довбор-Мусницкого. С этой целью они принимали меры, чтобы подтянуть его ближе к фронту и здесь организовать ряд провокационных военных выступлений против немецких войск. Довбор-Мусницкий получил тайный приказ сосредоточиться в районе Рогачев—Бобруйск—Жлобин. С января 1918 года началась переброска войск в указанный район.

Во время переброски войск в руки советских органов попали документы о связях командира корпуса с руководителями донской контрреволюции, а также о подготовке захвата войсками корпуса желез-

нодорожного узла Жлобин, через который с Украины шли эшелоны с продовольствием для Петрограда, солдат Западного фронта и населения Белоруссии.

Кроме того, командование корпуса отказалось подчиниться законам Советского правительства о демократизации польских частей в духе мероприятий, проведенных в старой армии, и начало открыто поддерживать польских и русских магнатов в Белоруссии, потерявших землю в результате социалистической революции.

Белорусские буржуазные националисты поддерживали контрреволюционные планы корпуса Довбор-Мусницкого и совместно начали готовиться к вооруженной борьбе против Советов. Заведующий военным отделом войсковой рады, он же заместитель ее председателя Езовитов, развернул бурную деятельность по сплочению контрреволюционных элементов для вооруженной борьбы, посылал в разные города России телеграммы к своим сторонникам с просьбой направить в распоряжение рады отряды, создаваемые из разложившихся реакционных элементов.

11 января 1918 года Довбор-Мусницкий телеграфировал из местечка Дукоры Минской губернии, где находился штаб корпуса, верховному главнокомандующему Н. В. Крыленко и главнокомандующему Западным фронтом А. Ф. Мясникову, что, если до 12 часов 12 января распоряжение о разоружении польских улан не будет отменено, он сочтет это началом враждебных действий. А в телеграмме на имя А. Ф. Мясникова 12 января он сообщал, что его корпус находится в состоянии войны с Советской Республикой.

В тот же день польские легионы атаковали Жлобин, 13 января захватили Рогачев и ряд других населенных пунктов. Выступления частей корпуса происходили и в других районах, охватив территорию Минской, Могилевской, Витебской и Смоленской губерний.

В связи с контрреволюционным выступлением генерала Довбор-Мусницкого народные комиссары по национальным и польским делам Западной области обратились к солдатам польского корпуса. В обра-

щении говорилось: «Изменник польского народа, который пошел на службу к кровавому царю и во главе казаков расстреливал польских рабочих, сегодня подкупленный врагами народа, хочет сделать из вас оружие для расстрела ваших русских и белорусских товарищей. Польские контрреволюционеры и реакционеры во главе с холопами и слугами царского режима, купленные за деньги французских и английских капиталистов, укрываются за вашими плечами и обманом толкают вас на братоубийственную войну».

Обращение заканчивалось словами: «Революционный пыл народа смел Корнилова и Керенского и должен смести Довбора и поддерживающую его на ваших плечах шайку, в которую вас толкают составившие против революции генералы»⁷⁶.

14 января газета «Звезда» опубликовала обращение Совнаркома Западной области и фронта к населению с призывом бороться против контрреволюционного мятежа, поднятого генералом Довбор-Мусницким. В распоряжении Советской власти, подчеркивалось в обращении, «имеется достаточно силы, чтобы покончить со всеми выступлениями контрреволюционной буржуазии и помещиков. Пусть никто не осмелится думать, что он безнаказанно может посягать на завоевания революции. Контрреволюционный генерал и его приспешники понесут должную кару, и мятежная попытка будет ликвидирована самым решительным и беспощадным образом... интересы и безопасность мирных граждан будут охраняться всеми имеющимися в распоряжении Совета средствами».

Советское правительство, верное принципам своей национальной политики, пыталось разрешить конфликт мирными средствами. С этой целью Комиссариат по польским делам народного комиссариата по делам национальностей по поручению Совнаркома РСФСР направил в Белоруссию делегацию польских социалистических партий. В ее составе были И. Уншлихт, Р. Лонева, С. Круликовский. Делегация по договоренности с верховным главнокомандующим Н. В. Крыленко предложила Довбор-Мусницкому встречу для урегулирования возникше-

го конфликта. Такая встреча состоялась недалеко от Бобруйска, в районе станции Телуша. Со стороны польского корпуса в переговорах приняли участие Довбор-Мусницкий, начальник штаба корпуса генерал Агапеев, два штабных офицера и несколько солдат.

Советская делегация предложила ликвидировать конфликт на следующих условиях: 1) свободная агитация среди солдат корпуса, а также среди белорусского населения в местностях, занятых легионерами, 2) демократизация корпуса и выборность комсостава, 3) допущение в корпус комиссара от польского комиссариата Наркомнаца, 4) невмешательство корпуса в решение аграрного вопроса⁷⁷.

Мятежный генерал отклонил предложенные условия. В ночь на 21 января 1918 года легионеры захватили Бобруйск. Сюда же перебрался штаб корпуса. В захваченных городах и населенных пунктах легионеры разгоняли советские учреждения, отбирали хлеб и скот у крестьян, расстреливали и избивали советских активистов.

Главнокомандующий Западным фронтом А. Ф. Мясников 21 января 1918 года, согласно указанию верховного главнокомандующего и постановлениям областного комиссариата по польским делам, отдал приказ о немедленном расформировании польского корпуса. Всему личному составу предлагалось отбыть в распоряжение ближайших уездных воинских начальников и там получить соответствующие увольнительные документы. Выдачу таких документов разрешалось давать также комиссарам по польским делам в Минске и Бобруйске. Солдат, изъявивших желание записаться в ряды вновь формируемой социалистической Красной Армии, предписывалось направить в распоряжение ближайших Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Приказом главноверха Н. В. Крыленко от 22 января 1918 года генерал Довбор-Мусницкий был объявлен врагом революции. Солдатам корпуса предлагалось арестовать командный состав. Офицеров, не сложивших оружие, приказывалось предавать революционному суду, а в случае сопротивления — расстреливать без суда.

Вооруженные силы польских легионеров к началу мятежа располагались следующим образом. 1-я дивизия находилась в районе Рогачева и вдоль железной дороги к северу от него, 2-я была в районе Бобруйска и вдоль железной дороги на Жлобин, 3-я выходила в район Рославля, имея задачу походным порядком быстро продвигаться на Жлобин. Перед 1-й польской дивизией была поставлена задача захватить Могилев и ликвидировать революционную Ставку. 3-й-кавалерийской дивизиям было приказано двигаться на Жлобин, 2-й — на Минск. Расчет был на то, чтобы завладеть этими городами.

Мятеж польского корпуса Довбор-Мусницкого начался в тот момент, когда основные силы страны вели борьбу против белогвардейских банд Каледина на Дону и войск Центральной рады на Украине. Главная роль в подавлении мятежа советской Ставкой была возложена на революционные силы, располагавшиеся вблизи контрреволюционного восстания, т. е. в Белоруссии и Смоленской губернии: красногвардейские отряды Витебска — около 800 бойцов, Гомеля — 1000, Могилева — 600—800, Смоленска — 500. На станции Осиповичи имелось красногвардейцев и солдат до 1500 человек, отряд моряков в Могилеве — 500, 19-й Сибирский, 1-й и 4-й латышские полки — до 3000, 1-й минский революционный отряд, 60-й Сибирский полк, 268-й пехотный полк численностью до 2500 человек.

Всего, таким образом, против восставшего корпуса Довбор-Мусницкого выступало около 10 000 красногвардейцев и революционных солдат. Противник превосходил советские войска своими силами более чем в два раза, но на стороне революционных войск было преимущество в артиллерии⁷⁸.

План советского командования по разгрому контрреволюционного польского корпуса сводился к следующему. Витебский, могилевский отряды Красной гвардии, матросы с латышскими полками и 19-м Сибирским полком должны были наступать от Могилева на Рогачев. Перед 1-м минским революционным и гомельским красногвардейским отрядами была поставлена задача овладеть Жлобином. Осипо-

вичскому отряду Красной гвардии и частям революционных солдат намечалось разбить войска Довбор-Мусницкого в районе Бобруйска и наступать на Рогачев. Смоленский отряд Красной гвардии должен был отрезать путь движения 3-й польской дивизии от Рославля на Рогачев.

Таким образом, план революционной Ставки сводился к тому, чтобы не допустить объединения войск польского корпуса, окружить первоначально 1-ю и 2-ю дивизии корпуса в районе их сосредоточения и уничтожить. После этого перенести удар против 3-й польской дивизии.

Решающие боевые операции между советскими войсками и контрреволюционными частями корпуса Довбор-Мусницкого развернулись в 20-х числах января 1918 года. Ожесточенное сражение завязалось на осиповичском направлении у деревни Ясень с legionерами 2-й польской дивизии. Об этом сражении газета «Правда» 27 января 1918 года писала:

«Утром 24 января произошел сильный кровавый бой между народно-социалистическими советскими войсками с польскими контрреволюционными legionерами. В бою участвовало 1500 чел. польских legionеров, наступающих со стн. Бобруйск по направлению к стн. Осиповичи, и 500 бойцов с артиллерией и броневыми машинами со стороны советских войск, двигавшихся на Бобруйск. После жестокого кровопролитного боя советская гвардия героически одержала победу. Уничтожен пехотный отряд польских legionеров в 600 чел., подбито 2 трехдюймовых орудия, а польская кавалерия отступила. Советские войска потеряли 100 чел. ранеными и убитыми».

26 января революционные войска перешли в наступление севернее Рогачева и к 28 января с боем заняли станцию Тощица, Старое Село, Мадоры (южнее Быхова) и другие населенные пункты. Legionеры 1-й польской дивизии вынуждены были отступить к Рогачеву и занять оборону. В результате ожесточенного боя в ночь на 31 января советские части овладели Рогачевом, 1-я польская дивизия была полностью разбита.

«Правда» 15 февраля 1918 года сообщала: «К утру 31 января мы овладели всеми укрепленны-

ми позициями 1-й польской дивизии. Рогачев был захвачен нами уже в 23 ч. в ночь на 31 января обходом одним полком с востока в направлении к дер. Мадоры-Озорище за р. Друть. Невзирая на то, что дорога из Рогачева на Бобруйск была в наших руках уже к вечеру 30 января, польская дивизия продолжала сражаться с крайним упорством за укрепленные позиции в 4-х местах севернее Рогачева и деревни западнее Рогачева. В настоящее время, — подчеркивалось в сообщении, — 1-й польской дивизии больше не существовать, т. к. в Бобруйск успели прорваться лишь незначительные части командного состава. Польские солдаты массами сдаются в плен. Часть разбрелась, бросив оружие».

В первых числах февраля произошли бои в районе Жлобина. 2-я польская дивизия повела решительное наступление против 1-го минского и гомельского отрядов Красной гвардии. 7 февраля легионеры в составе трех полков пытались замкнуть кольцо окружения советских войск в районе железнодорожной станции города. Однако исход операции решили артиллерия и броневики наших частей. Мощным огнем обходная колонна легионеров была рассеяна, а броневики завершили разгром неотступным преследованием. Советская пехота, поддержанная артиллерией, энергично атаковала три полка мятежников. В результате упорного боя советские войска к полудню овладели железнодорожным мостом через Днепр и отбросили мятежников к городу.

Всю вторую половину дня 7 февраля происходили рукопашные кровопролитные уличные бои в городе. К вечеру разбитая 2-я дивизия мятежников начала отходить в направлении Бобруйска. Город Жлобин был полностью освобожден.

В оперативной сводке о взятии Жлобина сообщалось: «Ожесточенный бой был у ст. Жлобин. Бой шел у каждого дома ручными гранатами в течение 6 часов. Орудийный огонь продолжался 30 час. Выпущено много тысяч снарядов. Победили советские войска. Жлобин занят. Потери поляков ужасны»⁷⁹.

В руках мятежников оставался Бобруйск — центр контрреволюционного мятежа. Именно сюда Довбор-Мусницкий с помощью белорусских буржуаз-

ных националистов стягивал польские части из Смоленской, Витебской и Могилевской губерний. Отсюда мятежный генерал намеревался уйти на Украину и соединиться для борьбы с Советской властью со 2-м польским корпусом и контрреволюционными войсками Центральной Украинской рады. С этой целью Довбор-Мусницкий посылал в Киев своих представителей с поручением договориться о передислокации части корпуса и получении необходимой помощи. Но замысел его провалился. К этому времени войска Украинской рады потерпели серьезное поражение и отступали под ударами объединенных революционных сил, а Киев был уже взят советскими войсками.

Довбор-Мусницкий продолжал стягивать контрреволюционные части в Бобруйск. Перед военным командованием, а также партийными и советскими органами Белоруссии стояла задача помешать переброске польских воинских частей, разоружить их в пути. Задача повсюду выполнялась успешно. Из 14 эшелонов, например, следовавших с польскими частями из района Зубцова Тверской губернии, в Бобруйск смогли добраться, и то не полностью, только 6-й и 7-й полки. Остальные были разоружены в пути. На станции Осиновка (около Орши) разоружен и арестован штаб дивизии (30 офицеров и 300 солдат). У станции Уша, на участке железной дороги Молодечно—Минск, были задержаны два эшелона с польскими легионерами. 52 офицера арестованы и отправлены в Минск.

В Глуской, Городокской, Осовецкой и Лясковичской волостях Бобруйского уезда форсированно создавались красногвардейские отряды, численность которых превысила 700 человек. Руководство боевых отрядов было возложено на глуцкий штаб Красной гвардии, возглавляемый С. Л. Вилюгой. Во взаимодействии с 51-м стрелковым полком красногвардейцы должны были преградить путь польскому корпусу на случайном направлении.

Закрепив успех у Жлобина и Рогачева, объединенные советские войска продолжали наступление в направлении Бобруйска. Оно было поддержано красногвардейскими отрядами и революционными частями

ми со стороны Осиповичей. Происходили упорные кровопролитные бои с переменным успехом.

Учитывая создавшееся тяжелое положение, генерал Довбор-Мусницкий созвал в Бобруйске совещание командного состава корпуса. Было принято решение обратиться за содействием к германскому командованию в Брест-Литовске. Довбор-Мусницкий послал радиogramму генералу Гофману, в которой говорилось о признании поляками польского регентского совета в Варшаве, фактически являвшегося орудием германского командования. Генерал Гофман дал согласие на пропуск в Брест-Литовск делегации польского корпуса. Но по пути она была захвачена в плен советскими войсками. В Брест-Литовск удалось пробраться другой делегации поляков, через нее частям польского корпуса было предложено наступать на Минск.

Не случайно поэтому Довбор-Мусницкий считал главным направлением минское. Именно здесь он имел в виду добиться успеха, разбить советские войска. Под станциями Ясень и Осиповичи завязались ожесточенные бои. Красногвардейские отряды и революционные части с трудом сдерживали натиск противника. В связи с этим Слуцкий уездный Совет объявил уезд на осадном положении, начал спешно создавать боевые дружины красногвардейцев для борьбы с польскими легионерами.

Несмотря на отчаянные усилия, контрреволюционным частям Довбор-Мусницкого не удалось добиться успеха в боях против советских войск. Силы мятежников постепенно истощались, а удары по ним нарастали. Кольцо окружения в районе Бобруйска все более сжималось.

Начавшееся вторжение германских империалистических войск на Советскую Россию избавило остатки польского контрреволюционного корпуса Довбор-Мусницкого от окончательного разгрома. Так бесславно закончился поход Довбор-Мусницкого, поднявшего вооруженный мятеж против Советской власти.

Остатки этого корпуса принимали участие вместе с кайзеровскими войсками в оккупации белорусских городов и сел.

Быстрая ликвидация контрреволюционного мятежа, возглавляемого генералом Довбор-Мусницким, была достигнута благодаря героизму революционных отрядов. Успеху советских войск в борьбе с польскими легионерами способствовала повседневная поддержка белорусского населения. Крестьяне снабжали красногвардейцев и революционных солдат продуктами, организовывали вооруженную охрану помещений и имущества от поджогов, грабежей, создавали вооруженные дружины.

Значительную роль в ликвидации мятежа сыграла массово-пропагандистская работа среди польских солдат, которая проводилась партийными и советскими органами Белоруссии. В этой работе им активно помогали польские интернационалисты. 16 января 1918 года Могилевским губисполкомом было издано на польском языке обращение к солдатам-полякам, в котором они призывались не участвовать в позорных действиях против Советской власти, против трудового белорусского народа, призывались арестовывать ненавистных офицеров и переходить на сторону революционной Ставки, посылать своих депутатов в Совет.

В результате политической работы тысячи распропагандированных польских солдат покидали корпус, сдавались в плен советским частям. Сам генерал Довбор-Мусницкий впоследствии признавал, что к середине января 1918 года, т. е. после начала активных действий против Советской власти, численность его корпуса сократилась более чем в два раза и продолжала угрожающе уменьшаться. Многие из солдат, покинувших корпус, вступали в польские революционные батальоны и принимали участие в разгроме мятежников.

В упорной борьбе с превосходящими силами польских легионеров, поднявших мятеж против Советской власти, показали замечательные примеры мужества и героизма революционные солдаты и отряды Красной гвардии, большую часть которых составляли пролетарские массы городов и деревень Белоруссии. Красногвардейские отряды еще раз продемонстрировали свою преданность делу пролетарской революции, Советской власти.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. НАЦИОНАЛИСТЫ ПРОТИВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Великая Октябрьская социалистическая революция победила под знаменем пролетарского интернационализма. В упорной борьбе с соглашательскими и националистическими партиями большевики сумели сплотить широкие трудящиеся массы, повести их на штурм буржуазного строя и установление власти рабочих и крестьян — Советской власти. Исключительно большое значение в этом имела ленинская национальная программа Коммунистической партии. Руководствуясь ею, партия коммунистов смогла выполнить свою роль руководителя и организатора борьбы пролетариата, трудящихся масс за социализм в условиях России как многонациональной страны.

Большевистская партия в ходе революции постоянно поддерживала революционно-демократическое движение за равноправие народов, не прекращая при этом беспощадной борьбы с идеологией и политикой буржуазных националистов, которые ставили цель отвлечь трудящихся от участия в общероссийской революции,

стремились выхолостить из национально-освободительного движения его революционное содержание. Большевики разъясняли трудящимся массам, что только полный разрыв со своей буржуазией и поддерживающими ее мелкобуржуазными, националистическими партиями обеспечит осуществление социальных и национальных требований трудящихся, они неустанно пропагандировали необходимость интернациональной солидарности, решительно разоблачали как великодержавный шовинизм, так и местный национализм.

В. И. Ленин постоянно требовал воспитания рабочих разных национальностей в духе пролетарской солидарности и интернационализма, настойчиво доказывал, что коренные интересы общепролетарского движения требуют безусловного единства рабочих всех наций, всемерного расширения и укрепления их братского союза. Вождь партии большевиков считал одной из самых важных задач рабочего революционного движения отстаивание единства классовой борьбы пролетариата за социализм, преодоление буржуазного национализма разных окрасок, нейтрализацию его губительного влияния.

«Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм,— указывал В. И. Ленин,— вот два

непримиримо-враждебные лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие две политики (более того: два мирозозерцания) в национальном вопросе»¹. Марксистско-ленинское учение по национальному вопросу явилось надежным оружием Коммунистической партии в борьбе против всяких проявлений национализма.

Большевики Белоруссии, возглавляя революционное движение, вели непримиримую борьбу против местных буржуазных националистов. Эта борьба накануне и после Октябрьской революции шла по тем же коренным вопросам, что и в других национальных районах России. По существу, это была борьба за власть.

Оформление идеологии белорусского буржуазного национализма связано с возникновением национальной буржуазии, с развитием капиталистических отношений в Белоруссии. Идеология белорусского национализма предусматривала затушевывание классовых противоречий внутри наций, разрыв единства действий белорусских рабочих и крестьян с революционным движением пролетариата России.

Первой до Февральской революции 1917 года организацией националистов была Белорусская социалистическая громада (БСГ), которая первоначально называлась Белорусской революционной громадой (БРГ). Она оформилась в 1902 году и на I съезде в 1903 году была переименована в Белорусскую социалистическую громаду. БСГ объединяла националистически настроенную мелкобуржуазную интеллигенцию, кулаков, некоторую часть помещиков и выражала их интересы. Она всеми силами и средствами стремилась привлечь на свою сторону крестьянство, пытаясь внушить ему мысль об общенациональных интересах якобы «единой», «бесклассовой» белорусской нации. Однако националистическая демагогия не помогла — крестьяне не поддержали БСГ.

После поражения революции 1905 года Белорусская социалистическая громада формально перестала существовать. Но ее лидеры продолжали распространять вредные националистические идеи, объединились вокруг газеты «Наша ніва».

Белорусское буржуазно-националистическое движение возникло в обстановке революционных потрясений, когда единственной политической силой, способной возглавить революционное движение трудящихся за социальное и национальное освобождение, стал пролетариат. Белорусская национальная буржуазия выступала как контрреволюционная сила, претендовавшая на руководство освободительным движением, стремившаяся использовать это движение в своих классовых интересах и этим ослабить революционные выступления трудящихся масс против эксплуататоров.

Белорусские националисты после свержения царского самодержавия в условиях нарастания революции активизировали свои действия, пытались овладеть революционным движением в Белоруссии и подчинить его своему влиянию. В различных районах Белоруссии, среди белорусских беженцев за ее пределами, в армии возникли разные политические, культурно-просветительные и беженские организации. В Витебске был создан Белорусский народный союз, в Гомеле — союз белорусской демократии. Но главная роль среди них принадлежала возродившейся старой организации — Белорусской социалистической громаде. Сразу же после Февральской революции среди сторонников так называемого «белорусского возрождения» появилась идея создания такого органа, который имел бы характер общеполитического представительства. Таким органом стал Белорусский национальный комитет (БНК), созданный в конце марта 1917 года на съезде «белорусских общественных деятелей» во главе с бывшим членом государственной думы, крупным помещиком Р. Скирмунтом, претендовавшим на выражение социальных и национальных интересов белорусского народа. Деятели БНК и БСГ имели цель создать широкую сеть белорусских националистических организаций, кружков, различных товариществ. Однако этого им не удалось добиться. Созданные в Белоруссии националистические организации не стали массовыми, не пользовались влиянием среди рабочих и крестьян, которые смотрели на них как на барских прислужников и интриганов.

На втором съезде националистов, состоявшемся 8 июля 1917 года в Минске, вместо так называемого Белорусского национального комитета была создана Центральная рада белорусских организаций. В состав рады входили представители помещиков, капиталистов, буржуазных интеллигентов и кулаков. Эта рада считала себя будущей государственной властью в Белоруссии и имела представителей в государственных органах Временного буржуазного правительства. Представители Белорусской социалистической громады заняли руководящее положение в исполкоме рады.

В октябре 1917 года произошли новые преобразования. Центральная рада белорусских организаций стала называться Великой белорусской радой (ВБР). Появилась также Белорусская центральная войсковая рада. Все эти организации националистов явились орудием борьбы против аграрного движения, стояли на страже интересов крупного землевладения. Трудящиеся Белоруссии враждебно смотрели на эти организации, в которых верховодили помещики, духовенство, буржуазия, решительно осуждали антинародную политику белорусских националистов.

Будучи тесно связанными с русской империалистической буржуазией, с украинскими, литовскими, польскими и другими буржуазными партиями, белорусские националисты выступали единым фронтом против всевозраставшего в нашей стране революционного рабочего и крестьянского движения.

Заручившись еще до Октябрьской социалистической революции полной поддержкой империалистов стран Антанты и австро-германского блока, националисты беспрекословно и послушно исполняли все требования и указания иностранных интервентов.

Накануне Октябрьской революции националисты открыто перешли в лагерь контрреволюции. Их пропагандистская деятельность была подчинена одной задаче — оградить Белоруссию от нараставшей в стране социалистической революции, отвлечь широкие народные массы от классовой революционной борьбы. С этой целью националисты пытались любыми путями создать свою белорусскую вооруженную силу, которую могли бы в любой момент направить

на подавление революционных выступлений рабочих и крестьян. С осени 1917 года они развивают интенсивную деятельность среди солдат-белорусов и обманным путем пытаются повести их за собой под флагом защиты «матери-Белоруссии от анархии большевизма». Однако выполнить такую миссию белорусским националистам не удалось. Это подтверждалось в донесениях военному министру, в которых сообщалось, что армия, в большинстве своем воспринявшая идеи интернационализма, шла за большевиками.

Лидеры националистов накануне Октября претендовали на роль единственных выразителей интересов народа и готовились к захвату власти в Белоруссии. Этой задаче были подчинены проходящие в Минске с 14 по 26 октября 1917 года почти одновременно три собрания националистов — II сессия Центральной рады белорусских организаций, съезд солдат-белорусов Западного фронта и III съезд Белорусской социалистической громады. Объединенное совещание представителей этих форумов приняло решение о создании Великой белорусской рады как своего верховного органа. II сессия Центральной рады согласно указанному решению объявила себя Великой белорусской радой (ВБР). Перед этим «высоким» органом националистов ставились определенные задачи — не допустить развития революции в Белоруссии, а при удобном случае захватить власть в свои руки. Один из лидеров белорусских националистов Воронко прямо писал, что целью ВБР было «приготовление, чтобы принять, если не захватить, при помощи войсковой рады всей власти на территории этнографической Белоруссии»².

Решения указанных собраний националистов были направлены на сплочение националистических сил в борьбе с социалистической революцией. Предпринимались последние усилия, чтобы помешать ее победе в Белоруссии. Но этим стараниям не суждено было сбыться. Не успели закрыться съезды в Минске, как в стране победила социалистическая революция. Трудящиеся Белоруссии с величайшим энтузиазмом поддержали свержение буржуазного строя и установление Советской власти.

Победу Октябрьской революции белорусские буржуазные националисты встретили с нескрываемой враждебностью. Призывая к борьбе против Советской власти и к разрыву с Советской Россией, они в сговоре со всеми силами контрреволюции готовили антисоветский мятеж.

Предаваясь иллюзиям о создании специальных воинских формирований, вербуя для этого сынков помещиков, купцов и кулацкие элементы, националисты пробовали вести контрреволюционную работу в воинских частях. В октябре 1917 года им удалось собрать съезд солдат-белорусов трех армий Западного фронта, на котором было инсценировано избрание Белорусской войсковой рады. Перед этой радой ставилась задача — объединение вокруг себя буржуазно-националистических элементов в армейских частях. Вслед за этим были проведены такие же съезды Северного фронта в Витебске, Румынского — в Одессе, Юго-Западного — в Киеве.

Свои контрреволюционные действия буржуазные националисты маскировали лозунгом создания «своего» белорусского «независимого» национального государства. На деле же они стремились оторвать Белоруссию от Советской России. Борьбу против Советской власти они прикрывали национальным флагом под видом борьбы за самоопределение; выступали в качестве «единственных законных» претендентов на власть, приписывали себе монопольное право решать вопрос о дальнейшей судьбе, политическом и государственном устройстве Белоруссии.

Националисты предпринимали ряд попыток, направленных на то, чтобы свернуть Белоруссию с пути социалистического строительства на путь капиталистического развития. В газете «Вольная Беларусь» они открыто проповедовали мир с буржуазией, старались отвлечь трудящиеся массы от классовой борьбы, прилагали все усилия к тому, чтобы революционное движение рабочих и трудящихся крестьян Белоруссии использовать в своих интересах.

27 октября 1917 года от имени всех белорусских националистических организаций, в том числе Великой белорусской рады, Белорусской центральной войсковой рады, Белорусской социалистической гро-

мады и других, была опубликована «Грамота к белорусскому народу», где националисты официально высказали свое враждебное отношение к Октябрьской социалистической революции, восприняли ее как анархию, в вихре которой могут погибнуть все их националистические надежды и упования³⁻⁴. В этой «Грамоте» националисты изложили свою программу контрреволюционных действий, обосновали свой тезис о необходимости борьбы с Советской властью.

Они подчеркивали, в частности, что в истории многострадальной белорусской земли не было еще такого волнения народа. Потому-то и встала, дескать, необходимость собрать все живые силы отечества для защиты и ограждения свобод. Враги собирались показать на деле, что объединенная страданиями белорусская демократия, как они выражались, не допустит анархии, гибели национальной свободы и прав белорусского народа.

Не обошлось в этой «Грамоте» без призывов. Националисты самым наглым образом обманывали белорусов, трудовой народ, «сынов земли», как они выражались. Всеми силами они стремились объединить людей в «тесную семью» вокруг Великой белорусской рады. Предлагая гнать от себя тех, кто зовет к беспорядку, враги революции учили осторожности в своих действиях. Лишь порядок и согласие между всеми, по их мнению, дадут возможность удержать спокойствие в Белоруссии, а единство с войсками поднимет дух и соединит весь народ. Здесь прямо ставилась задача удержать согласие между всеми, спокойствие в крае.

Еще более откровенно высказали свое враждебное отношение к Октябрьской революции местные белорусские националистические организации. На объединенном совещании могилевских националистических организаций, состоявшемся 26 октября 1917 года, представитель местного белорусского комитета М. С. Каханович выступил с такой наглой декларацией: «Большевистское восстание, это — преступление, ибо после него легко может вернуться прежний режим. Мы, белорусы, стремимся к возрождению национальных идеалов. Белоруссия разорена проходящим через нее фронтом, и в этом ее несчастье. И в

момент, когда на страну обрушился большевистский удар, Белоруссия мыслит это несчастье в единстве со всей Россией. Мы присоединимся к тем, кто осуждает это восстание как контрреволюционный акт»⁵.

Таким образом, белорусские буржуазные националисты имели полное единство взглядов, выражающих открытую враждебность к победившей социалистической революции и Советской власти. Этим они наглядно продемонстрировали, что в октябрьские дни были против народа, выступили против трудящихся масс, которые с большим воодушевлением приветствовали социалистическую революцию, с энтузиазмом устанавливали власть Советов. Именно в этом коренном вопросе — вопросе о власти — националисты сразу же расходились с широкими массами трудящихся Белоруссии. Находясь в лагере контрреволюции, они мечтали создать белорусское государство, сохранить в нем буржуазно-помещичий строй, утвердить господство националистической буржуазии, решить вопрос о власти в пользу буржуазии.

Ради спасения свергнутого буржуазно-помещичьего строя белорусские националисты готовы были жертвовать «национальным самосознанием» и выступили единым фронтом со всеми контрреволюционными силами России против власти Советов. Они принимали активное участие в ряде контрреволюционных выступлений, открыто сотрудничали в организациях, создаваемых врагами революции для борьбы с Советской властью. Их представители входили в контрреволюционные «Комитеты спасения» в Минске, Могилеве, Витебске и в других городах Белоруссии.

Большие надежды белорусские националисты возлагали на контрреволюционную Ставку в Могилеве. В статье «Пути спасения», опубликованной 15 ноября 1917 года в газете «Вольная Беларусь», один из идеологов белорусской националистической контрреволюции И. Лесик считал, что белорусская буржуазия может найти спасение, создав по примеру генерального секретариата Украины свое правительство в Могилеве под защитой Ставки.

Вместе с мелкобуржуазными соглашательскими партиями националисты развернули разнузданную клеветническую кампанию против большевиков, сея-

ли среди широких масс панику, пророчили скорое падение Советской власти. Издаваемые ими газеты «Вольная Беларусь», «Белорусская рада», «Бюллетень Белорусской рады 10-й армии» заполнялись клеветническими вымыслами и контрреволюционными призывами. На страницах этих изданий в извращенном свете освещались события с целью дезориентировать массы, посеять в них неуверенность, запугать ужасами и обосновать необходимость «спасать свой край от гибели», порвав всякие связи с Россией, откуда якобы нахлынула «анархическая зараза в Беларусь». Путем обмана и пантажа националисты пытались внушить массам, что революция захлебнется, а «большевизм нежизненный и осужден на уничтожение», что социализм не имеет почвы в Белоруссии. Извращая исторические факты, клеветая на Советскую власть, они делали все, чтобы убедить массы, что «с большевиками можно и нужно бороться».

Особенно яростным нападкам и извращениям националистов подвергались декреты Советской власти, первые социалистические преобразования. Своими лживыми вымыслами они пытались уменьшить их революционизирующее влияние на массы, противопоставляли первым декретам Советской власти националистические лозунги, в частности лозунг борьбы за общенациональные интересы, т. е. призыв к союзу со всей буржуазией. Грубо извращая смысл и значение ленинского Декрета о земле, согласно которому крестьяне отбирали помещичьи земли, националисты с нескрываемой ненавистью подчеркивали, что этот непродуманный декрет о земле... ничего хорошего не дал: начались погромы, грабежи, бессмысленное уничтожение всего общественного добра, поместий. Проведение социалистических преобразований они рассматривали как бессмысленные эксперименты большевиков, которые якобы приведут страну к еще большему упадку и анархии. Они открыто заявляли, что не верят в возможность социалистического переустройства, осуждали мероприятия органов Советской власти на местах.

Великая Октябрьская социалистическая революция вместе с социальным раскрепощением принесла трудящимся подлинное избавление от национального

гнета. Советская власть провозгласила право всех народов на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Белорусские буржуазные националисты решили использовать это право для борьбы с Советской властью. Они повели разнузданную кампанию за создание самостоятельного белорусского государства буржуазного направления. Стремясь оторвать Белоруссию от революционной России, белорусский народ от общероссийского революционного движения, националисты предпринимали отчаянные усилия к тому, чтобы «порвать отношения с центром», «отказаться от надежды наведения порядка из центра» и горячо взяться за государственное строительство в отдельности, по примеру «организованных народов России», таких, как Украина, Сибирь, донское казачество, и др. Газета «Вольная Беларусь» 8 ноября 1917 года писала, что сознательные и организованные Украина, Сибирь, казачество порвали сношения с Советской Россией и стали сами заводить свои порядки. Их примеру должна последовать и Белоруссия.

Ведя борьбу с Советской властью, белорусские националисты настойчиво пропагандировали идею о необходимости созыва белорусского Учредительного собрания «для сохранения прав и вольностей», якобы завоеванных в феврале. Этим путем они мечтали передать власть в руки националистической буржуазии, реставрировать свергнутый трудящимися старый эксплуататорский строй.

Под видом «разрешения национального вопроса» белорусская буржуазия делала попытки создания себе вооруженной опоры в лице «белорусского войска». Выражая волю белорусских трудящихся, облискомзап, осуществлявший Советскую власть на территории Белоруссии, не допустил формирования националистических частей. 2 декабря 1917 года состоялось пленарное заседание областного исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта. «Обсудив вопрос о формировании национальных полков,—говорится в принятом постановлении,— и имея в виду, что национальные воинские части формируются контрреволюционной крупной и мелкой буржуази-

ей с целью порабощения трудового народа и подавления революционного движения при самоопределении наций, постановляет: . . . не допустить формирования белорусских воинских частей»⁶⁻⁸.

Широкие трудящиеся массы, руководимые партией большевиков, были преисполнены решимости сделать Белоруссию советской, социалистической, активно боролись с провокационными призывами буржуазных националистов. Рабочие и трудящееся крестьянство решительно заявляли, что они выступают против отторжения Белоруссии от матери-России, стоят за сохранение завоеваний революции не только для России, но и для части ее — Белоруссии, неотторжимой от России.

Стремления белорусских националистов противоречили интересам трудящихся, не отвечали потребностям развития Белоруссии и поэтому не получили поддержки народных масс. Путь самоопределения, по которому Белорусская рада пыталась повести белорусский народ, был путем авантюры, вел к потере социальных и национальных завоеваний.

Социалистическая революция в Белоруссии опиралась на прочную поддержку рабочих, беднейшего крестьянства, революционных солдат Западного фронта. Трудящиеся Белоруссии под руководством большевиков быстро и решительно преодолевали на своем пути контрреволюционные очаги, энергично проводили в жизнь первые мероприятия Советского правительства, успешно создавали аппарат Советской власти в центре и на местах. Все это срывало планы белорусских националистов в блоке со всей контрреволюцией свернуть Белоруссию с пути социалистического развития.

Итак, белорусские буржуазные националисты являлись противниками Октябрьской социалистической революции, их поведение в период Октября и после него было крайне контрреволюционным, антинародным. Но все попытки помешать установлению и упрочению Советской власти в Белоруссии потерпели полный крах. Однако они не оставили свою антинародную деятельность. Националисты решили добиться передачи власти местной буржуазии путем созыва «всебелорусского конгресса».

2. КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЕ СБОРИЩЕ В МИНСКЕ

Потерпев поражение в первых попытках силой оружия ликвидировать Советскую власть, эксплуататорские классы прибегли к новым способам борьбы с ней, используя для этого националистические элементы, которым пытались придать законный вид борьбы за самоопределение, за демократию, против диктатуры пролетариата. Стремясь уничтожить только что установившуюся власть Советов в Белоруссии, национальная буржуазия по-своему толковала право наций на самоопределение — как право национальной буржуазии вести борьбу с революцией, установить свое господство.

Пользуясь тем, что некоторая часть крестьян и отсталые слои рабочих, увлеченные националистической демагогией, еще заблуждались относительно действительной сущности намерений Белорусской рады, националисты при активном участии правоэсеровских организаций повели бешеную кампанию за созыв так называемого Всебелорусского съезда, на который делегатами подбирались отъявленные антисоветские элементы, с тем чтобы противопоставить этот съезд органам Советской власти.

Все контрреволюционные партии и организации активно поддерживали планы белорусских буржуазных националистов. Инициаторами созыва такого Всебелорусского съезда выступили Великая белорусская рада (ВБР) в Минске и Белорусский областной комитет при Всероссийском Совете крестьянских депутатов (Белобластком) в Петрограде. Обе эти националистические организации не выражали интересов белорусских трудящихся и не пользовались доверием народа.

Великая белорусская рада, а также Белорусская центральная войсковая рада объединяли помещиков, офицерство, буржуазную интеллигенцию. В них господствовало «независимое» течение, направленное на отделение Белоруссии от России, они склонялись к союзу с Польшей и буржуазной Украиной, воевавшей в то время с Советской Россией. К середине ноября у националистов созрело намерение созвать «съезд

представителей всего народа белорусского». Тогда же исполнительные комитеты Великой белорусской рады, Белорусской центральной войсковой рады и Западного фронта выпустили обращение «Ко всему народу белорусскому», в котором было высказано мнение о созыве 5 декабря 1917 года в Минске националистического съезда представителей якобы всего белорусского народа, чтобы создать власть в центре и на местах⁹.

Белорусский областной комитет (Белобластком) представлял собой мелкобуржуазную националистическую организацию, которая возникла в ноябре 1917 года в Петрограде при Всероссийском Совете крестьянских депутатов. Белобластком выражал интересы кулачества, буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции. Председателем этого комитета был агроном родом из Речицкого уезда, мелкобуржуазный кооперативный деятель, один из активных националистов Е. С. Канчер, заместителями его являлись эсеры М. Гольман (председатель Могилевского губернского Совета крестьянских депутатов) и Ф. Короткевич (член скомпрометировавшего себя в глазах крестьянских масс исполкома Всероссийского крестьянского Совета от Минской губернии). В состав комитета входили народный социалист Н. Карпов, ярые националисты Л. Калядко, Ф. Гринюк, Е. Макаревич, В. Чудович и другие. Все они выходцы из зажиточного крестьянства и интеллигенции.

17 ноября 1917 года Белобластком опубликовал обращение о созыве белорусского съезда, в котором подчеркивалось, что предстоящий съезд должен решить «вопрос о судьбе Белоруссии». По мнению националистов, постановка этого вопроса вызывалась неминуемым развалом России. «Благодаря внутренней хозяйственной разрухе и обострившейся борьбе классов, партий и национальностей,— говорилось в обращении,— мощь Российского государства пошатнулась, защита государственных границ ослабела и внутри самого государства разразилась гражданская война. Истекая кровью, корчась в судорогах, Великая Россия разрывается по частям. Все больше и больше образуется пропасть между отдельными группами населения и народами, населяющими Россию, и не

видно общей руководящей идеи, которая бы прекратила кровопролитие внутри государства и сохранила целостность Российской республики»¹⁰.

Рисуя в таких мрачных тонах положение в стране, националисты не желали видеть огромной созидательной работы трудящихся по строительству нового социалистического уклада. Они клеветали на революцию, на рабочих и крестьян, сплотившихся вокруг Советской власти и большевистской партии.

В обращении националистов из Белобластка под предлогом «защиты завоеваний революции» подчеркивалось, что он, Белобластком, «взял на себя великий исторический ответственный почин в организации трудового белорусского крестьянства вокруг идеи образования автономно свободной Белоруссии, как части Российской Республики». В этих целях, говорится далее, он «вступил на путь защиты целостности Белоруссии... и решил взять на себя почин созыва экстренного съезда». «Братья белорусы! — заканчивается обращение, — наша судьба в смертельной опасности. Ее мы можем спасти немедленной самоорганизацией».

В то время когда белорусский народ под руководством партии большевиков твердо высказался за Советскую власть, стал на путь социалистических преобразований, деятели из Белобластка обратились «ко всему народу» немедленно решить вопрос о судьбе Белоруссии. Им явно был не по душе тот путь, который выбрали трудящиеся. Лживыми выступлениями они пытались дезорганизовать народные массы, внести беспорядок в их ряды, созвать в такой обстановке так называемый белорусский съезд и противопоставить его Советам.

Минские националистические организации решили созвать Всебелорусский съезд в Минске 5 декабря 1917 года. Белобластком стоял за открытие съезда 15 декабря в Рогачеве. Однако отдельные лидеры националистов понимали, что такая несговорчивость может расстроить целостность и полноту съезда. Поэтому они начали переговоры между собой. Белорусская рада предложила созвать совместный съезд в Минске. Белобластком также стремился добиться единства с радой в борьбе против Советской власти.

24 ноября 1917 года он принял постановление, в котором говорилось, что, «заслушав сообщение представителей Великой белорусской рады и войсковой рады Воронко и Мамонько, Белорусский областной комитет полагает, что цели у этих организаций одни и те же. И вследствие этого постановляет: послать Макаревича, Куссе-Тюз и Колядко в Минск к вышеуказанным организациям для окончательного выяснения возможности совместной работы по созыву общеполорусского съезда с целью создания краевой власти». Далее в постановлении указывалось, что съезд созывается совместно всеми 4-мя организациями — Белобласткомом, Великой белорусской радой, Белорусской центральной войсковой радой и Белорусским исполнительным комитетом Западного фронта. Все эти организации составили бюро по созыву съезда. Его состав, назначение докладчиков и другие существенные вопросы должны были приниматься совместно с бюро по созыву съезда, причем в основу программы имелось в виду положить вопросы, принятые Белобласткомом и Великой белорусской радой.

В книге И. М. Игнатенко дается правильная оценка этому постановлению, которое разоблачает националистов как врагов белорусского народа. Во-первых, в нем указывалось, что созыв общеполорусского съезда якобы диктовался необходимостью создания краевой власти. Между тем, как известно, к тому времени краевая власть в Белоруссии уже была создана в лице Исполнительного комитета и Совета Народных Комиссаров Западной области и фронта. Во-вторых, в числе инициаторов созыва съезда не было ни одной организации, пользовавшейся поддержкой широких народных масс. Об этом националисты хорошо знали по итогам только что закончившихся выборов в Учредительное собрание, на которых они собрали менее одного процента голосов¹¹.

Принимая такое постановление, Белобластком без основания рассчитывал на поддержку националистических организаций. Этим он стремился убедить деятелей минских рад, которые настаивали на авантюристическом лозунге провозглашения независимой буржуазной белорусской республики.

Намечая созыв съезда, белорусские националисты надеялись на скорое падение Советской власти, не признавали законными ее органы. Извращая исторические факты, один из активных организаторов съезда Е. Канчер откровенно клеветал, утверждая, что в образовании Совета Народных Комиссаров Западной области «ни белорусские части, ни белорусские Советы крестьянских и рабочих депутатов не участвовали... Облискомзап не представлял белорусских трудящихся и деятельность его не соответствовала местным нуждам, а власть его понималась ограниченной Западным фронтом»¹². Так же писали и националистические газеты.

В период подготовки к созыву съезда националисты маскировали свои истинные цели, они заверяли органы Советской власти в своей лояльности к ней. Белобластком, например, также заявлял, что он стоит на платформе Советской власти. Прикрываясь своей «демократической» вывеской, националисты из Областкома обратились через Наркомнац в СНК РСФСР с просьбой материально поддержать созыв съезда «крестьянских депутатов» для якобы укрепления Советской власти в Белоруссии.

Ведя переговоры с Наркомнацем, Белобластком предложил вместе работать над «укреплением» Советской власти на местах. Условия совместной работы сводились к следующему: 1) Действовать во всем в контакте с Советом рабочих и солдатских депутатов в Минске. 2) Краевая власть в Белоруссии должна принадлежать Совету рабочих и солдатских депутатов, избранному на предстоящем краевом съезде. 3) Немедленная передача без выкупа всех помещичьих земель в ведение земельных комитетов, реорганизованных на строго демократических началах. 4) Признавалась власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов на местах. 5) Безоговорочное и полное право свободного самоопределения белорусского народа.

Таким образом, Белобластком на словах брал обязательство бороться за сохранение и упрочение Советской власти в Белоруссии, действуя в контакте не с радой, а с уже существующими органами власти в Белоруссии. Учитывая, что созыв Всебелорусского

съезда на такой основе действительно мог послужить укреплению Советской власти в Белоруссии и разоблачению контрреволюционной белорусской рады, Совнарком РСФСР поддержал эту идею и оказал через Наркомнац материальную поддержку Белобласткому для организации съезда¹³.

Однако заверения Белобласткома были лживыми маневрами. Ни одного из подписанных условий он не собирался выполнять, действовал заодно с белорусской радой. В обращениях к массам всячески подчеркивал, что вопрос о созыве съезда согласован и поддерживается Наркомнацем. При этом следует сказать, что Наркомнац, видимо, чрезмерно доверчиво отнесся к «обязательству» Областкома. Одобрив созыв съезда, писал В. Г. Кнорин, Наркомнац не провел даже предварительных консультаций с Совнаркомом Западной области и фронта.

Белорусский областной комитет, добиваясь поддержки со стороны центральных организаций Советской власти, обещал бороться с контрреволюционной белорусской радой. Но на деле же он пошел на стовор с радой, причем это тщательно скрывалось от Советской власти. Подготовку и созыв съезда буржуазные националисты проводили без ведома и всякого контакта с существующими органами Советской власти.

Националисты все свои усилия направили на то, чтобы не допустить на съезд подлинных представителей трудящихся Белоруссии — избранников Советов рабочих и солдатских депутатов. Они разработали такую систему представительства, что на съезд не могли попасть рабочие, бедняцко-средняцкие слои крестьянства, широкие массы трудящихся.

Великая белорусская рада и Белобластком в своих воззваниях и декларациях обращались к земским и городским самоуправлениям, Советам крестьянских депутатов, ко всем белорусам — воинам, к белорусской крестьянской интеллигенции с просьбой присылать на съезд только национально сознательных, т. е. националистически настроенных «лучших людей края». Националисты с самого начала решили, как писал один из особенно ярких лидеров, «делегатов приглашать, а не избирать». Организаторы съезда

рассылали приглашения только таким организациям и партиям, которые заведомо поддерживали их контрреволюционные замыслы.

На съезд были приглашены с правом решающего голоса все члены Великой белорусской рады, Белорусской центральной войсковой рады, белорусских исполнительных комитетов фронтов, Белорусской исполнительной комиссии в Москве, депутаты Учредительного собрания от Белоруссии, руководители Белорусской громады, белорусы — члены исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов.

Приглашались на съезд представители от губернских, уездных и волостных земств, уездных и городских самоуправлений, продовольственных управ, белорусских беженских организаций и групп, союзов земских служащих и кооперативов, эсеровских крестьянских Советов и комитетов, различных мелкобуржуазных партий.

Националисты особую заботу проявили о том, чтобы обеспечить на съезде широкое представительство националистических воинских организаций. С этой целью были посланы специальные эмиссары на все фронты, в их адрес без конца направлялись телеграммы. Белорусские националистические воинские организации посылали на съезд не представителей солдат — крестьян из Белоруссии, а в основном представителей офицерства, военных чиновников, которые верховодили в белорусских войсковых радах, исполнительных комитетах.

Все эти высокопоставленные «делегаты» составили руководящее ядро съезда, и они определили направление его работы.

15 декабря 1917 года в Минске открылся «всебелорусский конгресс», созданный якобы «для решения вопроса о судьбе Белоруссии». Характеризуя его состав, националисты признавали, что съезд был в основном правоэсеровским. Они сообщали, что на съезд прибыло 1872 депутата, из них 1167 с правом решающего голоса и 705 с правом совещательного голоса. Вполне естественно, что основное представительство на съезде получили волостные земства и военные организации... Подавляющее большинство депутатов

в политическом отношении принадлежало к партии С-Р (центра и правых) и к беспартийным.

Большое число присутствующих на съезде делегатов вовсе не означало широкое представительство белорусского народа. Как правильно отмечал В. Г. Кнорин, эти делегаты, в сущности, никого, кроме себя, не представляли. Можно было собрать еще больше делегатов, если учесть, что они никем не избирались, а приглашались из числа самых разнообразных националистических организаций, беженских, военных, культурно-просветительных и других эсеровских комитетов¹⁴⁻¹⁶.

По данным анкет, которые тогда заполнялись, по сословному признаку съезд считали крестьянским. Но на нем присутствовало мало крестьян, представлявших интересы крестьянской бедноты — преобладающей массы белорусской деревни. Основная масса делегатов от крестьян — кулаки, сельские буржуа, засевшие в волостных земствах, крестьянских комитетах, продкомитетах, кооперативах, в некоторых крестьянских Советах. Были на съезде помещики, генералы, много офицеров, попы, ксендзы, представители буржуазии и буржуазной интеллигенции. Однако это не мешало националистам заявлять, что на «Всебелорусском съезде» крестьяне, рабочие и солдаты составляли 92 проц. всех делегатов. В действительности на съезде 22 проц. делегатов составляли офицеры, учителя, юристы, журналисты, ученые, которых националисты называли «трудовой» интеллигенцией. Всех их они зачисляли в состав крестьян на том основании, что они являлись «детьми крестьян»¹⁷.

По социальному составу на съезде преобладали городская и сельская буржуазия, буржуазная интеллигенция — «представители деловых, государственных учреждений», земств, военных организаций. В политическом отношении съезд состоял из представителей националистических, соглашательских, буржуазных партий¹⁸. А. Г. Червяков в книге «За Савецкую Беларусь» писал, что влияние кадетов, помещиков, вообще буржуазных элементов, хотя под видом демократических, было очень значительно на съезде.

Этот съезд «белорусским» являлся только по названию, поскольку на нем не было представителей рабочих и беднейшего крестьянства, т. е. громадного большинства населения Белоруссии. Это было собрание националистических организаций и поддерживающих их земско-городских групп, делегаты его не представляли белорусский народ. Контрреволюционно-националистические организации, которые с победой социалистической революции потеряли всякое право на существование и, следовательно, не могли считаться представительными, а тем более полномочными органами.

Для характеристики собрания националистов интерес представляет опубликованный 23 декабря 1917 года в газете «Советская правда» рассказ одного из участников съезда Георгия Фанвича, в котором дается прямо-таки фотографическое освещение начала работы съезда и состава его делегатов.

С первого же дня так называемый «Всебелорусский съезд», заседавший в Минске, говорит в рассказе, усвоил себе специфическую линию поведения. Одна часть «делегатов» предлагала открыть съезд молебном со всеми аксессуарами поповского церемониала. Другая — пением хора в белорусских национальных костюмах.

Было принято второе предложение. Помню, я пришел на съезд ровно в 8 часов. Наверху лестницы — солдат, проверяющий мандаты.

— Съезд открылся? — спрашиваю.

Солдат комически пожал плечами:

— Какое там открылся! Съехались местные рестораторы, да купцы, да генералы. Слышите — комедию ломают. Хор поет, — пояснил солдат и насмешливо улыбнулся. — Купечество гуляет!

Я показал ему удостоверение и прошел в помещение.

«Комедия» была кончена. Совет старейшин, сплошь из лисьих и хорьковых шуб да генеральских мундиров, приветствовал «Первый всебелорусский съезд». Говорили все «старейшины» — помещики, генералы. Свои довольно бессвязные речи заключали одним и тем же восклицанием:

— Няхай жыве вольная Беларусь!

Потом посыпались приветствия со стороны.

Приветствовала Украинская буржуазная рада — съезд хлопал. Приветствовал местный Бунд — съезд хлопал. Приветствовал какой-то тупой саботажник из Земского союза, оставшийся без работы и искавший помощи и содействия у белорусских «делегатов», — съезд хлопал. Съезд, надо отдать ему справедливость, хлопал всем, кто бы ни говорил: меньшевикам, кадетам и другим. И только однажды, когда выступил оратор латышской с.-д. партии, предложивший заменить ало-голубое знамя знаменем Интернационала, «делегаты» подняли такой гвалт, такую суматоху, что упаси только мать-царица небесная!

Рассказ заканчивался выводом: «Совершенно естественно, что не только «передача власти» такому сборищу, но и допущение развития его самозванных действий являлось бы тягчайшим преступлением, прежде всего, перед тем же белорусским трудовым народом».

С самого начала работы съезда националисты пошли на открытое выступление против Советов. Съезд объявил о переходе в его руки всей власти на территорию Белоруссии. Поскольку сборище состояло из тенденционно подобранных делегатов, то антисоветское его действие не встретило должного отпора. Участники спорили лишь между собой: сторонники немедленного провозглашения независимой белорусской республики со сторонниками временного (до созыва белорусского Учредительного собрания) установления белорусской автономии на основе федерации с Россией.

Чтобы скрыть контрреволюционный характер своих замыслов, участники этого сумасбродного «форума» не решились открыто высказаться против Советской власти в целом. Прикрываясь демагогическими фразами о признании Советской власти в центре России и о желании установить контакт с Советским правительством в Петрограде, съезд высказался против установления Советской власти в Белоруссии, отказался признать Облискомзап и Совет Народных Комиссаров, избранные съездами Советов Белоруссии.

Выдавая самозванный съезд за законодательное национальное собрание, националисты, используя печать, писали, что съезд принял резолюцию об утверждении в пределах белорусской земли республиканского строя, о неделимости Белоруссии и закреплении за ее гражданами основных прав, завоеванных революцией.

Небезызвестный националист Е. Канчер подчеркивал, что в Белоруссии утверждается отныне «демократический республиканский строй», что съезд «17 декабря 1917 г. закрепил за белорусской землей именно демократический, а не какой-либо другой государственный строй». Другими словами, по мнению Е. Канчера, съезд высказался за буржуазно-демократический строй против диктатуры пролетариата.

Первый основной пункт принятой съездом резолюции гласил: «Немедленно образовать из своего состава орган краевой власти в лице Всебелорусского Совета крестьянских, солдатских, рабочих депутатов, который временно становится во главе управления краем, вступая в деловые сношения с центральной властью, ответственной перед Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»¹⁹⁻²⁰.

При внимательном чтении лишь одного этого пункта резолюции бросаются в глаза его внутренние противоречия и полное несоответствие формулировок их содержания. Здесь и образование власти в лице Всебелорусского совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов из состава съезда, на котором не был представлен ни один из действовавших на территории Белоруссии Советов. Здесь и туманная формулировка относительно вступления «в деловые сношения с центральной властью», которая ничего не говорит о характере взаимоотношений национальной власти с центральной.

Четвертый пункт предоставил окончательное решение судьбы белорусского народа национальному Учредительному собранию. Другими словами, провозглашение в первом пункте власти «Всебелорусского Совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов», а также и неотделимость от России определяют государственный строй Белоруссии лишь на

короткое время. Учредительное же собрание может установить любой другой строй, до монархии включительно, отделиться от России.

Седьмой пункт говорил о немедленной организации территориальных белорусских войск; восьмой — об установлении дипломатических представительств как при центральной власти, так и при всех других республиках Российской Федерации (даже при тех, которые находятся в состоянии войны с центральной Советской властью); о самостоятельном участии в мирных переговорах в Брест-Литовске. Резолюция совершенно обходит молчанием вопрос о взаимоотношениях с областными и местными органами Советской власти Белоруссии²¹.

Все пункты резолюции, кроме первого, представляли собой наказ «Всебелорусскому Совету», в котором определены его права, обязанности и ближайшие задачи. В основе работы Совета, согласно наказу, должны лежать постановления, принятые съездом. Для решения текущих вопросов управления Белоруссией Совету поручалось созвать II Всебелорусский съезд, принять меры к скорейшему созыву белорусского Учредительного собрания, которое и должно окончательно решить судьбу белорусского народа.

Контрреволюционные замыслы съезда националистов ясно видны из пункта наказа, в котором говорилось, что «Совет своим возникновением сосредоточивает в себе все функции ответственного управления, тем заменяет обязанности, доселе выполняемые отдельными организациями»²², т. е. существующими органами Советской власти. Таким образом, съезд выступил против Совета Народных Комиссаров Западной области и фронта, заявив о полном переходе власти в белорусском крае в руки созданного им «Всебелорусского Совета». Националистическая газета «Грамадзянін» 20 января 1919 года писала, что на съезде была предложена резолюция «Об упразднении облискомзапа».

Контрреволюционная направленность съезда националистов отчетливо видна из пункта наказа, в котором брались под защиту старые органы земского и городского самоуправления и совершенно игнори-

ровались повсеместно существующие на территории Белоруссии Советы. «Совет обеспечивает,— говорилось в наказе (имеется в виду Совет, избранный на съезде.— С. П.),— правильную и плодотворную работу местных демократических органов земского и городского управления»²³. И ни слова не сказано о Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Следовательно, Всебелорусский Совет, по мнению националистов, должен был опираться на отжившие, превратившиеся в контрреволюционные очаги земства, думы, управы, и совершенно игнорировались созданные широкими трудящимися массами подлинные органы новой власти — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Советская власть в Белоруссии, опираясь на широчайшие массы рабочих, солдат, беднейшего крестьянства, не позволила, чтобы кучка оторвавшихся от народа и не пользующихся их поддержкой националистов осуществила решение о присвоении себе государственной власти. Усматривая в принятом съездом решении явный и открытый поход против Советской власти, видя, что всякая попытка проведения его в жизнь может нанести большой ущерб делу социалистической революции, Совет Народных Комиссаров Западной области и фронта по воле рабочих и крестьян 16 декабря 1917 года принял постановление, которое гласило: «Так называемый Всебелорусский съезд объявить распущенным и принять меры к ликвидации вновь возникающей контрреволюционной авантюры»²⁴.

В ночь на 18 декабря начальник минского гарнизона Н. И. Кривошеин и член Совнаркома Западной области и фронта Л. П. Резауский явились в помещение, где заседал съезд, и от имени Совета Народных Комиссаров Западной области и фронта объявили съезд распущенным. После разъяснения причин такого решения делегаты от крестьян, обманутые националистами, заявив о полном согласии с принятыми органами Советской власти мерами, тут же покинули съезд.

В связи с тем что часть руководителей съезда пыталась воспрепятствовать проведению в исполнение постановления СНК, Н. И. Кривошеин вынужден

был распорядиться о задержании членов президиума съезда и удалении из зала группы делегатов, учинивших скандал. Отдельные организаторы этого собрания, ярые противники Советской власти, были арестованы. В числе арестованных были такие заядлые националисты, как И. Н. Середя — председатель съезда, он же председатель исполкома Белорусской войсковой рады, А. Т. Вязило — председатель Быховского уездного земства, А. В. Шевчук — председатель белорусского исполнительного комитета воинов петроградского гарнизона и его окрестностей, Л. О. Колядо, И. Я. Воронко, Р. Н. Островский, И. А. Мамонько и другие — всего 27 человек²⁵. Многим активным деятелям «конгресса» было предложено в течение 24 часов покинуть пределы Белоруссии.

Этот акт СНК Западной области и фронта был с одобрением встречен трудящимися. Однако буржуазно-националистическое большинство съезда пыталось не подчиниться решению Советской власти. Многие ярые националисты стали на путь подпольной контрреволюционной работы. Уже утром 18 декабря, собравшись в железнодорожном депо Либаво-Роменской железной дороги, устроили закрытое заседание съезда, на котором приняли решение «не признавать власть насильников и призвать весь белорусский народ вступить на путь открытой и решительной борьбы с представителями этой власти в городе Минске»²⁶.

21 декабря в Минске состоялось конспиративное собрание националистов, обсудившее вопрос о разгоне съезда. Было принято постановление: «Труды съезда собрать и послать во все волости, Советы и другие демократические организации, на фронт, а также опубликовать во всех газетах».

В тот же день Совет съезда на заседании принял решение выделить из своего состава Исполнительный комитет I Всебелорусского съезда, обязать этот комитет «принять на себя функции исполнительной власти в Белоруссии в момент, когда называют к тому события и будет реальная сила для гарантии существования этой власти»²⁷.

Далее в решении говорилось, что место нахождения Исполнительного комитета не подлежит оглашению и устанавливается им самим. Исполнительному комитету поручалось «немедленно заняться белоруссизацией Советов на местах».

Роспуск сборища националистов, опрокинувший надежды, которые на него возлагали все контрреволюционные элементы белорусского края, сразу же был ими широко использован для усиления борьбы против Советской власти, дискредитации существующих советских органов Белоруссии. В местной и центральной эсеровской печати началась бешеная травля большевиков, распространялись о них клеветнические измышления. В эсеровской газете «Дело народа» запрет съезда изображался довольно превратно. Националисты писали, что в ночь с 17 на 18 декабря первый белорусский съезд в Минске был разогнан толпой солдат под руководством начальника гарнизона Кривошеина за то, что вынес резолюцию о краевой белорусской власти. На заседание съезда, сообщали они, были введены солдаты, которые пустили в ход приклады. А участники съезда устроили баррикаду и, несмотря на одолевавших большевиков, «вынесли резолюцию о непризнании большевистской власти и выделили совет съезда, которому и поручили дальнейшую работу»²⁸.

После запрета «конгресса» националистов Белорусская рада обратилась ко всем националистическим организациям фронтов, губернским, уездным и волостным земствам, редакциям газет, Учредительному собранию, ЦК партии эсеров, Центральной Украинской раде с призывом выразить протест против разгона съезда, не признавать власти Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и призвала белорусский народ вести решительную борьбу с СНК Западной области и фронта.

Одновременно националисты делали попытку апеллировать к III Всероссийскому съезду Советов. Группа «социалистов-белорусов» решила выступить на съезде против национальной политики Советской власти. Ее представитель Ф. Гриб на заседании съезда 12 января 1918 года заявил протест против разгона минскими большевиками «Всебелорус-

ского конгресса», обвинил Совет Народных Комиссаров Западной области и фронта в самоуправстве, якобы незаконных действиях по отношению к делегатам съезда. Белорусские националисты под видом защиты национальных прав протаскивали идею передачи власти Учредительному собранию.

Но речи и требования белорусских националистов не встретили поддержки делегатов съезда. В протоколе заседания съезда записано, что Гриб был встречен «крайне неприветливо», так как позиция, которую он занял, «конечно, не согласована с позицией белорусского пролетариата», что речь его прерывалась негодующими возгласами: «самозванец», «ложь», «долой калединца»²⁹.

Делегаты III Всероссийского съезда Советов от Белоруссии с негодованием выступили против националистов, пытавшихся выдать себя за единственных представителей белорусского народа, заявили, что националисты не имеют ни малейшего права представлять белорусский народ и говорить от его имени. В заявлении-протесте, оглашенном на заседании съезда Советов, со всей силой подчеркивалось, что белорусский народ не уполномочивал этих самозванных «белорусских социалистов», и они не могут говорить от его имени или делать какие-либо заявления против политики Советской власти.

III Всероссийский съезд Советов осудил действия белорусских националистов, направленные на борьбу против Советской власти, против диктатуры пролетариата.

Чтобы разъяснить широким трудовым массам действительные причины, побудившие Советскую власть распустить «Всебелорусский съезд», Совет Народных Комиссаров Западной области и фронта в газете «Советская правда» 21 декабря 1917 года опубликовал подробное сообщение. В нем извещалось, что активные организаторы — националисты, эсеры, явные и скрытые душители революции — потерпели полное поражение на всех съездах Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, что от них отмежевались все истинные демократические и революционные элементы Белоруссии. «Играя темную игру национальной политики, — подчеркивалось в

сообщении, — эти господа старались провести свою программу низложения Советской власти».

В целях окончательного разоблачения контрреволюционной сути деятельности белорусских буржуазных националистов Совет Народных Комиссаров Западной области и фронта выступил со специальным сообщением, в котором заявил, что он и впредь будет самым решительным образом бороться против всяких попыток контрреволюционных элементов расколоть ряды революционного народа. «Эта борьба, — подчеркивал СНК, — не против трудового народа Белоруссии, который единственно имеет право решать вопрос о национальном самоопределении и только сам народ может решить его правильно в интересах трудового крестьянства и рабочих, а против русской и белорусской буржуазии, пытающейся обмануть и поработить трудовые массы всякими прямыми и обходными путями и способами. Мы уверены, что белорусский народ с нами, ибо его интересы — это наши интересы, его враги — наши враги. Мы уверены, что белорусский народ, настоящий трудовой народ... поддержит здесь в крае те организации Советской власти, которые созданы при его же участии».

В заключение этого документа Совет Народных Комиссаров выразил уверенность в том, что все происки контрреволюции и лжесоциалистов обречены на неудачу, что народ разберется, где его враги, где его друзья, и не даст себя обмануть, будет самоотверженно бороться за новую, счастливую жизнь для трудящихся всех национальностей.

Рабочие, солдаты и трудящиеся крестьяне Белоруссии повсеместно приветствовали этот акт Советской власти, решительно выступали против контрреволюционных действий белорусских буржуазных националистов, стремившихся оторвать Белоруссию от Советской России, помешать упрочению в Белоруссии Советской власти.

На губернских и уездных съездах Советов, собраниях рабочих и крестьян принимались постановления, осуждающие коварные происки Белорусской рады. Отбрасывая злобную клевету националистов, трудящиеся решительно высказывались за поддержку Советской власти. В резолюции III крестьянского

съезда Минской и Виленской губерний говорилось, например, что Белоруссия составляет нераздельное целое великой революционной России, а поэтому и к «конгрессу» белорусов, самочинно созванному Белорусской радой, крестьянский съезд относится отрицательно.

Витебский губернский съезд Советов, проходивший в дни заседания «белорусского конгресса», решительно осудил действия националистов и признал единственной властью Белоруссии власть рабочих и трудящихся крестьян, Советскую власть. Все делегаты единодушно высказались за то, чтобы «самочинная Белорусская рада была предана народно-революционному суду»³⁰.

IV Могилевский губернский съезд крестьянских депутатов, обсудив доклад о «всебелорусском конгрессе», резко протестовал против «самозванных белорусских рад и громад» и высказался за «безусловную неразрывность, неотторжимость Белоруссии от матери-России»³¹.

Граждане Ряснянской волости Могилевской губернии после возвращения своего делегата со «всебелорусского конгресса» обсудили на своем собрании доклад о роспуске этого съезда и приняли решение, в котором было записано: «Вся Ряснянская волость всеми силами поддерживает Петроградский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и обещает все время идти рука об руку с народными комиссарами, пока последние будут защищать интересы всего трудового народа, и вторично на съезд Белорусской рады делегатов от Ряснянской волости не посылать»³².

Общее собрание крестьян села Кривичи единогласно потребовало, чтобы «самочинная Белорусская рада была предана народно-революционному суду... Высшей краевой властью должна быть только власть Советов»³³.

За полное доверие Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, как истинно народной власти, высказались крестьянские съезды Слуцкого и Оршанского уездов. В принятой резолюции Оршанского съезда подчеркивалось, например, что «всякие попытки отделения Белоруссии от остальной России

в момент социальной революции считать контрреволюционными и объявить самую решительную, самую беспощадную борьбу белорусской буржуазии и ее раде, признать и поддерживать на местах и в центре только власть Советов... как единственных выразителей воли большинства населения».

«Мы категорически протестуем против какого бы то ни было дробления по национальностям и против отделения Белоруссии от остальной Российской республики», — писали крестьяне Миласловичской волости Климовичского уезда в наказе делегатам на IV Могилевский губернский крестьянский съезд.

Аналогичные решения, решительно осуждающие самозванных «представителей» белорусского народа, принимались повсеместно. В адрес партийных и советских органов, редакций советских газет поступало много писем от рабочих, крестьян и солдат, в которых они выражали свое возмущение контрреволюционными действиями Белорусской рады и требовали принятия срочных мер для их пресечения.

Так в письме, адресованном в редакцию «Советской правды», говорилось: «Уважаемый редактор! Не откажите поместить в вашей уважаемой газете «Советская правда» несколько слов о Белорусской раде... Мы, крестьяне... дер. Межилесье и с. Ольницы (Глусской волости Бобруйского уезда. — С. П.), протестуем против руководителей Белорусской рады и не позволим никому, если бы даже дело дошло вплоть до вооруженной силы, играть нашей судьбой в такое время...»

Письмо заканчивалось словами: «Берегитесь, товарищи крестьяне, Белорусской самозванной рады и тех, кто ее организует. Они ведь заседали не по почину народа, а по почину своему, так как их никто не собирал в гор. Минск обсуждать белорусские народные интересы. Эта кучка буржуазии не даст нам, белорусам, ни свободы, ни мира, ни хлеба»³⁴.

Все трудящиеся Белоруссии решительно осудили коварные замыслы бужуазных националистов. Контрреволюционеры между тем не унимались, не складывали оружия. Подпольным центром антисоветской борьбы стал «Исполнительный комитет Совета съез-

да» во главе с ярким националистом Иосифом Воронко. Отсюда распространялась гнусная клевета на партийные и советские органы Белоруссии, фабриковалась лживая информация для буржуазной прессы о положении в Минске и других местах. Исполнительный комитет Совета съезда, выдавая себя за временный орган власти — «нелегальное белорусское правительство», выпускал антисоветские воззвания, устанавливал связь со всеми контрреволюционными организациями.

9 января 1918 года И. Воронко в письме своему коллеге писал: «Со времени нашего съезда я был дважды арестован большевиками как председатель исполнительного комитета совета съезда. Подробности Вы узнаете из посылаемого при сем материала и газет.

В Минске мы ведем напряженную борьбу с большевиками за власть. Наш съезд сильно пошатал престиж власти насильников в стране. Все наше внимание устремлено на создание новой власти — Белорусской народной республики».

Только явное отсутствие поддержки в широких слоях народа удерживало националистов от выступления против Советской власти с оружием в руках, хотя вопрос «о борьбе и об организации переворота» не переставал занимать главарей националистов.

Националисты пошли на активное сотрудничество с контрреволюционным командованием корпуса Довбор-Мусницкого, поднявшего мятеж против Советской власти, поддерживали тесные связи с буржуазной Украинской радой и донской казачьей контрреволюцией. При содействии Петлюры белорусские националисты стремились создать вооруженные силы для борьбы с большевиками на Румынском и Юго-Западном фронтах, ведя среди воинов-белорусов антисоветскую агитацию.

Большевики Белоруссии разоблачали националистов как изменников и контрреволюционеров, предающих интересы трудящихся. Решительные меры принимали и органы Советской власти. По распоряжению Совета Народных Комиссаров Западной области и фронта за контрреволюционную антисоветскую агитацию была закрыта газета «Белорусская рада»,

а Белорусская центральная войсковая рада была распущена, некоторые ее руководители 27 января 1918 года были арестованы³⁵. При обыске во время ареста в помещении рады была обнаружена обширная переписка, свидетельствующая о постоянных сношениях рады со штабом польского корпуса Довбор-Мусницкого и о том, что войсковая рада оказывала корпусу открытую поддержку, активную помощь в подготовке к мятежу и в организации всех его контрреволюционных выступлений против Советской власти.

Совет Народных Комиссаров Западной области и фронта 30 января 1918 года обратился к белорусскому народу с воззванием, разоблачающим связь белорусских буржуазных националистов с украинскими и польскими контрреволюционерами. Приведем некоторые выдержки из воззвания, опубликованного 31 января 1918 года в газете «Советская правда»:

«Товарищи и граждане! Вы поймите, как обрушились все буржуазные и право-социалистические газеты на Совет Народных Комиссаров Западной области и фронта за разгон того съезда, который был созван в Минске белорусскими кадетами, представителями буржуазии и тех политических партий, которые хотят использовать темноту и невежество народных масс для свержения народной Советской власти и порабощения народа. Нас упрекали в посягательстве на право народов, в частности, на право белорусского народа на самоопределение. Когда мы разоблачали эту ложь, нам многие не верили. Сейчас нами документально установлена самая тесная связь членов так называемой Белорусской центральной войсковой рады, белорусских националистов с украинскими и польскими контрреволюционерами, душителями свободы польского и украинского народа.

Белорусские националисты,— подчеркивалось далее в воззвании,—нагло обманывали вас и предали интересы белорусского народа. Вы видите, что эти лжесоциалисты и народники продались польским и украинским помещикам, юнкерам, калединцам и контрреволюционерам. Часть этих контрреволюционеров и предателей арестована, но многие из них,

к сожалению, успели скрыться и продолжают свою предательскую извращенную работу. Совет Народных Комиссаров Западной области и фронта принял все меры к аресту этих лиц и преданию их суду военно-революционного трибунала. Мы уверены, что белорусский народ теперь одобрит все действия своей краевой белорусской Советской власти по отношению ко всем этим предателям народных интересов. Маски с них сорваны. Теперь очередь за судом. И строгий, справедливый революционный суд народа по заслугам воздаст за их дела».

Таким образом, белорусские буржуазные националисты были еще раз до конца разоблачены. Все их попытки свергнуть Советскую власть провалились. Трудящиеся Белоруссии повсеместно осудили националистов как изменников белорусского народа.

3. ВМЕСТЕ С ИНТЕРВЕНТАМИ

Избежавшие ареста главари националистов, уйдя в подполье, стали выжидать удобного момента для новых выступлений против Советской власти. Такой момент настал, когда германские империалисты, вероломно нарушившие 18 февраля 1918 года условия перемирия, повели наступление своих войск на молодую Советскую республику по всему русско-германскому фронту. Германская армия в составе 52 дивизий и 13 бригад начала двигаться в глубь нашей страны.

Остатки старой русской армии не могли сдержать натиск кайзеровских войск и спешно отступали. Уже к вечеру 18 февраля передовые части немцев были у Молодечно, создав непосредственную угрозу Минску. Вместе с немецкими войсками в Белоруссии выступали части недобитого польского контрреволюционного корпуса под командованием генерала Довбор-Мусницкого.

Учитывая создавшиеся обстоятельства, Совет Народных Комиссаров Западной области и фронта 19

февраля решил эвакуировать из Минска советские и партийные учреждения, штаб фронта в Смоленск с тем, чтобы собрать силы для отпора врагу. В ночь на 20 февраля СНК и частично штаб фронта покинули Минск. Днем в Минск ворвались легионеры польского корпуса. 21 февраля в 3 часа дня город был занят германскими войсками.

Продолжая широким фронтом движение на восток, оккупационным войскам вскоре удалось захватить огромную советскую территорию, в том числе белорусские города Полоцк, Борисов, Осиповичи, Бобруйск, Жлобин, Гомель и другие. К началу марта 1918 года войска немецких интервентов оккупировали большую часть Белоруссии.

В то время как трудящиеся по зову партии большевиков поднимались на священную войну против войск германского империализма, белорусские националисты, предавая свой народ, стали прямыми пособниками интервентов. С первых до последних дней немецкой оккупации они выступали в качестве активных прислужников врагов.

Действовавшие нелегально еще до прихода немцев, националисты в Минске создали вооруженные банды, которые пытались помешать эвакуации советских учреждений и вывозу материальных ценностей. С приближением кайзеровских полчищ они стали вылезать из своих контрреволюционных нор.

Вступив в блок с соглашательскими партиями эсеров и меньшевиков, с Бундом и Поалей-Ционом, главари белорусских националистов 19 февраля 1918 года, еще до занятия немецкими войсками Минска, от имени упоминавшегося выше «всебелорусского конгресса», разогнанного советскими властями в декабре 1917 года, организовали контрреволюционное марионеточное «правительство» — «Народный секретариат Белоруссии». В его состав вошла кучка реакционеров, ярых врагов Советской власти, сторонников реставрации буржуазно-помещичьего строя в Белоруссии. В состав секретариата входили юристы, публицисты, агрономы, врачи. И ни одного рабочего. По преимуществу, это были члены Белорусской социалистической громады (И. Воронко, А. Смолич, П. Бодунова, П. Кричевский, К. Езовитов, Ф. Гриб),

правые эсеры (И. Середа, Е. Белевич, Г. Белкинд, П. Злобин, И. Макреев), представители еврейских националистических партий.

«Народный секретариат», сообщая о начале своей деятельности, объявил недействительными все декреты Совета Народных Комиссаров Западной области и фронта. Впредь до установления «Белорусской народной республики» всем организациям предлагалось руководствоваться законами бывшего Временного правительства Керенского.

В действительности власть «Народного секретариата» была призрачной, с ней фактически никто не считался. Больше всего она была озабочена тем, чтобы обеспечить со стороны населения «лояльную встречу» немецких захватчиков. Назначенный 20 февраля «Народным секретариатом» комендант города Минска, один из главарей националистов К. Езовитов, в приказе № 1 требовал от населения «сохранять полное спокойствие и выдержку. Наступающая немецкая армия должна увидеть протекающую мирную жизнь населения, не желающего продолжать безумной войны»³⁶.

Из этого явствует, что националисты призывали жителей Минска не сопротивляться врагу, целиком подчиниться оккупантам.

Как говорилось выше, 21 февраля в Минск вступили немецкие войска. Их торжественно встретили националисты. С приветственными речами при встрече от имени Белорусской рады выступили П. Алексюк и Р. Скирмунт, которые заверили немецкое командование, что они готовы оказать ему любую помощь в борьбе с большевиками. Член «Народного секретариата» И. Воронко сразу же был принят представителем германского командования.

В тот же день националисты обратились к белорусскому народу с так называемой «Уставной грамотой». В ней демагогически заявлялось, что созданный ими «Народный секретариат» будет защищать завоевания революции. Это была попытка прикрыться революционной фразой. В действительности же делалось все возможное, чтобы восстановить старые буржуазные порядки, закабалить белорусский народ,

выслужиться перед своими хозяевами — немецкими империалистами.

23 февраля делегация «Народного секретариата» в составе Воронко, Езовитова, Смолича и Гутмана поспешила на поклон к немецкому генералу выразить свою лояльность новой власти.

И все же оккупанты, несмотря на подлизывание националистов, не стали считаться с их марионеточным «правительством». Этому свидетельствует хотя бы тот факт, что 25 февраля в помещение народного секретариата явился с отрядом солдат германский комендант и, не предъявив никакого письменного ордера, занял это помещение, удалив членов секретариата и сняв белорусский флаг³⁷.

После этой скандальной истории главари националистов еще больше начали раболепствовать перед оккупантами, всячески пытаясь приспособиться к ним. Они с необычайным рвением клеветали на Советскую власть, обливали грязью русский народ, искажали историческое прошлое. Националистическая пресса заговорила о конце «братского единства славянских народов России», открыто требовала отбросить всякие мысли о связи с Россией, где господствует «большевистская анархия», и связать судьбу с немецким порядком, всячески восхваляла его³⁸⁻³⁹.

Вместе с тем националисты стремились создать видимость самостоятельности. Немедленно были организованы управления краем, восстановлена в правах распущенная советскими органами Минская городская дума. К работе в ней привлекли видных земских деятелей. Созывался ряд различных технических и других совещаний. Все это, по мнению националистов, должно было зародить в умах утомленного населения надежду, что пора политического безвременья миновала, что пришел, наконец, на Белоруссию к власти настоящий ее хозяин.

Националисты восстановили также распущенную органами Советской власти Белорусскую центральную войсковую раду, а 9 марта 1918 года они вкуче с меньшевиками, эсерами, бундовцами под покровительством немецких оккупационных властей провозгласили контрреволюционную раду Белорусской на-

родной республики (БНР). В нее вошли представители «Белорусской социалистической громады», известные националисты И. Н. Середа — председатель рады, И. Я. Воронко — председатель «Народного секретариата Белорусской народной республики», Р. Скирмунт, П. Алексюк, К. Езовитов, А. Смолич, Р. Островский, Е. Белевич и другие ⁴⁰.

Вскоре рада БНР пополнилась представителями земств и городских самоуправлений. Несколько позже, в апреле, в ее состав вошли генерал К. Кондратович, протоиерей Кульчинский, ксендз Годлевский и другие. Как и раньше, она состояла из националистов, правых эсеров и меньшевиков всех оттенков. Абсолютное большинство в раде БНР имела своих представителей Белорусская социалистическая громада.

Все действия этого нового «правительства» были направлены на то, чтобы выполнить требования меньшевиков и буржуазии. В этих целях националисты сделали следующий шаг по пути предательства народных интересов. 25 марта 1918 года рада Белорусской народной республики приняла новую, третью по счету, «Уставную грамоту», в которой она провозгласила «независимость Белоруссии и призвала белорусский народ отказаться от Советской власти.

Выдавая себя за «правомочных представителей белорусского народа», буржуазные националисты нагло заявили, что с провозглашением ими рады Белорусской народной республики Белоруссия окончательно отделяется от России. В связи с этим рада разослала радиogramмы правительствам иностранных государств с просьбой о признании ее и установлении с ней дипломатических отношений.

Вместе с тем Белорусская рада спешила договориться с контрреволюционной Центральной Украинской радой и буржуазными националистами Латвии, Литвы и Эстонии о совместной борьбе против Советской власти. Для ведения переговоров между Белорусской и Украинской радами в апреле 1918 года в Киев выезжала делегация в составе А. Цвикевича и Довнар-Запольского. В наказе этой делегации говорилось:

1. Делегация официально извещает Украинскую народную республику об объявлении Белоруссии народной республикой.

2. Делегация улаживает об обмене представительствами между Белорусской и Украинской народными республиками.

Делегации поручалось также рассмотреть вопрос о возможности получения займа на Украине для Белорусской народной республики⁴¹.

Вскоре Украинская рада выдала такой заем в сумме 30 000 рублей. В Киеве было создано консульство Белорусской рады. Консулом являлся известный буржуазный националист Павел Тремпович. В свою очередь Украинская рада назначила своим консулом в Минске А. М. Квасницкого. Кроме того, Белорусской радой было установлено представительство при правительстве Румынии и Молдавии. Официальным представителем назначили Павла Манцевича.

Буржуазные националисты всеми силами старались использовать оккупацию Белоруссии немецкой армией для того, чтобы отторгнуть ее от Советской России, реставрировать буржуазно-помещичий строй. Рабелепствуя перед иностранными интервентами, они искали у них защиту и помощь в осуществлении своих антинародных замыслов.

Об этом свидетельствует, например, направленный 6 апреля 1918 года так называемым «Народным секретариатом Белорусской народной республики» германскому имперскому канцлеру специальный меморандум. Излагая в нем основные мероприятия, проводимые радой, белорусские националисты выражали уверенность, что германское правительство полностью одобрит их. «Народный секретариат Белорусской народной республики» выражает свою уверенность, — подчеркивалось в меморандуме, — что в этом направлении он встретит сочувствие германского правительства и благодаря этому достигнет своей главной национальной цели — государственного объединения белорусского народа»⁴².

Аналогичный меморандум был направлен и австрийскому правительству. Выдавая себя за «правомочных представителей белорусского народа», предатели нагло заявляли, что провозглашением ими рады

Белорусской народной республики Белоруссия окончательно отделяется от России. Обращаясь к австрийскому правительству, они писали, что «Белоруссия всегда смотрела и смотрит на Австрию как на великую славянскую монархию, в которой жизнь славян выражается в наиболее подходящей форме и находит национальное признание и что поэтому белорусское правительство и народ может найти в Австрии своего естественного союзника и покровителя»⁴³.

Буржуазные националисты без зазрения совести, по-холопски, благодарили немецких интервентов за «освобождение», т. е. оккупацию Белоруссии. 25 апреля 1918 года от имени Белорусской рады за подписью И. Середы — президента рады, И. Воронко — президента секретариата, А. Овсяника, П. А. Алексюка, П. Кричевского, И. Лесика была направлена постыдная телеграмма германскому императору, кровавому кайзеру Вильгельму следующего содержания:

«Рада Белорусской народной республики, как выборная представительница белорусского народа, обращается к Вашему императорскому Величеству со словами глубокой благодарности за освобождение Белоруссии немецкими войсками из тяжелого чужого гнета, насилия и анархии.

Рада Белорусской народной республики декларировала независимость единой и неделимой Белоруссии и просит Ваше императорское Величество оборонить в ее притязаниях до создания государственной независимости и неделимости края в союзе с Германской империей.

Только под покровительством германского государства видит рада хорошую долю своей стороны в будущем»⁴⁴.

Это лакейское послание наглядно показало истинное лицо белорусских буржуазных националистов, как верных слуг немецких империалистов. Самозванная Белорусская рада, вызвавшая к себе всеобщую ненависть народа, своей открытой службой немецким оккупантам искала покровительства и защиты у злейшего врага трудящихся, обрекавшего край на ограбление и опустошение. Позорное иго, принесшее белорусскому народу неисчислимые страдания, на-

ционалисты называли «назависимостью» и «хорошей» долей будущего.

Свидетельством того, что «Народный секретариат Белорусской народной республики», разыгравший из себя правительство «независимой» Белоруссии, был марионеткой в руках германских империалистов, является и следующий документ, озаглавленный «Прием Народного секретариата генералом фон Фалькенгеймом». В нем говорится, что 27 мая 1918 года в Минске, в помещении Дворянского собрания состоялась беседа с руководителями Белорусской рады И. Воронко, И. Середой, А. Овсяником и П. Алексюком. Генерал гостеприимно приветствовал их и выразил уверенность, что рада и впредь будет работать в контакте с немецкими властями. Германское правительство, подчеркнул он, всячески примет во внимание стремление «Народного секретариата» и рады жить в согласии и дружбе с германской державой, что «в недалеком будущем даст Белоруссии желательные положительные результаты»⁴⁵.

В ответной речи И. Воронко, поблагодарив за такое любезное пожелание, сказал: «Мы, белорусы, примем, как и уже принимаем, все меры к установлению мирных взаимоотношений белорусского народа и германских войск».

После приема начальник штаба германских войск генерал фон Штапф пригласил представителей Белорусской рады к себе в кабинет для деловой беседы, касающейся совместной работы, взаимоотношений, новых планов «Народного секретариата» и рады. Несколько позже, 21 июня 1918 года, председатель «Народного секретариата» И. Воронко имел 2-часовую беседу с тем же генералом фон Штапфом по вопросам текущего момента, в результате была выяснена «желательность и согласие» германского командования на назначение по всей Белоруссии особых советников при германских военных комендантах для урегулирования взаимоотношений населения с германскими войсками.

Вскоре националисты назначили уездных старшин при каждом немецком коменданте, которые должны были работать в полном согласии с германскими оккупационными властями.

Все это еще раз убедительно доказывает, что Белорусская рада являлась марионеткой в руках германских империалистов, что все ее члены представляли собой послушных лакеев интервентов. Белорусские буржуазные националисты разоблачили себя перед всем народом как предатели интересов трудящихся, и никакими фразами о демократическом строе и независимости Белоруссии нельзя было прикрыть их контрреволюционную деятельность. Эти презренные враги трудящихся целиком и полностью находились на службе у немецких захватчиков и вместе с ними проводили в жизнь кровавый оккупационный режим грабежа и насилия.

Белорусские националисты открыто помогали, чтобы германские войска оккупировали и восточную часть Белоруссии якобы «для организации здесь независимого государственного существования». В апреле 1918 года А. Цвикевич, В. Довнар-Запольский и П. Тремпович через немецкого посла при Украинской Центральной раде обратились от имени Белорусской рады к германскому правительству с письмом, в котором писали: «Мы просили бы установления с местными немецкими властями таких отношений, при которых наше правительство могло бы организовать свои силы для установления своей власти в восточной части Белоруссии, ныне занятой большевиками»⁴⁶.

Немецкие интервенты использовали эти просьбы в своих интересах, всюду заявляли, что они занимают белорусские земли по просьбе жителей этих земель. В связи с проходящими весной и летом 1918 года переговорами Советской России и Германии относительно демаркационной линии националисты составляли фальшивки с просьбами от имени населения оккупировать свободные белорусские территории.

Коммунисты Белоруссии решительно разоблачали истинные империалистические цели немецких интервентов и коварные замыслы их пособников — буржуазных националистов. Состоявшийся в апреле 1918 года II съезд Советов Западной области выступил с протестом против антинародной деятельности белорусских националистов и призвал трудящихся

беспощадно бороться с контрреволюционной Белорусской радой.

В своем обращении к рабочим и крестьянам съезд указал, что враги Советской власти — помещики вместе с предателями революции — меньшевиками и эсерами, создав контрреволюционную раду, желают разобщить белорусских рабочих и крестьян, сплотившихся вокруг Советов и крепко державших знамя Советской республики. В обращении подчеркивалось, что Белорусская рада замышляет дьявольский план предательства трудящихся масс, оставшихся в оккупированном немцами крае, она жаждет захватить власть в свои руки, создать под покровительством Германии национальное буржуазное государство, превратить белорусских тружеников в рабов германских, польских и белорусских помещиков. Не опираясь ни на одного рабочего, ни на одного вообще честного гражданина, говорилось в обращении, буржуазная рада выдает себя за подлинное представительство широких масс, населяющих Белоруссию, и в интересах помещиков делает черное дело измены и предательства.

В заключительной части обращения II съезд Советов Западной области призвал трудящихся клеймить презрением позорные замыслы и действия Белорусской рады, которая представляет собой группы буржуазных наймитов-самозванцев, а не народных представителей. Народы Белоруссии не придадут никакого значения тем шагам и обязательствам, которые будут сделаны или заключены от их имени Белорусской радой.

Съезд Советов заявил всему миру, что белорусские пролетарии не отделяют себя от Федеративной Советской Социалистической Республики, от рабочих и крестьян всей России, и выразил непоколебимую уверенность в том, что близок час освобождения тружеников Белоруссии, которые сольются в одну братскую семью со всей рабоче-крестьянской Россией.

Многочисленные документы того времени ярко подтверждают непреклонную волю белорусского народа на вечные времена быть в дружной братской семье с великим русским народом и вести беспощад-

ную борьбу против превращения Белоруссии в колонию империализма. На митингах и собраниях, проводившихся весной и летом 1918 года по инициативе большевистских партийных организаций, трудящиеся единодушно принимали резолюции, клеймящие позором белорусских буржуазных националистов, поддерживавших злодейские планы германских оккупантов, в которых преследовалась цель — отторгнуть Белоруссию от Советской России и поставить белорусский народ под ярмо немецких империалистов. Белорусский народ заявил категорическое «нет» предательской политике самозванной рады и притязаниям германского империализма.

Приведем некоторые из этих резолюций.

Делегаты Бешенковичского уездного съезда Советов, состоявшегося 15 июня 1918 года, постановили, «во-первых, выразить свой горячий протест против той бесстыдной и гнусной сделки, которая совершена между лицами, именующими себя белорусами-социалистами, с одной стороны, и германскими насильниками — с другой, и, во-вторых, выразить горячую уверенность в том, что трудовой белорусский народ захваченных областей, насильственно оторванный от свободной Советской России, с презрением отбросит нагло навязываемую ему немецкими грабителями и белорусскими предателями независимость от России и, конечно, полную зависимость от Германии и громко крикнет насильникам и предателям: прочь свои грязные руки от чистых и святых идеалов трудящихся... от нашего права на свободное самоопределение. Мы знаем, с кем мы должны идти и с кем мы пойдем: наш путь вместе и в полном союзе со свободной Советской Россией, но не с алчной и хищной империалистической Германией»⁴⁷.

Трудящиеся Сторожевской волости Витебской губернии в мае 1918 года на собрании единогласно постановили: «Выразить самый горячий протест против алчных насильников и навязывания германской страшной опасности, как лишения не только независимости, но даже нашей свободы, завоеванной нами вместе со всем трудовым народом, а потому и не желаем присоединения нас к какой-то самозванной

«Белорусской раде», а признаем лишь одну нашу свободную Российскую Федеративную Республику.

Да здравствует великая свободная Российская республика!

Долой изменническую буржуазную раду!»⁴⁸

Аналогичные решения были приняты трудящимися Сухаревской, Чаусской, Радомильской, Саевской, Дрибинской волостей Могилевской губернии, Ново-Вознесенской волости Витебского уезда и др. Рабочие и крестьяне Белоруссии посылали в Совнарком и ЦИК РСФСР многочисленные протесты против попыток германских оккупантов и буржуазных националистов отторгнуть Белоруссию от РСФСР, в знак полного единства с русским народом, массами вступали в ряды молодой Красной Армии, чтобы с оружием в руках защищать Советскую власть.

Происходивший в июле 1918 года в Москве Всероссийский съезд беженцев-белорусов, на котором присутствовало до 200 делегатов, провозгласил, что единственный путь для Белоруссии — единение с РСФСР. Съезд заявил решительный протест против действий самозванной Белорусской рады.

Против антинародной рады решительно протестовали моряки-белорусы Балтийского флота. В своей резолюции они заявили о полной солидарности с великим русским народом, о том, что они вместе со всеми трудящимися Белоруссии всегда готовы с оружием в руках сражаться за свободу и независимость белорусского народа, за Советскую Белоруссию.

Несмотря на все это, буржуазные националисты, подстрекаемые и вдохновляемые иностранными интервентами, никак не хотели утихомириться и продолжали гнусную борьбу против Советской власти.

Летом 1918 года Белорусская рада установила тесную связь с белогвардейскими генералами на Дону, на Северном Кавказе. Вот что, например, писали 22 июля 1918 года белорусские националисты белогвардейским генералам на Дону: «Признавая за благо сохранить с Всевеликим Войском Донским мирные и братские отношения, повелеваем Вам приложить со своей стороны все усилия к сохранению таковых отношений с Войском Донским. Все, что

во исполнение сего Вы учините, обязуемся признать и ни о чем не спорить».

Как председатель делегации по делам внешних переговоров А. Цвикевич от имени белорусских националистов заявил, что «Народный секретариат Белорусской народной республики» с чувством глубокого уважения относится к правительству Всевеликого Войска Донского и признает его полномочным государственным органом области Войска Донского, выражающим волю и желание его населения.

Это подтверждает и сам генерал Деникин. Минская рада, писал он позднее, обладавшая некоторыми средствами, посылала кроме того делегации в политические центры, в том числе Берлин, Киев и на юг. «Чрезвычайный посланник» г. Тремпович прибыл в августе на Дон «для завязывания дружественных отношений» с государствами, входящими в состав юго-восточного союза и представил генералу Алексееву «меморандум». В нем определялись исторические права «Белорусской народной республики», указывалось на «трудности внутреннего положения молодого государства», обусловленные разорением его, отсутствием реальной силы. Тремпович просил моральной и, при возможности, иной помощи и поддержки.

В июле 1918 года во главе Белорусской рады стал крупный помещик Р. Скирмунт. В своей декларации это «правительство» заявило, что задачей белорусских государственных властей является «наиближайшее сближение» с оккупационными властями и работа с ними в тесном контакте.

Действуя по указке интервентов, рада помогала им в подавлении революционного движения рабочих и крестьян. Всячески оправдывая злодейские преступления немецких захватчиков на оккупированной территории Белоруссии, рада призывала белорусский народ мириться с оккупационным режимом. «Белорусский народ,— писал в конце 1918 года К. Езовитов,— должен быть только благодарен немцам, если даже он терпит некоторые ограничения благодаря оккупации». Чтобы еще больше заверить своих немецких господ в том, что он является их преданным служакой, К. Езовитов тогда же заявил: «Что я

не настроен антинемецки, доказывает моя подпись в одной телеграмме на имя Его Величества» (германского кайзера. — С. П.)⁴⁹.

Эти признания одного из активных главарей Белорусской рады не требуют комментариев. Они достаточно проливают свет, чтобы разглядеть истинное лицо буржуазных националистов, предателей интересов белорусского народа.

«Белорусская рада, или шайка проходимцев» — вот исключительно меткий заголовок редакционной статьи газеты «Звезда» 26 октября 1918 года. В этой статье дана краткая характеристика некоторых из них: «Воронко — это... юродивый, который, прикидываясь толстовцем, шатался по улицам Москвы без шапки, сапог, пояса и бесплатно обжирался почти во всех вегетарианках столицы. До германской оккупации⁵⁰ он околачивался то в Минске, то в его уездах.

Мамонько — это шантажист, которого еще до февраля Советская власть решила арестовать.

Скирмунт — это крупный белорусский зубр.

Из таких «сливок» состоит «великое» Белорусское волостное правление».

Трудящиеся Белоруссии не признавали «правительство» националистов. Тем не менее они осенью 1918 года делают лихорадочные попытки путем реорганизации укрепить свое положение. Поспешно выработывается и 9 октября 1918 года публикуется «Устав» БНР — будущего правительства. Состав рады увеличивается до 100 человек и обновляется, в нее больше включается членов кадетской партии. На своей последней сессии в ноябре 1918 года рада решила создать новое «правительство» — Совет Народных Министров (вместо Народного секретариата), поручив его формирование одному из лидеров виленских радовцев А. Луцкевичу.

Члены рады, не имея ни сил, ни власти, всю свою энергию направили на усиление националистической пропаганды и антисоветской клеветы. Вся их деятельность была направлена на то, чтобы будить массы к поддержке БНР и идеи независимости, любой ценой заинтересовать «белорусским вопросом» другие державы.

Белорусские националисты всячески старались

обосновать тезис об отсутствии политических, экономических и культурных связей Белоруссии с Россией и о наличии общих интересов Белоруссии и Германии. Ориентация на Россию объявлялась «старой и разбитой», а тесный союз с Германией преподносился как единственное спасение. Восхвалялась немецкая культура, цивилизаторская миссия немцев-«освободителей».

Немецкие интервенты по заслугам оценили старания националистов и, по признанию И. Воронко, стали идти навстречу, давали иногда деньги на развитие «белорусского национального движения», т. е. на националистическую и антисоветскую пропаганду. Под покровительством Германии националистами выпускались воззвания, прокламации, издавались газеты. Вся эта печать была пронизана духом национализма, открытой вражды к революционным преобразованиям в Белоруссии. Информационные сообщения, корреспонденции, статьи пестрели всякого рода измышлениями на Советскую власть. Такие газеты издавались не только в Минске, но и в Вильно, Слуцке, Гродно. Народ не воспринимал это чтиво всерьез. Причина была понятной: помимо клеветы на Советскую Россию в этой печати восхвалялся германский порядок, отстаивалось право на создание БНР под опекой германского империализма.

Идеологи белорусского национализма пытались обосновать свое право на создание независимой Белорусской народной республики. В своих статьях о возникновении БНР они всячески оправдывали все политические акции Белорусской рады во время германской оккупации, особенно провозглашение независимой БНР, считая этот акт воплощением решений I Всебелорусского съезда, вершиной государственной мудрости. В опубликованных в газете «Гоман» материалах отстаивалась необходимость германской ориентации. Авторы ратовали за окончательный отрыв Белоруссии от Советской России. В газете «Вольная Беларусь», к примеру, печатались клеветнические статьи по отношению к Советской власти, русскому народу.

Отстаивая свои антинародные действия, лидеры националистов всячески фальсифицировали историю,

искажали исторические факты. В своих печатных «трудах» они пытались создать общественное мнение, будто вся история прошлого Белоруссии была тесно связана не с русской, а с немецкой культурой, что в будущем Белоруссия должна находиться под покровительством Германии. Националисты дошли до того, что подняли кампанию за замену русской терминологии, как якобы искусственно надуманной. Известный идеолог белорусского национализма профессор Довнар-Запольский в своей книге «Асновы дзяржаўнасці Беларусі», изданной в 1919 году в Гродно, излагал историю белорусского народа с позиции национальной исключительности белорусов не только среди всех славян, но и всех народов вообще, с националистических позиций пытался обосновать возникновение БНР.

Демагогическими рассуждениями о независимости БНР белорусские националисты пытались прикрыть свои контрреволюционные действия, свою роль пособников германских интервентов. Националист А. Прушинский, извращая политику Коммунистической партии по национальному вопросу, в статье «Увагі да нацыянальнага руху» стремился доказать, что большевики выступают против национального движения и возрождения, высмеивал положение о солидарности трудящихся разных национальностей. Проповедью классового мира и стремлением поссорить трудящихся разных национальностей, вселить вражду и недоверие к русскому народу были проникнуты многие статьи и корреспонденции националистов, которые постоянно печатались на страницах ряда газет и журналов. Такую же цель ставили сборник статей разных авторов под тем же названием и брошюра «Што было і што павінна быць», изданные в 1918 году в Вильно.

Пособникам интервентов — буржуазным националистам не удалось обмануть народные массы и повести их за собой. Да это и понятно: социальная база белорусского национализма была чрезвычайно узка. Даже под защитой германских штыков националистам не удалось создать сколько-нибудь широкой сети своих организаций, набрать себе сторонников. Фактически правительство БНР состояло

только из представителей обосновавшихся в Минске и в непосредственной близости от него националистических организаций. Рада БНР была по существу Минской радой, так как не имела прочной связи с другими городами и уездами.

Белорусский народ не признавал правительство БНР, не делал различия между ним и немецкой оккупационной администрацией. «Белорусский секретариат,— сообщали в Москву из оккупированной Белоруссии,— представляет жалкое учреждение, во всем послушное немцам... Рада так непопулярна, что про нее почти никто не знает, особенно в провинции. Связи города с деревней никакой. Везде царит мрак и неведение⁵¹⁻⁵³.

Вся «государственная деятельность» так называемого правительства БНР сводилась к изданию распоряжений и постановлений, которых никто не читал и не принимал всерьез, да еще к посылке делегаций и деклараций к правительствам империалистических держав с целью найти у них покровительство. Представители белорусских националистов побывали в Вильно, Варшаве, Берлине, Берне, Копенгагене, Лондоне, Яссах. Но путешествия большой пользы не дали: ни одна иностранная держава не признала этого «правительства».

Многочисленные документы того времени подтверждают, что белорусские буржуазные националисты являлись активными пособниками немецких интервентов. Трудящиеся Белоруссии осуждали сотрудничество национальной буржуазии с оккупантами, отказали националистам в какой-либо поддержке. Не имея опоры в массах, националисты возлагали все свои надежды на помощь иностранных империалистов, надеясь заслужить ее ценой национального предательства.

Германские захватчики, опираясь на различные контрреволюционные элементы, и в первую очередь на буржуазных националистов, рассчитывали увековечить на оккупированной территории свою кровавую диктатуру, лишить белорусский народ завоеванных в результате Октябрьской революции прав и свобод.

Но немецкие империалисты и их прислужники

просчитались. Белорусский народ, как и все трудящиеся нашей Родины, по зову Коммунистической партии и великого Ленина поднялся на священную освободительную войну. Ни дикий произвол, расправы, пытки и грабежи — ничто не смогло сломить решимость советских патриотов изгнать захватчиков, отстоять завоевания Великого Октября.

Оккупационные войска к осени 1918 года оказались перед фактом неизбежного разгрома, вынуждены были покидать захваченные территории. Ноябрьская революция в Германии ускорила этот процесс. Трудящиеся освобождаемых территорий немедленно приступали к восстановлению Советской власти.

Большевики Белоруссии сделали все, чтобы мобилизовать народные массы на борьбу не только против немецких интервентов, но и против внутренней буржуазно-помещичьей контрреволюции. Нужно было до конца разоблачить националистов как активных пособников оккупантов и ярых противников Советской власти, скрывающих свое гнусное лицо под фальшивой маской борцов за национальное возрождение. Большевики неустанно разъясняли массам, что политика белорусских радовцев ничего общего не имеет с национальными устремлениями трудящихся, враждебна им и направлена на защиту буржуазно-помещичьего господства.

С началом изгнания захватчиков исключительно обострилась борьба с белорусскими националистами, которые активизировали свою контрреволюционную деятельность. Они надеялись получить власть из рук оккупантов и, таким образом, рассчитывали помешать восстановлению Советской власти. С этой целью делегация рады во главе с И. Воронко побывала в Варшаве и Вильно, где пыталась заручиться поддержкой Польской регинционной рады и литовской таробы. В ноябре делегация рады направилась также в Берлин с намерением договориться с кайзером, а после его свержения — с берлинским Совдепом о передаче власти белорусской национальной буржуазии. Президиум рады БНР официально обратился к Центральному Совету рабочих и солдат в Берлине с просьбой защитить независимость и территориальную целостность Белоруссии.

Одновременно рада БНР просила солдатский Совет 10-й армии и командующего немецкими оккупационными войсками генерала Фалькенгейна передать ей гражданскую власть и помочь в организации белорусского войска. Под руководством генерала Кондратовича и полковника Езовитова националистами вновь предпринимались попытки создать белорусские войсковые части. «Белорусская рада,— подчеркивалось в одном из сообщений в ЦК РКП(б),— предпринимает серьезные шаги к организации сильной белой гвардии, чтобы после ухода немцев не допустить присоединения Белоруссии к Советской России»⁵⁴.

Обстановку в последний период немецкой оккупации Белоруссии секретарь Минского подпольного райкома РКП(б) А. М. Криницкий (Бампи) характеризовал как деятельную подготовку к захвату власти как со стороны коммунистов, так и со стороны соглашательских мелкобуржуазных партий, националистических организаций и других контрреволюционных сил.

«Нашей первой задачей,— писал член Минского подпольного райкома партии А. С. Славинский,— взять власть... В Минске выявились «добрые люди», которые хотели взять власть в свои руки. Это были следующие организации: земство, Белорусская рада, эсеры, меньшевики, бундовцы, поалейционисты, «представители» железной дороги с парой рабочих для декорации»⁵⁵.

Другими словами, на власть претендовали различные буржуазно-демократические и националистические группы. К захвату власти тянулись Белорусская рада, вся местная буржуазия. Мелкобуржуазные элементы рассчитывали передать власть так называемому «Совету демократических организаций», который был создан осенью 1918 года и намеревался созвать съезд из представителей дум, земств, соглашательских партий для организации в Белоруссии «представительного органа».

Все попытки буржуазно-националистической контрреволюции захватить власть провалились. Рабочие и крестьяне Белоруссии безгранично верили

большевикам. Никакой другой власти они не желали иметь. Это и предопределило крах контрреволюционных замыслов националистов, которые своей антинародной политикой окончательно разоблачали себя в глазах широких масс. В результате всенародной освободительной борьбы трудящихся Страны Советов белорусские буржуазные националисты вынуждены были бежать вместе с их хозяевами — немецкими интервентами от неминуемой расправы со стороны народа.

Газета большевиков Белоруссии «Звезда» 5 декабря 1918 года писала о бегстве из Белоруссии буржуазных националистов и их покровителей: «Белорусская рада уже в лице «Совета Народных Министров» вздумала установить свою власть, хотя это обстоятельство не мешает тому, чтобы члены этого «высокого» учреждения, как генерал Кондратович или босяк Воронко, совсем из Белоруссии удрали в Литву, в Вильно. Это хороший признак, когда крысы бегут с корабля; он означает, что корабль совсем тонет. Корабль белорусских контрреволюционеров, меньшевиков, бундовцев, радовцев-националистов, белогвардейцев-эсеров и всяких прохвостов общественной жизни — этот корабль гибнет. На смену ему снова идет светлое царство пролетариев: Советская власть. Недаром трепещут перед нею и бегут от нее язвы общества; они идут за немецкими империалистами. Туда им и дорога. Иначе и не может быть. Ибо они чувствуют, что Советская власть не будет шутить с ними, она поступит с ними по всем правилам».

В борьбе с революционными силами народа националистическая контрреволюция в Белоруссии потерпела крах. Ее стремление — изменить исторический ход событий и под фальшивым флагом «национального самоопределения» оторвать Белоруссию от революционной России. Белорусская рада, как орган буржуазных националистов, явилась политическим орудием осуществления контрреволюционных целей буржуазии и помещиков. Отношение ее к немецким интервентам, стремление найти с ними общий язык, способствовать оккупантам уничтожить Советскую власть — все это разоблачило раду как антинародную контрреволюционную организацию.

Борьба Советской власти с контрреволюционной деятельностью националистов представляла собой борьбу трудящихся масс Белоруссии против буржуазии и помещиков, стремившихся реставрировать капиталистические порядки. Рабочие, солдаты, трудовое крестьянство под руководством Коммунистической партии одержали историческую победу, отстояли и упрочили Советскую власть в Белоруссии, создали свою национальную социалистическую государственность.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ АКТИВИЗИРУЕТСЯ

Важнейшим вопросом внутренней жизни Советской республики в феврале — марте 1918 года был вопрос о мире с Германией. Центральный Комитет большевистской партии, Советское правительство во главе с В. И. Лениным считали необходимым заключить с Германией мирный договор, получить передышку и использовать ее для укрепления молодого Советского государства. Эта ленинская политика встретила яростное сопротивление со стороны внутренних сил контрреволюции, резкое усиление происков и вмешательства во внутренние дела Советской страны со стороны англо-французских и американских империалистов.

Империалисты США и стран Антанты, а также белогвардейские генералы прилагали все усилия к тому, чтобы сорвать заключение мирного договора, всеми силами стараясь поставить молодую, фактически еще не имевшую своей армии Советскую республику под удар германского империализма. Бешеное сопротивление против подписания мира вели все контр-

революционные элементы — начиная от кадетов, октябристов и черносотенцев до меньшевиков и эсеров. Их цель была ясна: сорвать мирные переговоры, спровоцировать продолжение войны немецких империалистов против нашей страны и добиться уничтожения Советской власти.

Советское правительство вынуждено было согласиться на тяжелые условия мира, продиктованные германскими империалистами. 3 марта 1918 года советская делегация подписала в Брест-Литовске мирный договор с Германией.

В то время когда Советское государство находилось в исключительно тяжелых условиях, когда не успело еще распрямить свои плечи и мало-мальски окрепнуть, империалисты англо-французской коалиции начали вооруженную интервенцию против нашей страны. 6 марта 1918 года английские империалисты высадили свои войска в Мурманске. Вскоре сюда высадились также французские и американские войска, и к июлю 1918 года ими была занята вся северная часть Мурманского края. 5 апреля под предлогом защиты «жизни и имущества японских подданных» во Владивостоке высадились японские войска. Вслед за ними сюда стали прибывать английские, французские и американские части.

25 мая начался антисоветский мятеж чехословацкого корпуса. В короткое время чехословацкие войска, спровоцированные империалистами стран Антанты, захватили важные центры Сибири, Урала, Среднего Поволжья и поддержали местные антисоветские силы. Англичане высадили десант в Архангельске. Они проникли в Закаспийскую область Туркестана и в Баку.

В. И. Ленин, давая характеристику сложившейся обстановке в стране, 29 июля 1918 года в речи на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профсоюзов Москвы говорил: «Мурман на севере, чехословацкий фронт на востоке, Туркестан, Баку и Астрахань на юго-востоке — мы видим, что почти все звенья кольца, скованного англо-французским империализмом, соединены между собой»¹.

Вторжение интервентов и мятеж чехословацкого корпуса оживили все внутренние контрреволюционные силы, разбитые в первые месяцы Советской власти. Повсюду на захваченной интервентами территории и под их покровительством стали возрождаться буржуазно-помещичьи порядки и создаваться белогвардейские войска. Социальной базой контрреволюции явились разгромленные Октябрьской социалистической революцией буржуазия и помещики, старое чиновничество, офицерство царской армии, зажиточные слои казачества. Основной базой белогвардейщины было кулачество, которое представляло, как говорил В. И. Ленин, «... главную и самую серьезную опору контрреволюционного движения в России»².

После антисоветского выступления чехословацкого корпуса классовая борьба в ряде районов страны (Сибирь, Поволжье) приняла еще более острые формы. Кулаки стали объединяться в крупные вооруженные отряды. Они зверски расправлялись с коммунистами и активистами. Усиливалась кулацкая агитация против Советской власти. Им помогали контрреволюционные служители духовенства.

Весной и летом 1918 года в нашей стране произошли значительные социально-экономические сдвиги. Осуществление закона о земле, национализация

банков, крупной промышленности и транспорта повлекли за собой глубокие изменения в классовой структуре общества. Были подорваны экономические позиции крупной буржуазии и помещиков. Произошли перемены в составе самого пролетариата. Значительно сократилась численность рабочих.

В Белоруссии в результате вторжения немецких войск почти три четверти промышленных предприятий оказались вырванными из сферы деятельности Советской власти. Прифронтное положение неоккупированных уездов не способствовало развитию промышленных предприятий, находящихся на их территории. По данным на август 1918 года, в Витебской и Могилевской губерниях полностью действовало только 66 промышленных предприятий. После изгнания немецких интервентов в Белоруссии осталось лишь 192 в той или иной мере действующих предприятия вместо 281, имевшегося в 1917 году.

Изменилась социальная структура сельского населения. Деревня в этот период нивелировалась, выравнилась. Как отмечал В. И. Ленин, крестьяне-бедняки во многих случаях превратились в середняков³. Сплочение деревенской бедноты с помощью комбедов и продовольственная политика Советской власти повели к дальнейшему обострению классовой борьбы в деревне.

В условиях изменившегося соотношения социальных и классовых сил все мелкобуржуазные партии (меньшевики, эсеры, анархисты) активизировали свою враждебную деятельность. Выразившие интересы антипролетарских и антисоциалистических сил города и деревни, эти партии выступали против всех законопроектов, которые были направлены на создание нового общества. В то время когда обстановка требовала напряженного труда всех работников, всех органов Советской власти, представители мелкобуржуазных партий занимались лишь словопрениями и нападками на правительственную политику. «Главным полем борьбы против нас для наших противников из мелкобуржуазного лагеря, — говорил В. И. Ленин, — является поприще внутренней политики и экономического строительства; их орудие — подрыв

всего того, что пролетариат декретирует и стремится осуществить в деле устройства организованного социалистического хозяйства»⁴.

Партийным большевистским организациям приходилось вести напряженную борьбу с оппозиционерами, стремящимися помешать осуществлению мероприятий Советской власти. Становилось все очевиднее, что враждебная деятельность мелкобуржуазных партий ставит под угрозу дальнейшее успешное развитие Советской республики.

Антисоциалистический политический курс мелкобуржуазных партий еще более усилился весной 1918 года, когда на Советскую страну надвинулся продовольственный и хозяйственный кризис. Промышленные предприятия закрывались из-за отсутствия сырья и топлива. Костлявая рука голода давила на пролетарские центры. Не хватало продовольствия для армии. Те незначительные продовольственные запасы, которые остались в наследство от старой власти, были исчерпаны. Чтобы спасти население от голода, Советская власть установила хлебную монополию, предоставила чрезвычайные полномочия Народному комиссариату продовольствия. Весь хлеб был взят на учет, крестьян обязывали продавать его только государству по твердым ценам. Однако значительная часть крестьянства, кулаки отказывались продавать хлеб по твердым ценам, прятали его. Советское правительство вынуждено было принять решительные меры.

Декрет ВЦИК и СНК от 13 мая 1918 года так характеризует состояние продовольственного дела в стране: «Гибельный процесс развала продовольственного дела страны, как тяжелое последствие четырехлетней войны, продолжает все более расширяться и обостряться. В то время как потребляющие губернии голодают, в производящих губерниях в настоящий момент имеются по-прежнему огромные запасы даже не обмолоченного еще хлеба урожая 1916 и 1917 годов. Хлеб этот находится в руках деревенских кулаков и богатеев, в руках крестьянской буржуазии. Сытая и обеспеченная, скопившая в своих кубышках огромные суммы денег, вырученных от государства за годы войны, крестьянская буржуазия

остаётся упорно глухой и безучастной к стонам голодающих рабочих и крестьянской бедноты, не вывозит хлеб к ссыпным пунктам в расчете принудить государство к новому и новому повышению хлебных цен и продает в то же время хлеб у себя на месте по баснословным ценам хлебным спекулянтам — мешочникам. Этому упорству жадных (крестьянских хищников) деревенских кулаков и богатеев должен быть положен конец»⁵.

11 июня 1918 года ВЦИК принял декрет о создании волостных и сельских комитетов деревенской бедноты, которые должны были содействовать изъятию хлебных излишков у кулаков. В деревни направлялись отряды рабочих для помощи бедноте. При вооруженной поддержке городских рабочих комитеты бедноты должны были заставить кулака подчиниться продовольственной диктатуре пролетарского государства.

Чрезвычайные меры Советской власти были одобрены беднейшими слоями населения Белоруссии. «Беднота, — писала газета «Звезда», — приветствует продовольственную диктатуру». По призыву В. И. Ленина формировались продотряды. В июне 1918 года только из рабочих Витебска было организовано более сорока реквизиционных отрядов⁶.

Состоявшаяся в начале июня 1918 года IV Северо-Западная областная конференция РКП(б) указала, что в борьбе с голодом необходимы неуклонное проведение в жизнь хлебной монополии, жестокая война с кулаками, самогонщиками, мешочниками и спекулянтами, со всей деревенской кулацкой буржуазией. Она призвала партийные организации разъяснять трудящимся причины голода, направить в продовольственные органы стойких коммунистов, организовать из рабочих и бедноты продотряды для борьбы с кулаками — укрывателями хлеба⁷.

Началась борьба за хлеб, за углубление социалистической революции, за перенесение классовой борьбы в деревню. Создание и деятельность комбедов составили эпоху в развитии революции на селе. Говоря о комбедах, В. И. Ленин подчеркивал, что «...мы перешли ту грань, которую отделяется буржуазная революция от социалистической, ибо одна

победа рабочего класса в городах и один переход всех фабрик в руки пролетарского государства, все это не в состоянии было бы закрепить и создать основы социалистического порядка, если бы в деревне мы не создали себе также не общекрестьянской, а действительно пролетарской опоры»⁸.

Призывая идти в решительный бой на кулаков, В. И. Ленин поддерживал инициативу рабочих, создавших продовольственные отряды. Они шли на помощь комитетам бедноты для совместной борьбы за хлеб — жизненную основу социализма и для укрепления экономических и политических позиций социалистической революции в деревне.

Декрет о создании комитетов бедноты был встречен бешеным сопротивлением со стороны кулаков. Они начали антисоветские выступления, избивали рабочих, посланных в деревни, поднимали восстания и мятежи.

«На Россию,— говорил 29 июля 1918 года В. И. Ленин,— надвинулся бич голода, который обострился неслыханно... Это обострение классовой борьбы в связи с продовольственным кризисом, как раз тогда, когда новый урожай в своем богатстве определился, но реализован быть не может, и тогда, когда мучительно голодных жителей в Петрограде и Москве толкают кулацкие элементы и буржуазия, которые говорят в самых отчаянных усилиях: либо теперь, либо никогда,— от этого становится понятной та волна восстаний, которая прокатывается по всей России...»⁹

По данным ВЧК, в 1918 году кулаки организовали по всей стране 245 контрреволюционных восстаний и выступлений, приведших к кровавым последствиям¹⁰. Белоруссия не была исключением. В некотором отношении ее положение было хуже, чем ряда других районов. Это объясняется, во-первых, близостью фронта. Наличие в белорусских деревнях большого количества оружия, брошенного царской армией при отступлении и демобилизации, значительный процент кулачества не могли не сказаться на характере антисоветского движения. С другой стороны, нельзя упустить из виду то обстоятельство, что здесь отсутствовали сильные кадры пролетариа-

та, которые могли бы сразу после победы Октябрьской революции закрепить за собою все звенья советского аппарата и иметь непосредственное влияние на деревню.

Пользуясь этими обстоятельствами, эсеры, как правые, так и левые, сумели захватить в свои руки значительное количество волостных Советов, проникли в уездные и даже губернские Советы рабочих и крестьянских депутатов. Отдельные Советы находились целиком в их руках. Поэтому не удивительно, что в ряде местностей Белоруссии пришлось вести борьбу с такими Советами за Советскую власть. Особенно это сказывалось в момент организации комбедов.

Об этой борьбе один из руководителей Витебского губернского Совета того времени И. Меницкий так рассказывал:

«В целом ряде местностей крестьянство, руководимое Советами из контрреволюционеров, успело организовать банды, которые начали борьбу с комитетами бедноты и властью вообще. И когда мы присматривались к той контрреволюционной работе, которая ведется во всей губернии, мы видели, что партия левых эсеров, критикуя нас и играя роль оппозиции, действует объективно в целях контрреволюции, так как агитацию этой партии подхватывают все контрреволюционные силы. И там, где эта партия хотела найти опору для себя, в том месте свивала себе гнездо подлинная контрреволюция. В результате мы имели целый ряд такого рода движений и выступлений по всей губернии, и нам приходилось оказывать вооруженную помощь деревенской бедноте. Там, где беднота пыталась организовать, ей чинились препятствия со стороны волостных Советов. Организаторы бедноты избивались и даже добивались кулаками... Приходилось посылать отряды красноармейцев, чтобы распустить Советы, где вооружались кулаки и противодействовали Советской власти в проведении учета хлеба на местах и других мероприятиях. В губернии произошло несколько такого рода выступлений»¹¹.

В исключительно сложной обстановке появлялись политические объединения и контрреволюционные

союзы, которые жаждали захватить власть в стране. Они различались, прежде всего, своим отношением к вопросу о мире с Германией, ориентацией на тот или другой блок иностранных империалистов. Первым таким политическим объединением антисоветских сил был так называемый «Правый центр», созданный нелегально в марте 1918 года в Москве.

«Правый центр», куда входили представители ранее существовавших реакционных объединений «Совета общественных деятелей», «Торгово-промышленного комитета», «Союза земельных собственников», ставил задачу сплотить правые силы с целью свержения Советской власти. Большинство деятелей этого объединения придерживалось германской ориентации. Они считали возможным, в случае вступления в переговоры с немцами, добиться пересмотра Брест-Литовского договора.

Вскоре в «Правом центре» начались разногласия, которые закончились выходом многих деятелей из этого центра и образованием в мае — июне 1918 года нового объединения под названием «Национальный центр», ориентировавшегося на англо-французский блок и США («Правый центр», вскоре прекратил свое существование). По замыслу учредителей «Национального центра» (в создании его участвовали кадеты, октябристы, видные церковные и земские деятели), он должен стать штабом, направляющим деятельность всех правых групп, борющихся с Советской властью. «Национальный центр» поддерживал сношения с белыми генералами, воевавшими против Советского государства, имел связь с отдельными контрреволюционными организациями, возникшими в ряде районов страны.

Одновременно с объединением этих правых контрреволюционных группировок происходил процесс возникновения и образования так называемых «демократических» антисоветских групп. Этот процесс закончился созданием в Москве «Союза возрождения России», в который вошли представители партий народных социалистов, правых эсеров, меньшевиков и часть кадетов.

Один из руководителей «Союза возрождения» меньшевик В. Н. Розанов впоследствии писал, что

образование «Союза возрождения» относится ко времени, непосредственно примыкавшему к Брестскому миру. В связи с Брестским миром в Москве проходил ряд междупартийных совещаний в различных группировках. Тогда выяснилось, что эсеры и меньшевики, а также кадеты стояли резко против этого мира. Было решено в Москве основать «Союз возрождения» со следующей платформой: 1) непризнание Брестского мира и восстановление России в границах 1914 года, за исключением Польши и Финляндии; 2) возрождение русской государственности путем созыва Учредительного собрания. На это согласились социалисты-революционеры, меньшевики-оборонцы, трудовики и часть кадетов¹².

Помимо указанных «центров» существовали объединение «Союз защиты родины и свободы» и другие антисоветские организации.

Позорную роль союзников контрреволюции сыграли партии меньшевиков и правых эсеров. Прикрываясь социалистической фразеологией, выставляя себя защитниками «революционной демократии», они активно участвовали в названных подпольных контрреволюционных объединениях «Союза возрождения России», кадетско-октябристского «Национального центра» и белогвардейского «Союза защиты родины и свободы», ставивших своей целью свержение Советской власти вооруженным путем. Правые эсеры и меньшевики, указывал В. И. Ленин, выступают «как наиболее подвижные, иногда даже как наиболее наглые, деятели контрреволюции, ведя против Советской власти борьбу гораздо более резко, чем они позволяли себе вести ее против реакционных и помещичьих правительств...»¹³.

Определяя тактику партии большевиков и Советской власти по отношению к контрреволюционным партиям, в том числе мелкобуржуазным, В. И. Ленин писал, что Советская власть никогда не остановится в исполнении своей задачи подавления сопротивления эксплуататоров, какими бы партийными знаменами или какою бы популярностью и благовидною кличкой такое сопротивление ни прикрывалось¹⁴.

Вопросы тактики большевистских организаций по отношению к мелкобуржуазным партиям были рассмотрены на IV конференции Северо-Западной областной партийной организации 1—4 июня 1918 года. В принятой резолюции указывалось, что «меньшевики и правые эсеры, объединившиеся в одном фронте с буржуазией и черносотенными элементами, пытаются сорвать Советскую власть путем открытых выступлений, призывов и контрреволюционной агитации». Поэтому конференция призвала большевистские партийные организации вести «самую беспощадную борьбу с этими прихвостнями буржуазии»¹⁵.

Советская власть вынуждена была применить репрессивные меры к представителям контрреволюционных партий, поднявших меч против пролетарской диктатуры. 14 июня 1918 года ВЦИК принял решение считать недопустимым, чтобы в Советах оставались представители партий, стремившихся дискредитировать и свергнуть Советскую власть. Эсеры (правые и центр) и меньшевики были исключены из ВЦИК и всех Советов. Однако они не прекратили враждебную деятельность. Перейдя на подпольное положение, продолжали подрывную работу против Советской власти путем организации вооруженных мятежей на местах.

Меньшевики и эсеры активно участвовали в начале июля 1918 года в антисоветских мятежах, подготовленных дипломатами стран Антанты совместно с «Союзом защиты родины и свободы», во главе которого стоял правый эсер Б. Савинков. Мятежи предполагалось поднять в 23 городах, в том числе в Ярославле, Муроме, Рыбинске, Костроме и других, с тем, чтобы они стали соединительными звеньями между интервентами на севере и мятежным чехословацким корпусом. Правые эсеры были организаторами и участниками белогвардейского террора, преследовавшего цель обезглавить большевистскую партию и таким путем подготовить условия для свержения Советской власти. От рук эсеровских террористов погибли летом 1918 года видные большевики В. Володарский и М. Урицкий, тяжело был ранен В. И. Ленин.

Общее тяжелое положение в стране усугублялось враждебной деятельностью левых эсеров, входивших тогда в правительственную коалицию. Известно, что в первое время после Октябрьской революции под давлением крестьянских масс левые эсеры начали сотрудничать с большевиками и вошли в состав Советского правительства. Но партия левых эсеров, вышедшая из недр мелкобуржуазных социалистов, воспитанная на их традициях, не могла порвать с породившей ее средой и унаследованной от нее верой в «революционную фразу». Всю свою политическую несостоятельность левые эсеры выявили в вопросе о выходе России из войны. Во время брестских переговоров они выступили против заключения мира, а после подписания договора с Германией резко повернули вправо. Они вышли из Совнаркома, оставшись во ВЦИК и в местных Советах. С развертыванием социалистической революции в деревне и обострением там классовой борьбы левые эсеры заняли враждебную позицию к продовольственной политике Советской власти.

В рядах левых эсеров, подчеркивал В. И. Ленин, отражавших взгляды мелких хозяйчиков, которые взбесились «от ужасов войны, от внезапного разорения, от неслыханных мучений голода и разрухи»¹⁶, усилились колебания вправо. В местных Советах они объявили себя «особой» оппозицией социалистической революции, опирались на зажиточные слои деревни, которые в связи с мероприятиями Советской власти по вопросу обеспечения страны хлебом явно выражали свое недовольство. Левые эсеры надеялись найти в деревне поддержку для осуществления своих враждебных замыслов.

Издание декрета о комитетах деревенской бедноты поэтому встретило ярое сопротивление левых эсеров. Они развернули широкую политическую кампанию против создания комбедов. В выступлениях руководителей левых эсеров, в их партийной печати упорно проводилась мысль, что комбеды ведут к «неестественному разделению» крестьянства. На волостных сходах и уездных съездах левые эсеры призывали крестьян не допустить образования комбедов. «И по мере того, как они (левые эсеры.— С. П.)

отходили от народа, — говорил В. И. Ленин, — они все более начинали привлекать к себе симпатии буржуазии, надеявшейся их руками осуществить свои замыслы»¹⁷.

Этот факт ярко отражен в докладной записке Мстиславльской партийной организации Центральному Комитету РКП(б). В ней, в частности, говорилось: «Все, что есть кулацкого и контрреволюционного в губернии, тянется к левым эсерам, которые твердо решили бороться с продовольственной диктатурой, с организацией комбедов, поставили себе задачей примирить кулачество и бедноту, сорвать диктатуру бедноты»¹⁸.

Так партия левых эсеров окончательно превратилась в выразителя деревенского кулака, теряла почву среди трудового крестьянства.

Ожесточенная борьба против мероприятий Советской власти должна была, по замыслу левых эсеров, обеспечить им большинство на предстоящем V Всероссийском съезде Советов. А это, в свою очередь, дало бы им возможность захватить руководство и обеспечить проведение в жизнь своей политической цели. Активную организаторскую работу на территории неоккупированной Белоруссии развернула секция белорусов при ЦК левых эсеров. Секретная памятка требовала от левоэсеровского организатора «на всяком съезде, сходе, перекрестке ратовать за то, чтобы на съезд Советов население прислало левых социалистов-революционеров»¹⁹.

Одновременно левые эсеры подготавливали и прямую провокацию по срыву Брест-Литовского договора. 24 июня 1918 года ЦК левых эсеров принял постановление о вооруженном выступлении против власти Советов. В протоколе заседания по этому вопросу записано, что ЦК левых эсеров признал необходимым «в самый короткий срок положить конец так называемой передышке, создавшейся благодаря ратификации большевистским правительством Брестского мира. В этих целях ЦК партии считает возможным и целесообразным организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма; одновременно с этим ЦК постановил организовать для проведе-

ния своего решения надежные военные силы и приложить все меры к тому, чтобы трудовое крестьянство и рабочий класс примкнули к восстанию и активно поддержали бы партию в этом выступлении»²⁰.

Из приведенного документа явствует, что сигналом к вооруженному восстанию могли стать также террористические акты, которые спровоцировали бы войну с Германией. Затем заговорщики имели в виду организовать выступление боевых дружин в Москве, Петрограде и других городах. Чтобы получить одобрение и поддержку своих гнусных планов, ЦК левых эсеров созвал III съезд левоэсеровской партии, который состоялся в Москве 28 июня — 1 июля 1918 года. Съезд одобрил решение ЦК левых эсеров о мерах по разрыву мирного договора с Германией. Это одобрение явилось как бы санкцией на вооруженное восстание против диктатуры пролетариата, подготавливаемое левоэсеровскими лидерами. Несколько позднее — на 1-м Совете партии левых эсеров прямо говорилось, что убийство германского посла графа Мирбаха было осуществлено по постановлению ЦК партии и в соответствии с директивами III съезда²¹.

Решительными действиями частей Красной Армии и рабочими дружинами Москвы начатое 6 июля левыми эсерами восстание было подавлено, не успев распространиться. Трудящиеся не поддержали провокационную авантюру эсеров.

Таким образом, стремление левых эсеров вооруженным путем изменить политику Советского правительства провалилось. Ни трудовое крестьянство, на которое они рассчитывали, ни рабочие и солдаты не поддержали их авантюру. Напротив, рабочие и крестьянские массы, как отмечал В. И. Ленин, «...еще сильнее, еще ближе сроднились ...с партией коммунистов-большевиков, истинной выразительницей воли народных масс»²².

Мятеж левых эсеров до конца вскрыл антинародность авантюристического курса лидеров этой партии, продемонстрировал их открытый переход в лагерь контрреволюции.

2. АВАНТЮРЫ АНАРХИСТОВ И ДРУГИХ АНТИСОВЕТСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ВИТЕБСКЕ

В связи с Брестским миром изменили свое отношение к Советской власти и анархические группы, которые перешли к борьбе против политики Советской власти, заняли контрреволюционную позицию, вносили дезорганизацию в жизнь страны. Многие анархисты требовали перехода к безгосударственному строю. Другие, хотя и изъявляли готовность сотрудничать с большевиками, на деле выступали против ленинского принципа демократического централизма.

В отдельных городах анархисты захватывали особняки, принадлежавшие буржуазии, гостиницы якобы «для защиты революции», создавали вооруженные отряды и дружины, занимались грабежом и разбоем. Не мудрено, что в эти отряды и дружины потянулись преступные, деклассированные элементы, уголовники. Нередко анархисты выступали и против органов Советской власти с оружием в руках. Такие выступления анархистов имели место и в Белоруссии.

В начале марта 1918 года в Витебске появилась «воинская часть», она силой заняла привокзальную гостиницу, выставила в окнах и на крыше пулеметы, на балконе повесила черный флаг и заявила, что никакой власти в городе не признает. Вооруженные в буквальном смысле с ног до головы, обмотанные крест-накрест пулеметными лентами, с засунутыми за пояс финскими ножами, обвешанные гранатами и маузерами, анархисты большими группами ходили по улицам, пугая жителей. Несколько раз в гостиницу из военного отдела Витебского Совета ходили представители на переговоры, но возвращались ни с чем.

Пока у анархистов были свои продовольственные запасы, открытых грабежей они не совершали. Когда же есть стало нечего, их главарь «батько» Мартыненко обратился к военным властям города с требованием зачислить анархистов на довольствие наравне с другими воинскими частями гарнизона. В ответ на это им было предложено признать Совет-

скую власть и нести гарнизонную службу наравне с другими частями. Мартыненко отказался. Анархисты принялись грабить местное население. Вскоре стали поступать массовые жалобы на насилия и бесчинства бандитов, квитанции, выданные анархистами, следующего примерно содержания: «Мною, членом дружины анархистов, взят в пользу революции один баран. Деньги должен платить Совет».

«У нас было желание,— писал в 1923 году в своих воспоминаниях бывший губвоенком С. Крылов,— поскорее их (анархистов.— С. П.) ликвидировать, но не представлялось удобного случая. Пойти прямо приступом на гостиницу означало кровопролитие, разрушения, потому, что эти головорезы добровольно не сдались бы. Однако в конце апреля нами был разработан план разоружения анархистов. Каким-то образом они узнали о готовящемся разоружении и поспешили предупредить нас своим выступлением»²³.

В протоколе совместного заседания Витебского губисполкома и горисполкома 29 апреля 1918 года об этом выступлении анархистов записано следующее:

«Тов. Крылов прерывает речь важным внеочередным заявлением: происходит стрельба залпами по улицам. Выступили анархисты, а с ними — грабители, со стрельбой заняли «Художественный», «Интимный», ограбив кассы...

Тов. Роба: — Есть ли в здании Советов охрана?

Тов. Крылов: — Нет. Но сюда волнение не докатится, ибо выступили революционные войска и ликвидируют это выступление...

Вбегает солдат Кр. Армии и делает заявление, что идет погром на Вокзальной и Замковой улицах...

Тов. Плис, как начальник милиции, делает заявление, что положение очень серьезное, ибо выступила масса народа и милиция справиться не в состоянии.

Решается отложить заседание до след. дня, и сейчас же организовать комиссию по борьбе с контрреволюцией»²⁴.

Действительно, положение в городе было тяжелое. К выступившим анархистам присоединились

местные уголовные элементы. Анархистам удалось полностью овладеть вокзальной частью города, захватить мост через Двину, подойти к зданиям губисполкома, банка, обстрелять губвоенкомат.

За короткое время были разгромлены все театральные кассы, разграблены магазины на главных улицах. Учитывая это, Витебский губисполком создал Чрезвычайную Комиссию для ликвидации мятежа. Комиссия во главе с губвоенкомом С. Крыловым немедленно приступила к работе. Тут же были подняты по тревоге бронеотряд, Латышский кавалерийский полк и 4-й Варшавский полк, расквартированные в городе.

К полуночи отряд броневиков занял мост через Двину и этим отрезал анархистам отступление к своей штаб-квартире по Вокзальной улице. 4-й Варшавский полк очистил район, прилегающий к губисполкому. Другая часть советских войск заняла центральный район города, оттеснив оттуда мятежников. Главные их силы были прижаты к реке и окружены, но оказали отчаянное сопротивление. Исход боя решил Латышский кавалерийский полк.

Только около 40 анархистам удалось прорваться и засесть в гостинице, но к утру 30 апреля они сдались под угрозой обстрела гостиницы из орудий. Перед сдачей они ранили своего главаря Мартыненко, который считал бесполезным дальнейшее сопротивление.

Так, благодаря решительным мерам, предпринятым партийными и советскими органами, мятеж анархистов был подавлен, Витебск спасен от разгрома и разорения. Немногие бежавшие из города анархисты вскоре очутились в другом отряде, который действовал против Советской власти в районе Бешенковичей.

После заключения Брестского мира демобилизация старой армии, начатая еще ранее, продолжалась, и для охраны демаркационной линии остались лишь наскоро сформированные отряды, куда попали не совсем зрелые и случайные элементы. Естественно, эти отряды в условиях пограничной службы нередко попадали под влияние обывателей, быстро разлага-

лись, считали охраняемый участок границы своей вотчиной, в пределах которой оставляли за собой право «творить суд и расправу».

На витебском участке демаркационной линии особенно отличился в этом отношении отряд Пашкевича, стоявший в Бешенковичах. Он состоял преимущественно из анархистов и других деклассированных элементов, в том числе бежавших из Витебска, занимался контрабандой. Каждый спекулянт, уплативший определенный процент со своей выручки, мог получить у главаря отряда пропуск через демаркационную линию и провезти определенное количество контрабандных товаров. Кроме того, отряд занимался грабежами населения, продавал пулеметы, винтовки различным бандитским элементам и немецкому командованию.

Чтобы избавиться от отряда Пашкевича, было решено снять всех 500 бандитов с демаркационной линии под видом переброски на Восточный фронт, а затем разоружить. Витебский Военный совет отрядов Завесы, которому Пашкевич был непосредственно подчинен, дал на этот счет соответствующее распоряжение. Но отряд отказался подчиниться. Тогда два члена Военного совета сами выехали в Бешенковичи и потребовали от отряда подчинения, в противном случае он будет объявлен вне закона. Однако и на это анархисты ответили отказом, да еще арестовали представителей Военного совета.

Для разоружения банды в Бешенковичи был срочно направлен из Витебска 4-й Варшавский полк под командованием коммуниста Маковского. Внезапно бешенковичский дворец, где квартировал отряд Пашкевича, был окружен, анархисты разоружены. При обыске у Пашкевича найдено несколько тысяч рублей золотом, большие суммы денег изъяты и у других бандитов.

По постановлению Витебской Чрезвычайной Комиссии Пашкевич, как изменник Советской власти, был расстрелян.

Весной 1918 года в Витебске подняли головы поповско-черносотенные элементы. Поводом к их выступлению явился обыск, проведенный представителями ЧК в архиерейском доме, где неоднократно

собирались черносотенцы и реакционные церковники для обсуждения планов борьбы с Советской властью. Несколько черносотенцев и служителей церкви было арестовано. Контрреволюционерам удалось найти сочувствие в некоторых воинских частях гарнизона. Часть офицерства и притаившиеся другие враждебные элементы принялись открыто восстанавливать солдат против Советской власти. Обманутые пропагандой солдаты начали арестовывать партийных и советских работников.

«Всем нам,— вспоминал позднее председатель Витебского губернского Совета И. А. Меницкий,— пришлось броситься в наиболее надежные воинские части, чтобы рассеять злостную клевету, внести успокоение. Помнится, ко мне в губсовет явилось несколько вооруженных солдат 7-го стрелкового Сибирского полка и, узнав, что я председатель, предложили немедленно отправиться с ними в полк, что я и сделал, совершенно не обращая внимания на то, что они конвоировали меня, как арестованного. В казармах все были в сборе. Мне предложили встать на возвышенное место и «дать ответ о том, что мы наделали». Когда я осмотрел возбужденную аудиторию, угрожающе потрясавшую кулаками, я понял опасность всякого неосторожно брошенного слова, мобилизовал все внимание для установления контакта с аудиторией и все свои ораторские способности»²⁵.

Спокойно и ясно И. А. Меницкий разъяснил солдатам смысл декрета об отделении церкви от государства, опроверг клевету о нашем намерении ограбить церкви, разъяснил причину происшедших беспорядков, доказав, что все это — дело монархического духовенства и контрреволюционного офицерства.

«Видя, что все идет как надо,— писал далее И. А. Меницкий,— я обратился к солдатам со следующими словами: «Товарищи! Вам необходимо во что бы то ни стало восстановить порядок в городе, предотвратить бесцельное кровопролитие. Помогите нам это сделать. Возьмите под охрану всех арестованных и дайте ваших представителей в комиссию по рассмотрению дел этих арестованных»²⁶.

Собрание единодушно откликнулось на этот призыв, и Сибирский стрелковый полк стал на защиту Советской власти.

Так поступили и другие воинские части города. Еще одна авантюра контрреволюции — спровоцировать выступление солдат витебского гарнизона против Советской власти — провалилась. Благодаря принятым экстренным мерам партийных и советских органов поповско-черносотенные выступления в самом начале были ликвидированы. Зачинщики и организаторы их были арестованы, в городе восстановлен полный порядок.

Контрреволюционные организации и мелкобуржуазные партии, в том числе и левые эсеры, подготавливая свою провокацию по срыву мира с Германией, не могли не обратить своего внимания на прифронтовую полосу. Левые эсеры еще до авантюристического акта 6 июля предпринимали попытки, чтобы сорвать Брестский договор и тем самым поставить под угрозу существование власти Советов. Особенную активность они проявили в Белоруссии.

Под видом поддержки повстанческого движения в оккупированных немецкими интервентами районах эсеры некоторых уездов Могилевской и Витебской губерний начали еще с весны 1918 года создавать большие склады оружия и боеприпасов, организовывать свои дружины, захватывать командные должности в воинских частях, преимущественно стоявших на границе. В пограничных районах, прикрываясь демагогическими лозунгами, к лету 1918 года они сумели захватить в свои руки значительную часть волостных Советов, добились своего большинства также в Оршанском, Сенненском и некоторых других уездных Советах.

Благоприятную почву они нашли в пограничных воинских частях, которые в большинстве состояли из солдат царской армии, уроженцев оккупированных местностей Белоруссии. Красноармейцы этих частей после продолжительной войны стремились поскорее попасть домой. Но их туда, естественно, не пускали. Эсеровские агитаторы играли на этом, внушая, что надо немцев поскорее прогнать.

В мае 1918 года сенненский партийный комитет левых эсеров пошел на прямую провокацию. Чтобы сорвать Брестский мир, он, по предложению члена ЦК левых эсеров Каца, принял решение захватить на оккупированной немцами территории нескольких немецких солдат, объявить их врагами народа и расстрелять. Выполнение этого решения было возложено на командира 2-го Смоленского полка, стоявшего в Сенно, С. Прищепова. По его распоряжению на демаркационной линии было схвачено пять немецких солдат-мотоциклистов, все они были расстреляны.

Эсеры полагали, что этот акт даст повод Германии предъявить Советской власти невыполнимые требования, принудит Советское правительство идти на вооруженный конфликт с Германией. Но они просчитались. Конфликт вскоре был урегулирован мирным путем. Руководители же сенненских левых эсеров после этого были арестованы, лишь инициатору зверской акции, члену ЦК левых эсеров Кацу удалось скрыться.

Формально был отстранен от должности и Прищепов, но фактически он оставался во главе полка вплоть до восстания в начале августа 1918 года.

10 мая 1918 года собрался II съезд Советов Витебской губернии. «Это было самое тревожное для губернии время,— писал И. А. Меницкий.— Западная часть губернии была оккупирована, оставшаяся пребывала в тревоге. Белорусская рада с жадностью посматривала на Витебск, ее агентами и бандами кишела губерния... Этот съезд был не столь многолюден, как первый: всего 130 делегатов, но интересен он тем, что проходил под знаком борьбы с левыми эсерами. Хотя последних на съезде было только 22, они очень упорно вели борьбу с нами, по каждому вопросу предлагали свою резолюцию и дружно ее отстаивали»²⁷.

Во время доклада председателя губисполкома И. А. Меницкого в зал заседаний съезда был пущен какой-то газ. У делегатов появились признаки отравления. Из-за этого работа съезда прервалась. Многие тогда полагали, что отравление — дело рук левых эсеров. И. А. Меницкий говорил, что причины массового внезапного заболевания делегатов «врачи

пытались объяснить модной в то время болезнью — «испанкой», но я все время был склонен думать, что это было отравление особым газом. Меня еще больше укрепляло в этой мысли то обстоятельство, что во время своего доклада я заметил, как в зале двое посторонних беспокойно суетились, как от них стал распространяться какой-то дым. Я сначала подумал, что они затаили «цигарку», но когда вслед за этим случилось это массовое заболевание, я подумал, что это дело их рук»²⁸.

6 июня заседания съезда, прерванные 14 мая, возобновились. Сенненская авантюра с пятью расстрелянными немецкими солдатами послужила причиной постановки вопроса о расформировании 6-го левоэсеровского батальона в Витебске. Левые эсеры навязали ожесточенную борьбу по этому вопросу. Как потом выяснилось, они знали о готовящемся левоэсеровском мятеже в Москве, поэтому-то и подняли неистовый вой; 6-й батальон был предназначен для участия в этом мятеже. Свидетельством является следующий документ, выданный штабом отряда особого назначения Всероссийской боевой организации партии левых эсеров при Московском областном военном комиссариате 3 июля 1918 года Петру Овсянникову:

«УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дано настоящее штабом отряда особого назначения при Московском областном военном комиссариате члену боевой дружины тов. Петру Овсянникову в том, что он командирится означенным штабом в гор. Витебск для приемки, погрузки и сопровождения дружинников (400 человек) в гор. Москву в распоряжение штаба отряда.

Все железнодорожные, государственные и общественные организации и учреждения просим оказывать ему (Овсянникову) всякое содействие»²⁹.

Однако к началу левоэсеровского восстания в Москве витебского батальона левых эсеров уже не существовало. Он был расформирован и влит в 1-й имени Витебского Совета полк в качестве 3-го батальона. На общем собрании его личного состава

9 июля 1918 года была принята резолюция, осуждающая авантюру лидеров партии левых эсеров.

«Мы, сформированные в мощную единицу солдаты 3-го лево-с.-р. батальона,— говорилось в резолюции,— возмущенные до глубины души поступком левых социалистов-революционеров, клеймим позором их и просим отнюдь не называть нас левоэсеровской дружиной, ибо мы не можем носить имя тех, которые запятнали себя неслыханным позором и авантюрой для того, чтобы уничтожить власть народную, власть Советов, власть бедняков, и этим самым нанести последний удар революции. Мы единогласно заявляем, что мы отказываемся от названия левых социалистов-революционеров и именуемся коммунистами-большевиками, как истинными защитниками власти народной, Советской. Отныне у нас будет знамя 3-го коммунистического батальона 1-го полка имени Витебского Совдепа»³⁰.

Витебский комитет левых эсеров, одобрявший действия ЦК своей партии и обещавший ему поддержку, был арестован.

Итак, контрреволюции не удалось осуществить свои преступные планы. Авантюристические выступления анархистов, эсеров и других контрреволюционных элементов были подавлены.

3. ЛЕВОЭСЕРОВСКИЕ ВОССТАНИЯ В ОРШЕ И СЕННО

Летом 1918 года обстановка в Белоруссии оставалась крайне напряженной. Контрреволюция оказывала отчаянное сопротивление органам Советской власти на местах. Так, 18 июля оршанская ЧК сообщала комитету РКП(б), что в гор. Горки контрреволюционная шайка, возглавляемая бывшими офицерами царской армии, подготовила восстание крестьян нескольких деревень для свержения Советской власти в Горецком и Оршанском уездах. 9 июля в дер. Пепелевка Масловской волости Горецкого уезда кулаки и другие контрреволюционные элементы напали на отряд красноармейцев, разоружили и избили 80 человек³¹.

Организации левых эсеров, действовавшие на неоккупированной территории Белоруссии и поддерживавшие платформу своего ЦК, после подавления июльского мятежа в Москве стали уходить в подполье. В августе 1918 года Совет партии левых эсеров одобрил убийство в Москве германского посла Мирбаха и принял программу, важнейшими направлениями которой явились сопротивление продовольственной политике Советского правительства, защита кулачества, пересмотр Советской Конституции, противодействие выполнению условий Брестского мира.

Для проведения подпольной контрреволюционной работы на территории Белоруссии ЦК партии левых эсеров выделил определенные денежные средства³². Часть из них предназначалась на усиление издательской деятельности — выпуск листовок, прокламаций и воззваний, направленных против Советской власти.

Контрреволюционная деятельность в неоккупированных уездах Белоруссии левоэсеровских организаций, по их мнению, должна была привести к тому, «чтобы повстанческое движение вылилось в одно организованное восстание»³³. Пользуясь сложным положением в этом районе, левые эсеры развернули широкую антисоветскую агитацию среди красноармейцев и местного населения.

Следует сказать, что момент для этого был выбран подходящий: на Восточный фронт против чехословацких мятежников потребовалась переброска нескольких воинских частей из Белоруссии. Эти части, сформированные в основном по территориальному принципу, оказались малодисциплинированными, без достаточно крепкого партийного костяка и комсостава, их легко было сбить с толку. Зачем, говорили эсеры, обращаясь к красноармейцам, идти на Восточный фронт, когда враг под боком? Надо здесь бить немца, чтобы освободить родные села от немецкого ига. Чехословаки, дескать, не наши враги, они тоже против немца, а вот Советская власть заодно с немцами, собирается впустить в Москву немецкие полки. Разве не видите, как большевики отбирают хлеб у крестьян и отправляют его в Германию, а страна голодает?

Необходимо отметить, что левые эсеры для провокации всячески использовали тот факт, что по указанию Советского правительства был отправлен через станцию Орша эшелон с хлебом для голодающих русских военнопленных, содержащихся в немецких концлагерях. На этом основании эсеры обвиняли большевиков в «предательстве народных интересов».

В. И. Ленин разоблачил преступную деятельность эсеров в этом вопросе. В телеграмме комиссару ст. Орша Д. Е. Иващенко он писал:

«Благодарю за пропуск 36 вагонов в Германию: это для наших бедствующих военнопленных. Прошу опровергать все гнусные клеветы и помнить, что мы должны помогать нашим военнопленным изо всех сил»³⁴.

Наряду с агитацией против отправки воинских частей на Восточный фронт левые эсеры подготавливали план открытого вооруженного выступления против Советской власти в Белоруссии. К моменту сбора урожая намечалось поднять в деревне ряд кулацких восстаний, которые должны деморализовать Советскую власть, распылить преданные ей войска, ослабить их в решающих пунктах. Одновременно с этим эсеры намеревались спровоцировать наступление против немецких оккупационных войск по всей западной границе, используя для этого в первую очередь воинские части, предназначенные для отправки на Восточный фронт. Начавшиеся военные действия в ряде районов, чехословацкий мятеж на Волге и высадка войск интервентов на севере должны были, по мнению авторов этого контрреволюционного плана, заставить большевиков или уступить «демократии», или они (большевики) будут задавлены объединенными силами контрреволюции.

Однако осуществить этот преступный план не удалось, хотя в некоторых уездах Витебской и Могилевской губерний эсеры все же подняли антисоветские кулацкие восстания, мятежи в гарнизонах. Наиболее значительными из них в начале августа 1918 года были вооруженные восстания в Орше и Сенно.

Обстановка в Орше к этому времени была такова. У города стояли немецкие оккупационные части, товарная станция находилась в их руках. В Орше и в

уезде действовали левоэсеровские организации, они имели влиятельную группу и в исполкоме Оршанского Совета. В городе находились лишь три красноармейских полка 1-й Могилевской дивизии: Невельский во главе с эсером Ивановым, Оршанский пехотный и Белорусский конный, артдивизион и другие мелкие части.

Поводом к восстанию был использован приказ об отправке Невельского полка на Восточный фронт. Красноармейцы, преимущественно уроженцы занятых немецкими интервентами местностей, подстрекаемые эсеровскими агитаторами, высказали недовольство приказом. Этим воспользовались левые эсеры, поддерживаемые командиром полка Ивановым и другими бывшими офицерами. Полк отказался грузиться в эшелоны. И другие распропагандированные воинские части гарнизона высказались в поддержку Невельского полка.

В городе вспыхнул мятеж. 5 августа гарнизонное собрание, которым руководили левые эсеры, приняло резолюцию о роспуске местного Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов, «как несоответствующего своему назначению в переживаемый ныне момент». Вся полнота власти в Орше «впредь до установления формального правопорядка и демократического правительства» была передана созданному на этом же собрании из представителей восставших частей «ревкому». Возглавляли его местные эсеры Бувич, Петражицкий, Иванов и другие. Гарнизонное собрание поручило «ревкому» организовать оборону города от большевиков, войти в соглашение со всеми «друзьями народа» и установить связь с другими пограничными частями³⁵.

В тот же день прибывшие из Витебска по требованию оршанских большевиков два броневика и отряд красноармейцев встретили организованное сопротивление. Шоссе под Оршей было завалено срубленными деревьями, переплетенными колючей проволокой. Не доходя нескольких километров до города, броневики были встречены пулеметным и минометным огнем. Один броневик был подбит и захвачен мятежниками, другому удалось прорваться и вернуться в Витебск. А тем временем эсеровский

«ревком» разогнал местный Совет и большевистский комитет, арестовал коммунистов исполкома Совета, членов партийного комитета РКП(б) и других советских работников, не успевших уйти.

Узнав об этом, Витебский губисполком предупредил по телефону главаря мятежников Бувевича: в случае совершения насилия над советскими и партийными работниками Орши все попавшие в руки советских органов эсеры будут немедленно расстреляны. Это категорическое предупреждение удержало вожжаков мятежа от кровавой расправы над большевиками и другими советскими активистами.

Утром 6 августа Бувевич попросил витебские губернские власти, чтобы они воздержались от отправки воинских частей для подавления мятежа, обещав при этом освободить всех арестованных. В этом мятежникам было отказано, и они решили защищаться. Их поддержали Стайковский и Сенненский полки, стоявшие на демаркационной линии севернее Орши. Город принял вид укрепленного лагеря: рылись окопы, возводились заграждения на его подступах.

Все это, наряду со слухами, распространенными эсерами о предполагаемом наступлении большевиков, вызвало переполох у германского оккупационного командования. Дело усугублялось еще и тем, что все приготовления мятежников происходили на виду у немцев, так как демаркационная линия проходила в полукилометре от города. Видя это, немцы тоже в ночь на 6 августа вырыли новые окопы, возвели дополнительные заграждения, границу усилили новыми воинскими частями.

Советское командование заверило немцев, что оно верно условиям Брестского мира. По указанию Северо-Западного областного комитета РКП(б) Западным военным Советом Завесы для подавления контрреволюционного мятежа в Орше были срочно направлены красноармейские части из Витебска под командованием губвоенкома С. Крылова и из Смоленска под командованием Адамовича.

В тот же день по железной дороге в район Орши из Витебска прибыли отряд численностью в 300 человек, конница и два броневика. В 8 километрах от Орши железнодорожные пути оказались разобранны-

ми, а все дороги завалены деревьями. Дальше эшелон не пошел. Для того чтобы узнать обстановку в Орше, командование послало в разведку известного уже по борьбе с контрреволюцией В. Даубэ³⁶ и командиров полка Маковского и Видзе.

Пользуясь тем, что никакой отличительной формы у частей не было, мы, писал позднее В. Даубэ, беспрепятственно въехали в Оршу. Только у моста через Днепр патруль мятежников спросил пропуск. «Что, своих не узнаешь? 1-го конного Белорусского полка!» — грозно крикнул Видзе. Патруль посторонился и пропустил нас через мост.

На улицах Орши грозно торчали пулеметы. Патрули — по два, по три человека — расхаживали с важным видом по улицам. Наши разведчики спокойно въехали во двор исполкома Совета, привязали коней, вошли в здание. В комнате президиума «ревком» как раз обсуждал вопрос «Об обороне Орши от нападения большевиков».

Мы спокойно присели, вспоминает далее В. Даубэ, и стали прислушиваться. На нас никто не обратил внимания. Люди приходили и уходили, «правительство» было занято делами обороны, представитель Белорусского конного полка докладывал о бодром настроении своего полка. Посоветовавшись, мы решили взять мятежников, что называется на пушку. Благо наши части были недалеко от станции.

— Именем Советской власти предлагаем взбунтовавшимся частям сдать немедленно оружие! — крикнул я. — В случае отказа будет применена сила.

— Что?.. Что такое?.. — вскакивает Буевич, вшиваясь в нас глазами. Некоторые бросаются к дверям, большинство же, обернувшись к нам, так и застыли с дрожащими челюстями. Эффект был громадный.

Не давая им опомниться, Маковский берет телефонную трубку и требует коменданта станции.

— Вокзал! — кричит он в трубку. — Немедленно дайте коменданта. — Никто не отвечает, а Маковский продолжает: — Товарищ комендант, говорит представитель Витебского отряда. Передайте немедленно губвоенкому Крылову, чтобы он двинул к зданию исполкома броневика. Да, да, и броневика.

— Даем вам четверть часа для исполнения приказа Советской власти, — бросаем в президиум, и спокойно, как пришли, выходим из комнаты, садимся на коней и скачем к вокзалу.

После такого ультимативного требования мятежники растерялись. Среди них началась паника.

В пятом часу вечера 6 августа Витебский отряд вступил в город, не встретив сопротивления. Несколькими часами позже в Оршу прибыл со стороны станции Красное и Смоленский отряд.

Невельский полк тут же прислал делегацию с заявлением, что он вовсе не отказывается выехать на фронт, но железная дорога... не дает паровоза. На следующий день им был дан паровоз, и полк отбыл из Орши. Конный Белорусский и Оршанский полки сдались без сопротивления. Собралась было обстреливать Витебский отряд одна батарея артдивизиона, но смелым налетом красноармейцев она была обезврежена.

О ликвидации этого эсеровского мятежа Витебский губвоенком С. Крылов позднее писал, что по приказанию Военного совета Западным участком Завесы он с отрядом красноармейцев и с броневиками двинулся на Оршу. Без боя подъехали к станции, выгрузили броневики, построили свою кавалерию, пехоту и двинулись в город. Конечно, вперед выслали конную разведку и послали пару броневиков. Освободили арестованных коммунистов. Организовали Военно-революционный комитет исключительно из коммунистов, приказом передали ему всю власть, произвели аресты эсеров. В тот же день разоружили восставшие части и арестовали комсостав.

Разоблачая левых эсеров, газета «Звезда» писала 10 августа 1918 года, что «господа Буевичи — подкупленные агенты контрреволюции, втершиеся в ряды армии и в гущу советской жизни. Они делают вид, что болеют за недочеты Советов, упущения Советской власти, призывают идти против отдельных членов или целых составов исполкомов как будто с целью создания новых, лучших, годных Советов и их органов».

Статья «Оршанская глупость» заканчивалась словами: «А чтобы другим больше не повадно было, всех

зачинщиков и участников оршанских сенок следует покарать по строгости военного суда. Никакой пощады и никаких оговорок! Пусть каждый знает, что поднявший против Советов меч — от меча же погибнет сам».

Так левозеровский мятеж в Орше был подавлен. В ликвидации его активное участие принимали чекистские силы, прибывшие сюда из Смоленска во главе с заместителем председателя Чрезвычайной Комиссии Западной области Яном Кромбергом. В сообщении о деятельности иногороднего отдела Всероссийской Чрезвычайной Комиссии за время с 23 июля по 20 августа 1918 года говорилось: «...из наиболее трудных работ нужно отметить подавление белогвардейцев в Ярославле, Орше, Рязани и пр.»³⁷.

Следует, однако, сказать, что и после подавления восстания политическое и военное положение в Орше оставалось чрезвычайно сложным. Об этом свидетельствует сообщение представителя Московского окружного комиссариата по военным делам Д. Т. Петручука, командированного в Оршу для отправки красноармейских частей на чехословацкий фронт. По прямому проводу он сообщал В. И. Ленину:

«Я очень рад, что есть возможность высказать народному комиссару Ленину свои впечатления о происшествиях в Орше. Прошу сделать распоряжение о немедленной смене всех частей на демаркационной линии, так как этим, только этим мы можем быть гарантированы от войны с Германией. Все работники, присланные из центра, в большинстве убеждены в этом. В Оршанском районе, по собранным мною сведениям, находится до 10 тыс. вооруженных красноармейцев, из коих зарегистрированных в военном комиссариате 1317 человек, остальные формировались сами собой, ходят по всем окрестностям, и не удивительно, что каждый день происходят выступления против немцев и против Советов. Наше убеждение — прислать из центра силу взамен развалившейся. По деревням везде вооруженные, они делают нападения на крестьян. Стайковский полк находится в колебании. Вчера ночью немцы предъявили ультиматум частям, которые шли в наступление: если не прекра-

тят наступление, то 14 числа в 10 час. ночи дадут бой. Ночь прошла тихо»³⁸.

В ответ В. И. Ленин телеграфировал:

«Мой совет постепенно принимать меры к разоружению и высылке разложившихся частей и хулиганских элементов. Возьмите для этого важнейшего дела на помощь себе членов местного исполкома и областного комитета, ибо дело это первостепенного государственного значения. Сообщите эту телеграмму местным исполкомам и партийным комитетам»³⁹.

8 августа 1918 года вспыхнуло левоэсеровское восстание в Сенно. Этот мятеж, хотя и отличался от других выступлений эсеров того времени тщательной подготовленностью, был также обречен на неудачу.

Еще задолго до убийства Мирбаха в Москве сенненские эсеры стремились спровоцировать военные действия с германскими оккупационными частями. Близость демаркационной линии (от Сенно в 10 километрах) и возможность непосредственного соприкосновения с немецкими войсками создавали для этого благоприятные условия. После возвращения с V Всероссийского съезда Советов в Сенно руководителя местной левоэсеровской организации Е. Закревского подготовка к провокации оживилась.

В первых числах августа по настоянию Закревского был созван уездный съезд Советов, который эсеры хотели использовать для проведения в жизнь преступной авантюры ЦК своей партии. На съезде Советов разгорелась упорная борьба. Коммунисты местной партийной организации, несмотря на свою малочисленность, при обсуждении вопроса о текущем моменте смело разоблачали авантюристические выпады левых эсеров, настаивали на принятии резолюции, одобряющей политику Советского правительства. Эсеры выступали против. Имея большинство делегатов, им удалось протащить свою резолюцию.

Пользуясь большим влиянием на красноармейцев 2-го Смоленского полка, который нес охрану демаркационной линии, местный левоэсеровский комитет вызывал постоянные вооруженные столкновения с немцами, спровоцировал захват и расстрел пяти немецких солдат.

Несмотря на арест ряда левых эсеров, причастных к этой авантюре, контрреволюционная работа в Сенно продолжалась. К августу 1918 года в руках эсеров находились почти все учреждения Сенно. Лидер левоэсеровской организации Е. Закревский являлся председателем исполкома Сенненского Совета, секретарем исполкома был левый эсер С. Будкевич, командиром 2-го Смоленского полка — левый эсер С. Прищепов. Кроме 2-го Смоленского левые эсеры имели большое влияние на стоящий рядом Стайковский полк.

В начале августа в Витебский губком РКП(б), губисполком и в Военный совет отрядов Завесы начали поступать тревожные сведения: в Сенно не благополучно. Учитывая это, по указанию губкома партии и губисполкома, Военный совет отрядов Завесы решил произвести смену командного состава 2-го Смоленского полка. 5 августа в Сенно выехали вновь назначенные командир и комиссар полка, но к началу восстания они не успели принять полк. 8 августа подразделения полка, стоящие на демаркационной линии, покинули границу и двинулись в Сенно, чтобы затем идти на помощь оршанскому мятежу, еще не зная, что к тому времени он был уже ликвидирован.

Как только поступили первые сведения о восстании в Сенно, в Орше из воинских частей немедленно был сформирован отряд под командованием В. Даубэ. В тот же день он выбыл в Сенно. Однако его переговоры с представителями восставшего полка ни к чему не привели — полк отказался сложить оружие, вернуться в казармы. Тогда стремительным налетом в ночь на 9 августа отряд В. Даубэ ворвался в Сенно и разоружил часть восставшего полка, захватив несколько сот винтовок, пулеметы и грузовики.

В. Даубэ об этом так вспоминает:

— Остановились на опушке леса. Город лежит впереди в тумане. Тихо. Разведка доносит, что, пройдя весь город, не встретила ни одного патруля. Мятежники, видимо, уставшие от сорокаверстного похода, спят и не ожидают нападения. Обстановка — как нельзя подходящая. Единственное затруднение то, что полк размещен по обывательским квартирам, что

делает невозможным одновременный внезапный захват его по малочисленности нашего отряда. Более комплектно размещены только три роты и команда разведчиков. Принимаем решение — разоружить сперва этот батальон, могущий оказать более организованное сопротивление, после чего попробовать собрать и остальную часть полка.

План таков: конница обходит город южной окраиной, захватывает телеграф, который находится почти за городом, оставляет заставу между городом и близлежащей деревней, не давая никому прорваться в деревню. Отряд пехоты занимает исполком и военный комиссариат.

Мятежников бойцам Витебского отряда удалось разоружить в течение каких-либо 20 минут. А у казарм 5-й роты, размещенных на окраине, красноармейцы встретили сопротивление. Услышав стрельбу, остальные группы отряда Даубэ бросились на помощь товарищам, и мятежникам ничего не оставалось делать, как покинуть казарму, занять прилегающее к ней кладбище, но подоспевший броневик красных выбил мятежников и оттуда. В пятом часу утра 9 августа город полностью был в руках красных.

Однако к полудню того же дня, приведя себя в порядок, мятежники вновь предприняли наступление на город. Отряд красных бойцов, насчитывавший не более 100 человек, не мог долго сопротивляться тысячному полку, пополнившемуся сотнями кулацких элементов. В. Даубэ запросил Витебск о помощи. Оттуда ответили, что ее можно ожидать только к утру следующего дня.

Вскоре город был окружен мятежниками, связь с Витебском и Оршей прервалась. У красных оставалось только по две ленты на каждый пулемет и не более 10—15 патронов на бойца. Учитывая это, командование отряда решило отойти по шоссе на Богущевск. Заставив сосредоточенным огнем мятежников очистить мост, единственный выход из города, отряд с трудом пробился на шоссе, но и тут попал под перекрестный огонь со стороны города.

Выдвинув броневик вперед и бросив грузовики с захваченным оружием, отряд залег и начал отстреливаться. А когда кончились патроны, завязалась

жестокая рукопашная схватка. Не имея патронов, выбиваясь из последних сил, удалось прорвать кольцо мятежников и отойти по направлению на Богушевск.

К вечеру 10 августа на помощь отряду В. Дауба из Витебска подошел 1-й Латышский кавалерийский полк и начал наступать на Сенно. К утру следующего дня советские войска снова вошли в город, но эсеровских мятежников там уже не было. Разгромив склады и казначейство, захватив до миллиона рублей денег, они во главе со своим вожаком, председателем исполкома Совета эсером Закревским перешли демаркационную линию, выбили немецких солдат из нескольких деревень и осели здесь. Красным удалось захватить лишь обоз мятежников и до 200 солдат.

Под давлением крупных немецких сил, спешно прибывших сюда в связи с провокационным наступлением левых эсеров, подразделения мятежного Смоленского полка вынуждены были обратно перейти на советскую территорию, где и были разоружены революционными войсками. Часть мятежников разбрелась по окрестным лесам и в дальнейшем послужила кадрами для формирования эсеров-белогвардейских банд на территории Витебской губернии.

А немецкие войска снова заняли оставленные ими деревни и начали жестокую расправу над мирным населением, избивая и расстреливая мужчин и женщин, забирая имущество и хлеб⁴⁰.

После подавления контрреволюционного восстания в Сенно отдельным его главарям удалось скрыться, но вскоре многие из них были арестованы и преданы суду революционного трибунала. В телеграмме, переданной из Сенно в Оршу, сообщалось, что все левоэсеровские главари предательской авантюры — Е. Закревский, С. Буткевич, А. Павловский, С. Прищепов — объявлены Военно-революционным комитетом вне закона, и необходимо принять меры к przeprowadению их в Витебск.

Газета «Известия Витебского губернского Совета» 12 сентября 1918 года опубликовала сообщение под заголовком «Ликвидация л. эсеровской авантюры». В нем говорилось, что Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и сабота-

жем закончено следствие по делу о преступном выступлении левых эсеров во главе с Закревским. Многие активные участники этого контрреволюционного мятежа получили по заслугам, осуждены судом народа.

Попытка левых эсеров спровоцировать военные действия Германии против Советской республики провалилась. И на этот раз контрреволюционные действия потерпели неудачу. Они вызвали законное негодование со стороны трудового народа. На состоявшемся 19 августа 1918 года III съезде Советов Сенненского уезда была принята резолюция, в которой левоэсеровские действия назывались преступной авантюрой. В резолюции говорилось: «Шлем им проклятие от имени тех несчастных оккупированной местности, которые теперь сидят и плачут над пеплом сожженных своих деревень»⁴¹.

Контрреволюционные выступления в Сенио дорого обошлись Советской власти, послужили немцам поводом для предъявления Советскому правительству требования об уплате нескольких миллионов рублей. И только благодаря своевременно принятым мерам удалось предотвратить более серьезные последствия и не допустить новых осложнений с кайзеровской Германией.

4. ЗАГОВОР ДОРМАНА

В связи с оккупацией кайзеровскими войсками большей части Белоруссии Северо-Западный областной комитет партии, исполнительный комитет Совета Западной области и другие советские учреждения, а также штаб Западного фронта были эвакуированы из Минска в Смоленск. В марте 1918 года для защиты западных границ страны Высший Военный совет республики образовал Западный заградительный участок Завесы, в который вошли Витебский, Оршанский, Смоленский революционные отряды, Рославльская и Брянская революционные группы.

Это было первое объединение войск на территории будущего Белорусского Военного округа. Командующим Западным отрядом Завесы был назначен В. Н. Егорьев. 15 ноября 1918 года Завеса была

преобразована в Западный район обороны, а в конце 1918 года — в Западную армию.

К работе в штабе Завесы было привлечено немало военных специалистов старой армии. Контрреволюция учла это, начала постепенно внедрять свою агентуру в воинские части с тем, чтобы проникнуть в штаб Завесы. И это ей в конце концов удалось.

Весной 1918 года органами Чрезвычайной Комиссии Западной области был арестован бывший жандармский полковник Левандовский. В ходе следствия выяснилось, что он имел непосредственную связь с польской разведкой, получал из-за рубежа необходимую помощь и осуществлял руководство деятельностью нескольких бандитских контрреволюционных шаяк в прифронтовой полосе Белоруссии.

По делу Левандовского органами ЧК было арестовано 145 человек, которые служили в советских воинских формированиях. Их показания свидетельствовали о том, что Левандовский имел также связь с некоторыми чинами штаба Завесы в Смоленске. Всего же по этому делу было допрошено около 1500 человек, многие из которых были привлечены к суду военного трибунала.

К этому времени органами ЧК был также ликвидирован крупный вооруженный отряд во главе с бывшим царским офицером Хаз-Берашвили, который совершал враждебные акты против Советской власти на территории Могилевской и Витебской губерний. Все это наводило на мысль, что контрреволюционными организациями в Белоруссии и всей Западной области руководил единый центр, который находился в Смоленске.

2 мая 1918 года в центр Смоленска, где размещались эвакуированные из Минска областные советские и партийные учреждения, вдруг стали стягиваться воинские части смоленского гарнизона. По улицам города патрулировали вооруженные солдаты, они задерживали прохожих, проверяли документы. Председатель областной ЧК В. И. Яркин с отрядом кавалеристов был также задержан и на вопрос, в чем дело, получил ответ, что в городе просходит восстание воинских частей против Советской власти, и поэтому въезд в город никому не разрешается.

У здания городского комитета партии В. И. Яркин увидел вооруженных солдат, конвоировавших арестованного И. Я. Алибегова — заместителя председателя Северо-Западного областного комитета РКП(б). У здания областного ЧК Яркин встретил красноармейца, устанавливающего в подъезде пулемет. Здесь ему подтвердили, что в городе действительно восстали солдаты, они арестовывают руководящих партийных и советских работников.

Выслушав это сообщение, председатель ЧК позвонил по телефону в Малаховские казармы, где размещались красноармейцы специального батальона Чрезвычайной Комиссии. Командиру батальона Лукачу было отдано распоряжение немедленно выслать кавалерийский эскадрон Шилова для наведения порядка в городе, отправиться для охраны почты и телеграфа, а артиллерийской и пулеметной командам подготовиться и ждать сигнала. Эскадрону Красникова Яркин приказал оцепить правительственные кварталы, пехотные роты в полном составе держать наготове вместе с грузовыми автомашинами для перевозки их, а два броневика направить для патрулирования центральной части города. После этих распоряжений В. И. Яркин пытался звонить по телефону в областной комитет партии, но ответа не последовало. Не отвечал и облискомзап. Тогда он сам решил пойти в штаб Западной Завесы, который помещался в здании бывшего дворянского собрания. Дежурный в приемной командующего подтвердил, что в городе восстание. На вопрос В. И. Яркина, где же командный состав штаба, дежурный ответил, что ничего об этом не знает.

Не теряя времени, Яркин поднялся на верхний этаж, где было общежитие руководящих партийных и советских работников и их семей. В своей комнате от жены он узнал, что в общежитии проведены обыски, некоторые руководящие работники арестованы.

На улице Яркин встретил командира кавалерийского эскадрона ЧК Красникова, который доложил, что распоряжения выполнены, кавалерийские пикеты расставлены по всему городу.

А в это время в большом зале бывшего дворянского собрания происходило гарнизонное собрание

солдат. Когда В. И. Яркин вошел туда, то в президиуме увидел несколько солдат и большинство офицеров штаба Западной Завесы. Особенно бесцеремонно вели себя адъютант командующего С. Антонович и бывший офицер А. Захаров — застрельщики и руководители этого сборища, обсуждавшего вопрос о переизбрании облискомзапа и о выборах нового губвоенкома. Захаров в своей речи многословно раскваливал российскую демократию в прошлом и высказал ряд клеветнических, провокационных выпадов в адрес местных руководящих советских и партийных работников, всячески пытаясь противопоставить их солдатским массам, призывал присутствующих к переизбранию «негодных руководителей». В том же духе прозвучали выступления трех солдат, заранее подготовленных организаторами собрания.

Затем слово взял прибывший на собрание заместитель председателя облискомзапа В. С. Соболев. Прежде всего он призвал участников собрания к спокойствию и, развенчав провокационное выступление Захарова, подчеркнул, что Советскую власть в стране рабочие и крестьяне установили не для того, чтобы по желанию кучки изменников, контрреволюционных негодяев свергнуть ее.

От имени исполнительного комитета Совета Западной области он прямо поставил перед присутствующими вопрос: кого они слушают, у кого идут на поводу?

— Как видите,— сказал он,— поручик Захаров, бывший офицер Генерального штаба царской армии, а не рядовой солдат, ему чужды интересы народа. Посмотрите на него, он ведь одет, что называется, с иголочки, в хорошем суконном френчике, хороших хромовых сапогах, хорошей, по плечу подогнанной шинели, с красивой прической на голове, надушенной одеколоном. И он вам здесь соловьем поет о том, что ох уж как плоха Советская власть и что ее нужно свергнуть.

В заключение В. С. Соболев, обращаясь к собравшимся солдатам, от имени областных организаций Советской власти призвал их продумать и дать ответ: с кем солдаты будут идти — с Советской властью или

с контрреволюцией? В ответ раздались возгласы из зала: — Мы все за Советскую власть!

— Хорошо,— заявил он,— что здесь подавляющее большинство стоит за Советскую власть и ее поддерживает, и поэтому, надеюсь, и областные организации будут считать, что этот позорный инцидент будет ликвидирован. Пускай те люди, у которых руки чешутся на Советскую власть, крепко запомнят, что для них прощения у нас не будет ⁴².

Вслед за В. С. Соболевым выступил губернский военный комиссар Н. И. Кривошеин. После их выступлений настроение собравшихся резко изменилось. Представители воинских частей заговорили о признании своей ошибки, о том, что они поддались на провокацию, рассказали, что их вызвали якобы за получением обмундирования, но вместо этого предложили немедленно арестовать всех комиссаров и руководителей партийных и советских органов Западной области — Мясникова, Иванова, Алибегова, Кривошеина, Соболева, Яркина и других. Для проведения этой операции были выделены специальные вооруженные отряды под командованием бывших офицеров. Организаторы контрреволюционной затеи предполагали, что, как только произведут аресты руководителей, город сразу будет объявлен на военном положении и свяжется с другими городами Белоруссии, Смоленской губернии, призовут руководителей соответствующих организаций, своих людей последовать их примеру. На собрании частей смоленского гарнизона намечалось избрать временный Совет, которому передать всю полноту власти в области.

Однако коварный замысел контрреволюционерам осуществить не удалось. Собрание подавляющим большинством голосов приняло предложение красноармейца Окуневиича начать немедленное расследование этого гнусного контрреволюционного инцидента, который произошел в Смоленске вечером 2 мая, «и чтобы это следствие было закончено как можно быстрее, и чтобы вместе, кто причастен к этому грязному контрреволюционному делу, был Советской властью беспощадно наказан» ⁴³.

После принятия этого решения В. И. Яркин тут же дал распоряжение сотрудникам ЧК арестовать

наиболее активных зачинщиков контрреволюционного заговора, сидевших за столом президиума, — Захарова и Антоновича. При обыске у Захарова в шинели, карманах брюк были обнаружены две английские бомбы и маузер, у Антоновича в карманах брюк нашли две ручные гранаты и пистолет.

Собрание в 6 часов утра 3 мая закончило свою работу, и представители воинских частей возвратились в свои казармы.

Благодаря принятым решительным мерам контрреволюции не удалось спровоцировать солдат на вооруженное восстание против Советской власти. В городе не произошло кровопролития, выведенный из казарм сводный батальон ЧК не произвел ни одного выстрела.

Хотя все кончилось благополучно, партийные и советские органы не могли не обратить серьезного внимания на события 2 мая, ибо они не были случайными. Инцидент еще раз показал, что контрреволюционные силы не разгромлены, они живут и действуют и в любой момент могут поднять голову. К этому времени в руки Чрезвычайной Комиссии попали документы, свидетельствующие о существовании здесь крупной контрреволюционной организации, а после ареста некоторых влиятельных чинов из штаба Западной Завесы стало очевидным, что зародыши организации следует искать внутри военных ведомств. В связи с этим сотрудникам ЧК было дано указание вести пристальное наблюдение за деятельностью отдельных подозрительных личностей, особенно за работой военных специалистов штаба Завесы.

Арестованный Захаров вначале отрицал свое активное участие в заговоре и не давал никаких показаний о связях штаба с контрреволюционными организациями, но впоследствии на очной ставке с некоторыми другими арестованными вынужден был признать свое участие в контрреволюционном заговоре. Уже в июне 1918 года у областной Чрезвычайной Комиссии оказались материалы на всех главарей контрреволюционной организации, которая руководит восстаниями и выступлениями на территории Белоруссии и Смоленской губернии.

...Рано утром 10 июня в Смоленске, в городском саду лениво прогуливался молодой человек с тросточкой и, крутя ее в руках, весело насвистывал. Мимо него случайно проходил В. И. Яркин. Когда они поравнялись, молодой человек снял соломенную шляпу с головы, поздоровался и попросил поговорить с ним. Он отрекомендовался Виктором Фенраевским и намеревался сообщить о серьезных делах. Яркина это дело заинтересовало, и он предложил пойти с ним домой и там в спокойной обстановке поговорить.

В. И. Яркин привел незнакомца в свою «квартиру» — специальную комнату в областной ЧК. Хозяин квартиры предложил гостю сесть в мягкое кресло.

— Ну вот, теперь мы здесь с вами одни. Давайте выкладывайте, какие у вас ко мне имеются дела?

— Я хочу обратиться к вам с очень большой просьбой,— сказал Фенраевский.— У меня создалось такое положение, что я должен во что бы то ни стало отсюда убраться, хорошо бы за границу. Вы, конечно, заинтересованы в том, чтобы в Западной области был наведен должный порядок, контрреволюционные заговоры были раскрыты и бандитизм был ликвидирован. Если так, то разрешите мне быть с вами совершенно откровенным. Вы хорошо знаете, что у вас в области происходят повсюду бандитские налеты на города и селения, в некоторых местах они уже выливаются в вооруженные восстания против Советской власти. Как видно, ваша ЧК еще полностью не раскрыла действительные корни и причины возникновения всех этих явлений.

Далее молодой человек сообщил чекисту, что он хорошо знает и близко соприкасается с руководителями и организаторами всех бандитских и контрреволюционных выступлений, сам является активным членом одной такой контрреволюционной организации. После неудавшегося майского восстания в Смоленске, ареста Захарова и Антоновича, а потом присяжного поверенного Ждановича и Лятковского у антисоветского подполья возникло подозрение, что среди членов их организации есть провокаторы, которые передают все секреты большевикам.

— Мне на днях,— продолжал Фенраевский,— один военный специалист заявил, что организация по-

дозревает именно меня, что я якобы выдал нашу организацию ЧК, и грозил за это расправой. Поскольку это подозрение не имеет никакого основания, я решил отомстить за обиду, прийти к вам и раскрыть все карты контрреволюционной организации в Смоленске, которая содержится на средства иностранных капиталистов и местной буржуазно-помещичьей националистической организации. Кроме того,— подчеркнул далее он,— я сам после майской неудачи много продумал и взвесил наши силы и средства, авторитет и влияние, которое имеет Советская власть у большинства населения. Я теперь понял со всей определенностью, что затея нашей контрреволюционной организации провалилась, так как она не имела под собой никакой реальной базы для того, чтобы действительно совершить переворот, и власть могла перейти к военной диктатуре, как это предполагалось в Минске и Варшаве ⁴⁴.

После этого сообщения Фенраевскому было предложено назвать фамилии руководителей контрреволюционной организации, место ее нахождения.

Сделав большую паузу, Фенраевский сказал:

— Вы знаете, господин председатель, я сегодня всю ночь не спал и не почевал у себя дома, а бродил за городом и очень устал. У меня голова отказывается работать. Сделайте милость, отпустите меня отдохнуть, после чего я соберусь с мыслями и все подробно расскажу.

— Хорошо,— ответил Яркин,— вам эту возможность предоставим. И чтобы не подвергаться опасности и не рисковать своей жизнью от своих друзей, к вашим услугам мы предоставим эту самую комнату, и вы в ней располагайтесь как дома. Она оборудована специально для гостей наподобие хорошего номера в гостинице. Вам принесут поесть, и затем отдохните, а часов в девять вечера продолжим беседу.

Фенраевский поблагодарил за такую любезность.

В девять вечера В. И. Яркин возвратился в комнату, где отдыхал Фенраевский. Он застал его сидевшим за круглым столом. Перед ним лежали записная книжка и листы бумаги. В комнату принесли чай и бутерброды. После легкого ужина они приступили к продолжению незаконченного разговора. На вопрос,

восстановил ли в памяти имена и фамилии лиц, проводивших контрреволюционную работу, Фенраевский ответил утвердительно.

— Вот я,— сказал он,— составил список пятидесяти двух организаторов и руководителей контрреволюционной организации, ответственных перед Советской властью за враждебную деятельность.

Первыми в этом списке были генерал Михаил Дорман, архиепископ Макарий Гнеушев, гомельский помещик Паскевич. Потом шли фамилии так называемого «Белорусского народного секретариата» — И. Макреева, Н. Середы, К. Езовитова, И. Воронко и других.

Далее Фенраевский указал не только на существование крупной контрреволюционной организации в Смоленске, но и на то, что филиалы ее созданы в ряде районов Западной области, в том числе в Белоруссии, на ее оккупированной территории. Они ведут активную борьбу с подпольными большевистскими организациями, выдают большевиков германским оккупационным властям.

Из составленного Фенраевским списка было видно, что возглавляют контрреволюционные организации в Смоленске, Минске, Гомеле, Могилеве, Бобруйске и ряде других городов Западной области в большей части бывшие помещики, попы, ксендзы, раввины, а также бывшие жандармы и другие полицейские чины. На первом плане в числе вдохновителей контрреволюции значилась фамилия генерала Довбор-Мусницкого.

Фенраевскому был задан вопрос:

— Откуда эта контрреволюционная организация получает или предполагает получать денежные средства для содержания своих организаций и приобретения оружия?

Фенраевский ответил:

— Я очень близко соприкасался с работниками штаба Завесы, по всем вопросам деятельности наших контрреволюционных организаций имел разговоры с главным руководителем контрреволюции в Западной области — начальником этого штаба Михаилом Дорманом, по его заданию выполнял ряд оперативных поручений по связи между отдельными руково-

дителями филиалов. Только недавно по личному поручению Дормана ездил в командировку в Вязьму от штаба Завесы под видом исполнения служебных обязанностей на явку к архиепископу Макарию. Разговор шел об активизации работы по подготовке переворота и установлению в Западной области военной диктатуры во главе с генералом Дорманом. Это уже после майского провала, который был лишь первой разведкой в этом направлении.

Архиепископ Макарий, как сообщил далее Фенраевский, передал через него настоятельный совет генералу Дорману еще крепче мобилизоваться, организовать все силы и средства для решительного действия, а деньги для этой цели обещал отпустить в достаточном количестве. И действительно, после поездки Фенраевского к Макарию, в конце мая 1918 года через Смоленск в имение Энгельгардта (Духовщинский уезд) было перевезено по железной дороге несколько вагонов оружия и снаряжения.

На этом первый допрос Фенраевского был окончен. Его задержали и содержали под стражей на протяжении всего периода расследования по делу дормановской организации.

В ночь на 12 июня в Смоленске и в других городах были произведены аресты всех лиц, причастных к контрреволюционной организации, возглавляемой генералом Дорманом. В процессе следствия по этому делу было допрошено около двух тысяч человек. Из показаний арестованных и свидетелей выяснилось, что ожесточенную борьбу против Советской власти на территории Белоруссии и Смоленской губернии вели не только свергнутые Октябрьской социалистической революцией помещики и капиталисты, буржуазные и мелкобуржуазные партии, но и духовенство. И одним из главных руководителей и вдохновителей контрреволюции был архиепископ Макарий, настоятель Вяземского монастыря, в то же время и фабрикант, изготовлявший медные пуговицы для обмундирования царской русской армии. Он был связан с тридцатью крупными помещиками (Радзивиллом, Потоцким, Паскевичем), владельцами земельных угодий в Смоленской губернии и Белоруссии,

которые имели огромные капиталы в заграничных банках.

В деятельность контрреволюционной организации была втянута и значительная часть бывшего офицерства и жандармерии, которые еще верили в возможность свержения Советской власти и реставрирования буржуазно-помещичьего строя, пророчили в Белоруссии власть польских магнатов под протекторатом Пилсудского, а военным диктатором метили генерала Михаила Дормана, начальником его главного штаба — полковника царской армии Стефана Антоновича. На должность минского генерал-губернатора намечался Василий Сорокин, бывший генерал и начальник Виленского губернского жандармского управления. Смоленским генерал-губернатором должен был стать смоленский полицмейстер Владимир Геннер, а полицмейстером — бывший пристав Василий Гладышев, — все активные участники контрреволюционного заговора Дормана.

По делу Дормана были также привлечены к ответственности:

Арвед Лукстин, который поддерживал дормановскую организацию средствами и внес казначею Макарию через иностранные банки в фонд укрепления контрреволюционной организации 57 тысяч рублей;

Михаил Кац, офицер царской армии, активный участник сколачивания белогвардейских отрядов для дормановской организации, организатор доставки оружия в имение помещика Энгельгардта;

Александр Захаров, штабс-капитан царской армии, активный участник заговора, один из организаторов майского контрреволюционного восстания в Смоленске;

Стефан Антонович, адъютант начальника штаба Завесы, полковник царской армии, активный участник заговора, один из организаторов майского восстания в Смоленске;

Филипп Дюна, милиционер смоленской милиции, который одновременно работал в штабе дормановской организации в качестве посыльного, был посвящен во всю деятельность этой организации и предупреждал ее о всех мероприятиях, намечаемых советскими органами по борьбе с контрреволюцией;

Георгий Лятковский, бывший поручик, активный участник организации, связной между штабом и районными начальниками, сам препровождал и хранил оружие;

Борис Урядов, штабс-капитан старой армии, командированный командованием контрреволюционного чехословацкого корпуса и Колчаком для вербовки добровольцев в белогвардейские отряды из населения прифронтовой полосы в Белоруссии, имевший связь с дормановской организацией;

Николай Реут, крупный помещик Смоленской губернии, снабжавший через иностранные банки дормановскую организацию деньгами;

Николай Энгельгардт, крупный помещик Смоленской губернии, в имении которого хранились оружие, взрывчатые вещества, боеприпасы для снабжения и вооружения частей дормановской организации, помогал контрреволюционной организации денежными средствами и продовольствием;

Станислав Жданович, присяжный поверенный, член кадетской партии, участник еврейских погромов в 1907—1908 годах в Белоруссии, содержатель конспиративной квартиры в Смоленске, где собирались руководители контрреволюционной организации и лица, прибывающие из-за границы для оказания финансовой и материальной помощи дормановской организации;

Владимир Возненко, полковник царской армии, организатор воинских отрядов, предназначавшийся в командиры крупного военного контрреволюционного соединения;

Вадим Возненко, бывший прапорщик, занимался вербовкой добровольцев в белую армию на оккупированной германскими войсками территории Белоруссии;

Борис Танцов, видный монархист, издатель в 1907—1910 годах черносотенной газеты в Смоленске, предполагавшийся на руководящий пост после переворота.

Офицеры старой армии Михаил Заичко, Петр Соляников, Борис Огурецкий, Сергей Крутиков и другие предназначались после переворота командирами контрреволюционных воинских подразделений.

Все перечисленные лица и многие другие заговорщики, находясь в большинстве своем на службе в советских учреждениях, получали заработную плату и питание, пользовались всеми привилегиями военной организации, в их распоряжении находились автомобили, хорошие упряжки, они беспрепятственно пользовались правом проезда в поездах железной дороги, а высокопоставленные из них — отдельными вагонами и паровозами.

В чем причина? Почему именно в советских, в частности в военных, организациях свила контрреволюция свое тайное гнездо? На этот вопрос дал ответ на допросе сам руководитель организации генерал Михаил Дорман.

— В штабе Западной Завесы, — говорил он, — были коммунисты, которые полностью доверяли военным специалистам. Благодаря этому нам предоставлялась полная свобода действий. И этим мы пользовались, бесконтрольно творили в аппарате штаба все, что нам, военным специалистам, заблагорассудится, в том числе использовали возможность для подготовки и организации свержения Советской власти, замены ее новой властью⁴⁵.

Этот ответ не требует комментариев. Он свидетельствует лишь о том, что вследствие беспечности и недостаточной классовой бдительности руководящих работников многие военные специалисты из бывшего офицерства действовали бесконтрольно, из-за чего им относительно легко удалось здесь создать крупную контрреволюционную организацию, имевшую разветвленную сеть во многих районах Белоруссии и Смоленской губернии.

В Смоленске дормановская контрреволюционная организация имела несколько конспиративных квартир. Содержателем одной из них был бывший нотариус, работник городского Совета Ильинский. У него на квартире собирались члены организации и укрывались белогвардейцы, контрреволюционеры, прибывшие из других городов, из Белорусской рады, из-за границы, в частности из Польши. За квартирой сотрудниками ЧК было установлено наблюдение и вскоре арестовано три польских офицера, которые, как потом выяснилось, нелегально перешли границу

по командировке Пилсудского для связи с Дорманом. На следствии Дорман подтвердил, что он был тесно связан с польскими лидерами и руководителями Белорусской рады.

— Будучи начальником штаба и служа Советской власти как военный специалист,— говорил он,— я в то же время очень добросовестно выполнял поручения, которые мне давались из Варшавы Пилсудским и из Минска председателем рады Середой. Работая в советском штабе, я исполнял волю своих настоящих хозяев, чтобы пустить наши щупальца во все звенья советского организма ⁴⁶.

Весной 1918 года в Смоленске началось формирование польских национальных воинских частей под руководством польского коммуниста Бабинского. Для того чтобы прибрать вновь формируемые Советской властью польские части к своим рукам, дормановская контрреволюционная организация поручила члену кадетской партии, присяжному поверенному Станиславу Ждановичу, по возможности, тайком направлять в польские части «своих» людей. Жданович имел значительное влияние среди кулацко-зажиточной части населения, пользовался известной популярностью в буржуазно-мещанских слоях и особенно среди военных. С его помощью врагам удалось направить в польские части достаточное количество «добровольцев» из враждебно настроенных к Советской власти военных. И когда была раскрыта организация дормановцев и в процессе следствия было выявлено, что во вновь формируемых Советской властью польских частях орудуяют посланцы контрреволюционного штаба, органы ЧК изъяли из этих частей до 300 матерых белогвардейцев, часть из которых занимала там высокие командные должности.

Контрреволюционная организация, внедряя в новые формирования белогвардейцев, имела на это определенную ставку: в случае успешно осуществленного переворота и захвата власти дормановцами эти формирования перейдут в распоряжение контрреволюции и тогда будут использованы как боевые части для борьбы против Советской власти.

Осуществить этот преступный план не удалось, контрреволюционная организация была раскрыта.

Дормановская контрреволюционная организация имела непосредственные связи с белогвардейскими организациями за границей, белогвардейскими главарями всероссийского масштаба, от них получала через различные каналы оружие и боеприпасы, крупные денежные суммы на сколачивание контрреволюционных отрядов и вербовку добровольцев в белую армию. В подтверждение можно привести следующие факты.

В июле 1918 года на станции Смоленск в пассажирском поезде, прибывшем из Москвы, сотрудниками ЧК был арестован подозрительный пассажир. При проверке документов он предъявил удостоверение, выданное Архангельским губернским военным комиссариатом на имя Бориса Урядова, командированного в Смоленскую губернию для приобретения обмундирования. Но при обыске у этого пассажира в буханке хлеба был обнаружен пакет с шифрованным письмом, адресованным начальнику штаба Западной Завесы генералу Дорману. Когда содержащегося под арестом Дормана заставили это письмо расшифровать, то оказалось, что Урядов — офицер восставших против Советской власти чехословацких частей, командирован в Смоленск по указанию адмирала Колчака со специальным заданием вербовать добровольцев для колчаковской армии.

Средства на эти цели, как указывалось в письме, Урядов получит из Вязьмы от архиепископа Макария Гнеушева, на что у Урядова имелась специальная доверенность — другая шифровка, которую пришлось расшифровывать уже самому Макарию, также находившемуся под арестом.

У Урядова были также обнаружены бумаги, которые дали возможность чекистам при обыске в имении помещика Поречского уезда Таранковского обнаружить важный документ, озаглавленный «Список лиц, стоящих на платформе защиты Временного правительства». В этом списке значились имена крупных помещиков и капиталистов, финансировавших дормановскую контрреволюционную организацию⁴⁷.

Другой пример. От одного арестованного активного участника контрреволюционного заговора сотрудниками ЧК были получены данные о том, что не-

давно в имение помещика Энгельгардта прибыло несколько вагонов оружия. Когда там произвели обыск, действительно был обнаружен огромный склад оружия: только в одном амбаре усадьбы хранилось 150 ящичков маузеров, 750 австрийских карабинов, 25 ящичков английских гранат, большое количество патронов и автомобиль в разобранном виде. Как было установлено, все это перевозилось по литерам воинских перевозок, выданным штабом Западной Завесы, а от железнодорожной станции в имение Энгельгардта доставлялось на подводах. Грузчики и лошади также предоставлялись по нарядам военного ведомства.

Несмотря на провал восстания 2 мая 1918 года в Смоленске, дормановская контрреволюционная организация активно организовывала вооруженные выступления и мятежи против Советской власти в уездах, всячески поддерживала бандитизм на территории Белоруссии и Смоленской губернии.

— В этом направлении,— говорил на допросе Дорман,— мы получали директивы и указания из Минска от руководителей рады Белорусской народной республики, а также из Варшавы от Пилсудского. На их основе проводили мероприятия, способствовавшие дезорганизации работы советских органов на местах, оказывали финансовую и материальную поддержку в организации бандитизма и открытых мятежей против Советской власти. Именно на это ставили ставку наши руководители и наша организация, которая проводила свою работу вполне сознательно, и я, как руководитель, признаю себя виновным в том, что для этого дела использовал советский военный орган, который во многом способствовал при моем им руководстве развитию борьбы против Советской власти. Этим я преследовал единственную цель — спасти край от большевиков ⁴⁸.

В своих показаниях и архиепископ Макарий, и генерал Дорман отмечали, что убийство в Москве германского посла Мирбаха окрылило всех монархистов, а также англо-французских и германских капиталистов, которые белорусским и польским буржуазным националистам сразу начали оказывать огромную финансовую поддержку на организацию

контрреволюционной работы внутри Советской страны, и особенно в пограничной полосе.

После левозсеровского мятежа в Москве дормановская организация более открыто и нагло стала выступать против Советской власти, несмотря на арест ряда ее руководителей. Об этом свидетельствует ряд контрреволюционных вооруженных восстаний и мятежей, организуемых ею на территории Западной области летом 1918 года. Одним из крупных вооруженных выступлений против Советской власти явилось восстание 14 июля 1918 года в городе Белом Смоленской губернии, разработанное и тщательно подготовленное дормановской организацией по прямому указанию архиепископа Макария. До ареста он лично предписал бельскому протоиерею Чулкову созвать на религиозное празднество всех христиан уезда, по возможности побольше умеющих владеть оружием.

— Используйте для этого,— предписывал Макарий,— списки, которые находятся у председателя Совета Никольской волости вашего уезда Воронина, проживающего в селе Петрово, где будет расквартирован штаб нашего отряда.

Готовя восстание, дормановцы использовали религиозный праздник, как притягательную силу для крестьянской массы, собрали в этот день в городе Белом около полутора тысяч населения уезда на «богомолье» с расчетом, что собравшиеся прослушают богослужение, и празднество закончится общеуездным крестьянским сходом, на котором православные должны иметь не только иконы, но и огнестрельное оружие. Эта контрреволюционная затея была подкреплена достаточным количеством винтовок и пулеметов, которые имелись в складах уездного военного комиссариата. Один из каптенармусов складов Алексей Бойков являлся активным членом дормановской организации, состоял членом белогвардейского штаба в городе Белом и лично руководил организацией восстания 14 июля.

По намеченному плану, едва закончились молебны, контрреволюционные элементы, разбившись на группы, с обрезками и нагаками в руках заняли почту, казармы городской милиции и красноармейских

отрядов, разоружили и арестовали милиционеров и красноармейцев, коммунистов, членов местного Совета и многих активистов — всего до 100 человек. После этого белогвардейцы собрались на базарной площади, куда на подводах были доставлены бочки с вином, и устроили гулянье по случаю «свержения Советской власти в уезде». Сюда же на площадь были приведены 18 арестованных коммунистов и красноармейцев. После зверских издевательств над ними пьяные белогвардейцы тут же заставили свои жертвы рыть яму.

Когда яма-могила была выкопана, вожаки восстания полковник Велинг, А. Бойков, С. Моченников, Воронин, протоиерей Чулков, дьякоп Троицкий и другие приказали пьяным палачам на глазах у всех собравшихся раздеть арестованных и столкнуть в яму. Все 18 человек были закопаны живыми, а дьяк Троицкий на свежей могиле произнес речь, в которой призвал православных принимать решительные меры для спасения арестованного большевиками архиепископа Макария. Он уверял присутствующих, что Советская власть свергнута не только в уезде, но и в других местах Западной области.

В заключение этот святой отец с неслыханной наглостью заявил: «Вот мы здесь по христианскому обычаю совершили кощунство, похоронив живыми в могиле людей. Этот грех мы на свою душу приняли, но бог нас поймет и простит, мы боремся за христову веру и свое отечество».

Как только о трагедии в городе Белом стало известно в Смоленске, по указанию Северо-Западного областного комитета РКП(б) для ликвидации вооруженного мятежа туда были срочно направлены красноармейские части под командованием члена обкома партии губвоенкома Н. И. Кривошеина. Мятеж был ликвидирован. ЧК произвела срочное расследование и с помощью крестьянской бедноты установила, что все участники восстания оказались кулацкой частью уезда. По делу бельского восстания было привлечено к ответственности 388 наиболее активных его зачинщиков, из которых 45 расстреляны.

Аналогичные вооруженные восстания против Советской власти, организуемые дормановцами, имели

место и в других уездах Западной области, в том числе на неоккупированной части территории Белоруссии.

Все арестованные по делу дормановской контрреволюционной организации — М. Дорман, архиепископ Макарий Гнеушев, С. Антонович, В. Гепнер, В. Гладышев, А. Лукстин, А. Захаров, В. Фенраевский, Ф. Дюна, В. Возненко, Б. Урядов, С. Жданович, Б. Танцов, нотариус Ильинский и другие активные участники организации на допросах признали себя виновными в контрреволюционных действиях против Советской власти.

Дормановская белогвардейская организация, как уже говорилось выше, была непосредственно связана с контрреволюционной Белорусской радой и с польской националистической буржуазией, представители которой неоднократно приезжали в Смоленск, встречались с руководителями дормановского штаба, намечали совместные планы борьбы с Советской властью. При обыске на квартире генерала Дормана среди других документов и вещественных доказательств контрреволюционной деятельности была обнаружена телеграмма германскому императору Вильгельму, направленная 25 апреля 1918 года руководством Белорусской рады. Националисты благодарили немецких интервентов за «освобождение» Белоруссии, заверяли, что только под покровительством германского государства рада видит добрую «долю» Белоруссии в будущем. Эта телеграмма, по заявлению Дормана, им была получена из рук самого архиепископа Макария, который использовал ее для агитационного воздействия на население через духовенство.

Кроме этого, на его квартире в письменном столе в одной из записных книжек был обнаружен написанный рукой Дормана набросок следующего содержания:

«1. Борьба за освобождение Белоруссии и прилегающих к ней территорий приблизительно до Вязмы от Советской власти.

2. Создание сильной боеспособной национальной армии из белорусов и поляков, с возможностью использования для этой цели формируемых в данное время Советской властью польских национальных

частей, которые после их укомплектования поставить на положение независимых от влияния каких-либо политических партий и подчиненных исключительно воле военной директории, созданной для управления краем.

3. Полная независимость управления краем от гражданских властей.

4. Реорганизация армии в соответствии с воинским уставом Польского государства»⁴⁹.

По поводу этой записи Дорман на следствии заявил, что она была сделана «во время нахождения в Смоленске минских и варшавских гостей в начале апреля 1918 года, т. е. тогда, когда еще только наша организация зарождалась».

Дормановская контрреволюционная антисоветская организация одновременно являлась западным отделением обширного монархического союза «Наша Родина», действовавшего на юге и юго-западе России, созданного с ведома и не без содействия германского военного командования. Центр этого союза находился в Киеве, возглавляли его крупный помещик и сахарозаводчик, бывший член государственной думы и царский министр граф Бобринский, герцог Н. Лейхтенбергский и присяжный поверенный Акадатов.

В программном документе, найденном при ликвидации западного отделения дормановской организации, говорилось, что цель и назначение организации «Наша Родина» — борьба с большевиками, восстановление в России монархии. Ориентация — сперва выгнать большевиков, восстановить монархию, а потом уже разбирать внутренние дела. Образ правления — монархия с народным представительством при двухпалатной системе, министерство ответственное, но не парламентарное. Программа предусматривала сохранение частного землевладения, и лишь в крайних случаях отчуждение земли путем выкупа. Особо подчеркивалось, что землей могут наделять, прежде всего, пострадавших на войне георгиевских кавалеров и тех, которые «не запятнали себя грабежами и насилиями во время революции». При такой формулировке надела землей лишались все крестьяне, получившие землю во время революции; их-то и назы-

вали помещики и контрреволюционеры грабителями. В национальном вопросе и в области идеологии и культуры программа предусматривала воспитание в религиозном и национально русском духе⁵⁰.

Непосредственной задачей союза «Наша Родина» было создание «Южной армии», во главе которой стояли герцог Н. Лейхтенбергский и начальник штаба генерал-лейтенант Литовцев. Агенты союза — хорошо оплачиваемые офицеры, заведующие этапными пунктами, курьеры — вербовали личный состав «Южной армии» и направляли людей в главные пункты сбора: в Житомир, Псков, Могилев, Харьков, Полтаву, Минск и другие города. В обязанности начальников этапных пунктов, находящихся при вокзалах, на пристанях Днепра, в конторах дежурных по станциям, входило обеспечение добровольцев деньгами и направление их в центральный пункт. Сформированные воинские части вооружались и снабжались германским военным командованием.

17 сентября 1918 года на заседании Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией Западной области под председательством В. И. Яркина был рассмотрен вопрос о контрреволюционном военном заговоре во главе с генералом Дорманом. Чрезвычайная Комиссия приняла постановление — расстрелять организаторов и активных участников заговора. Постановление ЧК в этот же день было приведено в исполнение.

20 сентября 1918 года было опубликовано в печати сообщение Чрезвычайной Комиссии Западной области о расстреле более 40 участников дормановского заговора.

В январе 1922 года был задержан и привлечен к судебной ответственности бывший начальник штаба «Южной армии» генерал-лейтенант Литовцев. Военная коллегия Верховного революционного трибунала приговорила его к расстрелу, но, учитывая раскаяние подсудимого, а также разгром к тому времени всех белогвардейских армий, применила к нему амнистию и заменила расстрел пятью годами лишения свободы.

На вопрос, что представляет собой дормановский заговор, газета «Известия исполнительного комитета

Советов Западной области» в номере за 21 сентября 1918 года дает следующий ответ: дормановская организация создана по подробно разработанному плану, по такому же плану должны были организоваться контрреволюционные силы и в других областях. Без сомнения дормановских белогвардейцев инструктировали центры, и они должны были выступить одновременно и сплоченно.

Дормановский заговор — это целая организация, во главе которой стоял военный штаб, которому подчинен ряд районных начальников, а тем, в свою очередь, отдельные десятки, во главе которых стояли начальники из бывших офицеров. Этот же штаб имел целый разведывательный аппарат, свой сыск. Таковыми разведчиками служили дормановцам сотрудник милиции, бывший городской Филипп Дьюна, сообщавший о всех предполагаемых шагах милиции, сын помещика Лятковский, бывшие офицеры, осведомлявшие штаб о положении Красной Армии, и т. д.

Бывший генерал, бывший городской, сын бывшего помещика, бывший полицейский и кадетский присяжный — вот кто готовил переворот. Роли уже были распределены. Не будь, подчеркивается в газете, зоркой чрезвычайки, и в один прекрасный день генерал Дорман провозгласил бы себя полновластным диктатором Западной области, рядом с ним стал бы бывший начальник виленской охранной полиции, помещик, генерал Сорокин, офицеры и помещики вынырнули бы из своего тихого подземелья и стали бы властью над рабочими и крестьянами. Помещики не жалели денег. Господа Ждановичи, Энгельгардты и другие богато снабжали деньгами свою организацию, ибо она должна была их восстановить в былых правах помещика и банкира. Теперь эта организация раскрыта, осиное гнездо контрреволюции разбито, руководители этого белогвардейского штаба, организаторы и активные участники дормановского военного заговора получили по заслугам.

С раскрытием и ликвидацией дормановской контрреволюционной организации в Смоленске и ее филиалов в ряде уездов Западной области здесь значительно оздоровилась обстановка. Однако органам ЧК и впредь пришлось вести решительные меры по пресе-

чению вражеских действий других белогвардейских банд, которые продолжали борьбу против Советской власти.

5. НОВЫЙ УДАР ПО КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Политическая организация бедноты и социалистические преобразования в экономике к осени 1918 года стали большой общественной силой, играющей важную роль в развитии социалистической революции на селе. Опираясь на помощь рабочего класса, пролетарские и полупролетарские слои деревни через комитеты бедноты активно проводили в жизнь все мероприятия Коммунистической партии и Советской власти.

Положительные изменения в политической обстановке деревни вызвали тревогу в стане врага, и в частности кулачества, вокруг которого группировались все контрреволюционные элементы. Всех их — бывших монархистов, кадетов, меньшевиков, эсеров — объединяла общая цель — ликвидировать Советскую власть и восстановить свергнутый социалистической революцией буржуазно-помещичий строй.

Начавшаяся в ноябре 1918 года революция в Германии, поражение немецкого империализма в войне против стран Антанты дали возможность Советской республике аннулировать грабительский Брест-Литовский договор. Вместе с тем поражение Германии позволило английским, французским и японским империалистам использовать свои войска против Страны Советов, что способствовало, в свою очередь, активизации внутренней контрреволюции.

Белогвардейское офицерство усилило свою деятельность по подготовке контрреволюционных сил к активным действиям на территории Западной области. От антисоветской агитации враги перешли к организации вооруженных мятежей. Летние левоэсеровские восстания как бы послужили сигналом к этому. В такой обстановке от местных партийных и

советских органов требовалось проявление особой революционной бдительности.

Северо-Западный областной комитет РКП(б) и облискомзап обратили серьезное внимание на возможность возникновения кулацко-эсеровских контрреволюционных выступлений, принимали решительные меры к пресечению их. В сентябре 1918 года состоялся III съезд Советов Западной области. Его президиум направил телеграмму в адрес ВЦИК, в которой сообщалось, что съезд заслушал внеочередное заявление Чрезвычайной Комиссии о раскрытии контрреволюционного заговора, ставившего своей целью установление военной диктатуры, и предложил всем Чрезвычайным Комиссиям усилить бдительность и беспощадно расправляться с врагами власти рабочих и беднейших крестьян.

16 сентября на заседании исполкома Западной области было принято решение ходатайствовать перед СНК и ВЦИК об оставлении на территории области броневиков, которые могут потребоваться для подавления контрреволюционных вооруженных мятежей. Эти меры были вызваны тем, что из ряда уездов поступали сведения о формировании крупных белогвардейских вооруженных отрядов из бывших офицеров, буржуазии и кулаков для открытого выступления против Советской власти⁵¹.

В ответ на призыв большевистской партии вести беспощадную борьбу с контрреволюционерами коммунисты Оршанского железнодорожного узла на своем собрании в сентябре 1918 года приняли обращение ко всем рабочим железнодорожного транспорта. В этот грозный для революции час, говорилось в нем, когда извне и внутри банды контрреволюционеров всеми способами стараются задушить революцию, мы призываем всех рабочих сплотиться и беспощадно уничтожать врагов, в чем единственное спасение рабоче-крестьянской Советской власти. Всех рабочих, одурманенных пропагандой контрреволюционеров о какой-то учредилровке, просим приходить к нам, и мы всегда придем на помощь и разъясним, в чем заключается хитрость этих контрреволюционеров. Всем контрреволюционерам объявляем красный

террор, если хотя один волос падет с головы нашего рабочего в борьбе с врагами.

Мы, красноармейцы 1-й Чаусской коммунистической роты, говорилось в принятой 17 сентября резолюции, клянемся защищать Советскую власть до последней капли крови и все, как один, готовы по первому зову нашей родной власти с оружием в руках встать на защиту Советской республики⁵².

Несмотря на предпринятые партийными и советскими органами меры, полностью предотвратить контрреволюционные мятежи осенью 1918 года не удалось. Существовавший в Смоленске контрреволюционный штаб, хотя многие его члены были арестованы, продолжал мобилизацию сил для открытого выступления против Советской власти. Созданные им в уездах и волостях вооруженные отряды численностью от 5 до 30 человек, объединявшие отъявленных контрреволюционеров, получали оружие из штаба «Северной добровольческой армии», действовавшего подпольно в Пскове.

Внутренняя контрреволюция в борьбе с Советской властью большую надежду возлагала на эту армию, имела с ней непосредственную связь, которая наглядно проявилась во время велижского мятежа в Витебской губернии, где во главе каждого отряда мятежников стоял бывший офицер царской армии. Общее руководство мятежами в уездах Витебской, Могилевской и Смоленской губерний предполагалось осуществлять из Пскова через штаб велижских контрреволюционеров, который находился в лесу около местечка Сураж Витебской губернии. На одном из совещаний, по указанию из Пскова, мятежники приняли решение о захвате в свои руки Велижа и Поречья, затем Витебска и Смоленска⁵³.

Попытки организации вооруженного выступления против Советской власти со стороны офицерства и кулачества относятся к сентябрю. Бывшие офицеры Крупский, Бранд и другие совместно с бывшими помещиками и купцами Морманом, Шагаловым и Туриком еще летом создали в Велиже подпольную контрреволюционную организацию под известным уже названием «Союза русского народа». Через своих единомышленников главари этой организации уста-

новили связи с окружающими волостями Витебской губернии и начали готовиться к вооруженному восстанию.

Одновременное выступление в городе и прилегающих к нему деревнях было намечено ко времени окончания полевых работ и уборки урожая, когда ожидался новый нажим деревенских комитетов бедноты на кулацко-зажиточные слои в связи с продразверсткой. Заговорщики большие надежды возлагали на эти слои. Во-первых, в уезде были расположены имения бывших председателя государственной думы Родзянко, полковника и предводителя дворянства Кондратьева, генерала Лайминча и других высокопоставленных деятелей. Около этих имений кормилась шайка всяких обывателей, которая не прочь была оказать своим хозяевам помощь вернуть прежнее.

Враждебность к Советской власти кулачества уезда проявилась еще в июльские дни 1918 года, когда под руководством местных эсеровствующих офицеров Карла Азняка и Яна Вейнберга было поднято восстание, в котором принимало участие до 1000 человек. Для его подавления потребовалась помощь сильного красноармейского отряда из Витебска. Велижскому «Союзу русского народа» тогда не удалось осуществить свой план — в начале сентября заговор был раскрыт, а главари его арестованы. Однако велижская контрреволюция вскоре привела в порядок свои расстроенные ряды и в начале ноября вновь подняла контрреволюционное восстание в городе и в ряде волостей уезда.

11 ноября 1918 года кулачество Усмынской волости под руководством эсера — местного кулака Кузнецова — выступило против Советской власти. Восстание перекинулось на соседнюю Крестовскую волость. Мятежники разогнали местные Советы, убивали советских активистов и коммунистов, провозгласили лозунг «Вся власть Учредительному собранию».

Из уездного центра Велижа немедленно были брошены значительные революционные силы для ликвидации восстаний в этих волостях. Контрреволюционеры во главе с бывшим офицером эсером

Петрущенко воспользовались тем, что многие красноармейцы направлены на подавление сельских мятежников, что в городе отсутствует достаточно сильный гарнизон, сами подняли восстание, но удержаться, однако, в городе им не удалось. Местная большевистская организация и советский актив быстро мобилизовали все наличные революционные силы. Не выдержав сильного нажима, мятежники покинули Велиж и пошли на соединение с мятежниками соседних волостей — Будницкой, Усвятской и Церковищенской, которые тем временем уже присоединялись к восставшим кулакам Усмынской волости.

Кулацко-эсеровское восстание перекинулось на левый берег Западной Двины, охватив Свободскую и Маклаковскую волости, в которых верховодил бывший офицер эсера Анущенко, известный впоследствии бандитский главарь под кличкой «Оберона». Велижские мятежные банды бесчинствовали в некоторых волостях Суражского уезда. В телеграмме в адрес Витебской губернской Чрезвычайной Комиссии заведующий Суражской конторой почты и телеграфа Амантов 14 ноября 1918 года сообщал следующее: «Со стороны Усвят наступают на Сураж повстанцы, уничтожая на пути все Советы. Сегодня разведкой обнаружен в 7 верстах от Суража лагерь повстанцев. Силы местной волости ничтожны, защиты ожидать трудно»⁵⁴.

Положение создалось исключительно тяжелое. Мятежники выпускали контрреволюционные воззвания, разгоняли волостные Советы, силой забирали крестьян в свои отряды, а отказывающихся идти расстреливали.

Высланный на борьбу с мятежниками отряд под командой бывшего офицера Богданова перешел на сторону контрреволюции.

Для подавления кулацко-эсеровского восстания в Велижском уезде из Витебска были направлены крупные вооруженные отряды красноармейцев, которые во второй половине ноября полностью очистили территорию уезда от мятежников.

В политической сводке Военно-революционного Совета Западной армии о положении в Витебской губернии от 28 ноября 1918 года говорилось: «Восста-

ние, возникшее 2 недели тому назад в Велижском у. и перекинувшееся в другие, ликвидировано, всюду выносятся резолюции признания Советской власти. Восстание носило организованный характер, во главе отрядов стояли бывшие офицеры. Чрезвычайной Комиссией установлена связь восстания с белой Северной армией»⁵⁵.

«21 ноября в Велижском у. ликвидировано контрреволюционное восстание,— отмечается в другой сводке.— ...По ликвидации восстаний в Велижском у. выяснилось, что главный штаб белогвардейцев находится во Пскове под командой генерала Краснова»⁵⁶.

В ночь с 12 на 13 ноября 1918 года кулацкое восстание вспыхнуло в 8 волостях Городокского уезда Витебской губернии. В сообщении информационно-инструкторского подотдела Витебского губисполкома от 14 ноября 1918 года указывалось, что восставшие банды, разогнав Советы в Велиже и Усвятах, вторглись в пределы Городокского уезда. Восстание началось в Тиостянской, Зайковской и Стайковской волостях и распространилось в Дубокрайскую, Вышедскую, Горковскую, Вечерскую и Старинскую волости. Оружие было взято, отмечалось в сообщении, у оставшихся от расформирования воинских частей 17-го корпуса и скрытое до сих пор у деревенских кулаков. Восстание носило политический характер. Мятежники, состоявшие из кулаков, офицеров и духовенства, требовали свержения Советской власти и восстановления в стране монархии⁵⁷.

14 ноября состоялось заседание Городокской партийной организации, на котором для борьбы с восставшими контрреволюционерами был создан чрезвычайный военный штаб из 5 человек во главе с председателем уездного исполкома Советов Воробьевым. Чрезвычайные штабы по борьбе с мятежниками были созданы и в волостях. Городокский уезд был объявлен на военном положении.

На подавление кулацко-эсеровского мятежа сюда спешно направились красноармейские отряды. К ним присоединялись местные отряды из коммунистов и активистов деревенской бедноты. Благодаря решительным действиям этих отрядов кулацко-белогвардейские банды всюду терпели поражения. Уже 16 но-

ября чрезвычайный штаб Вышедской волости сообщал в Городокский уездный исполком, что Вышедская волость очищена от белогвардейцев в ночь на 16 ноября без кровопролития. 8 человек арестованы и отправлены в Городок. По официальным сведениям, белые двинулись по направлению к Старинской волости. Мы приступили к разведке по направлению Веречской, Зайковской и Горковской волостей. Белогвардейцы организовались в большинстве из местных кулаков.

Контрреволюционный мятеж в Городокском уезде к 20 ноября 1918 года был полностью ликвидирован, Советская власть восстановлена. 19 ноября Городокский уездный исполком Советов рассмотрел на своем заседании вопрос о контрреволюционном восстании и принял любопытное постановление. Приведем его содержание:

Заслушав доклад председателя чрезвычайного штаба тов. Воробьева о контрреволюционном восстании в ряде волостей и принимая во внимание, что оно было организовано кулаками и другими контрреволюционными лицами и что целью этого восстания было свержение Советской власти, уничтожение ее представителей и восстановление старого монархического строя, исполнительный комитет постановил наложить на кулачество и контрреволюционный элемент этих волостей контрибуцию в размере 2 миллионов рублей. Эта сумма должна быть немедленно взыскана и внесена в Городокское казначейство. Для выяснения на местах обстоятельств возникновения мятежей чрезвычайному штабу поручено создать следственную комиссию⁵⁸.

В эти дни кулацко-эсеровско-белогвардейские выступления против Советской власти имели место и в ряде других уездов Могилевской и Витебской губерний. 19 ноября в Лизненской и Микулинской волостях Оршанского уезда белогвардейцы с помощью кулаков организовали вооруженные выступления против местных органов власти, убивали советских активистов. 23 ноября был подавлен мятеж в Полоцком уезде, часть зачинщиков была расстреляна, часть передана Чрезвычайной Комиссии для привлечения к уголовной ответственности. У мятежников было от-

нято 1500 винтовок. В Лепельском уезде, в Андреевской волости, имели место нападения контрреволюционных элементов на военный комиссариат⁵⁹.

Почти одновременно вспыхнули контрреволюционные восстания в Поречском и Бельском уездах, в ряде мест Витебского, Смоленского, Красницкого, Духовщинского и других уездов. Кулацко-эсеровским движением, известным в народе под названием «Жигаловщины», к ноябрю 1918 года была охвачена вся территория Западной области.

Главным организатором этого контрреволюционного движения был Александр Жигалов, бывший офицер, служивший у Корнилова и состоявший членом партии кадетов, сын священника. Вернувшись осенью 1917 года в Поречский уезд после бегства генерала Корнилова, Жигалов, питая ненависть к Советской власти, начал исподволь собирать и организовывать своих единомышленников из кулачества, офицерства и эсеровствующей сельской интеллигенции.

Первое время Жигалов вел себя осторожно, открыто против Советской власти не выступал, чтобы не навлечь на себя подозрение. Усилившееся недовольство кулачества в связи с продовольственной политикой Советского правительства и колебание части середняков вызвали у Жигалова надежды на возможный успех. После антисоветского выступления чехословацкого корпуса на Волге и особенно левоэсеровского мятежа в Москве он начал открытую агитацию среди крестьян за свержение Советской власти.

Одновременно с этим Жигалов со своими братьями Константином и Владимиром, при участии своего отца, священника Бородской церкви, приступил к организации вооруженного отряда из местных кулаков, их сынков и бывших офицеров. К августу 1918 года отряд насчитывал уже в своем составе несколько десятков бандитов.

Первым актом вооруженного выступления отряда было нападение на Каспийский волисполком 10 августа, убийство его председателя Прохорова и члена Велижского уездного исполкома Красинцева, находившегося там в это время по делам службы. Глав-

ной целью налета на волисполком, кроме убийства указанных лиц, был захват имевшихся там винтовок, которые за несколько дней до этого были получены из Витебска для вооружения местного актива деревенской бедноты. Как потом оказалось, Жигалову сообщил о прибытии сюда оружия волвоенком Стрелков, бывший офицер, поддерживавший с контрреволюционерами непосредственную связь. После убийства Прохорова Стрелков при содействии кулацких элементов был избран председателем Касплянского волисполкома, продолжал оказывать бандитам различные услуги вплоть до 1922 года, когда был разоблачен. Состоял он в то время на службе в Витебске в должности помощника уездного военкома.

Подручными Жигалова был убит председатель Бородского волисполкома большевик И. Н. Иващенко, учинена зверская расправа над советскими активистами в селе Троицком — центре Щучьенской волости Поречского уезда. «На глазах у всех людей, — рассказывал очевидец, — каждого ставили к стенке и убивали ударом штыка в сердце. Таким зверством бандиты стремились вызвать ужас среди населения. Все стены здания были обрызганы кровью наших товарищей. Убитых раздели, изувечили их тела и зарыли в одной могиле недалеко от волисполкома»⁶⁰.

Активным помощником Жигалова был бывший офицер, сын крупного землевладельца Коваленко, известный под кличкой «Барон Кыш». Из других бандитских главарей можно назвать бывшего офицера, сына попа местечка Свистовичи Макаревского, кулака по кличке «Малюта Скуратов» и бывшего помещика по кличке «Князь Серебряный».

К ноябрю 1918 года Жигалову удалось организовать несколько офицерско-кулацких отрядов, насчитывающих несколько сот вооруженных бандитов, к которым частично примыкала местная интеллигенция. Контрреволюционное белогвардейско-бандитское движение — «Жигаловщина» — охватило территорию Поречского, Духовщинского, Бельского уездов Смоленской губернии, Велижского и частично Витебского уездов Витебской губернии.

По донесениям разведки нам было известно, писал в своих воспоминаниях бывший начальник

Поречского добровольческого отряда Е. М. Кадров, «что атаманы бандитских шаяк... готовятся к новым выступлениям. Но где они — нельзя было установить, так как население было ими совершенно терроризировано, держалось в постоянном страхе. Бандиты вели секретные наблюдения за всеми подозрительными для них людьми и убивали их на месте. Мы не знали тогда, что бандиты готовятся к захвату четырех уездных городов: Поречья, Велижа, Духовщины, Белого и двух губернских — Смоленска и Витебска. Нам было известно, что главный штаб всех бандитских отрядов находится в глухих лесах Канищевской дачи, недалеко от местечка Сураж Витебской губернии»⁶¹.

Общее выступление контрреволюции было назначено на 11—12 ноября, т. е. к началу сбора продрозверстки. Уже в конце октября и начале ноября кулаки развернули сильную антисоветскую агитацию. По деревням распространялись листовки, созывались сходы, где крестьян призывали срывать мероприятия Советской власти, арестовывать и убивать партийных и советских работников. «Барон Кыш», например, распространил листовки следующего содержания:

«Советская власть в Москве, Петрограде, Смоленске лопнула, а поэтому организованный мной добровольческий белогвардейский отряд находится сейчас в селе Велисто для свержения местной власти. Приказываю населению от 18 годов и старше немедленно явиться в мое распоряжение в село Велисто, захватив с собой разного рода оружие, а также на три дня продовольствия. Наряду с этим приказываю всех находящихся большевиков, милиционеров и красных партизан арестовывать на месте и доставлять в мой штаб Велисто. Оказывающих сопротивление убивать на месте»⁶².

Такие воззвания распространялись и другими главарями банд. Однако крестьяне, за исключением кулаков и зажиточной верхушки, не шли на авантюру. Когда, например, жигаловцы начали наступление на уездный центр Поречье, многие крестьяне шли с Жигаловым только под угрозой расправы. Там, где в момент обнаружения бандитских приказов находились большевики, они разъясняли крестьянам

контрреволюционную сущность этих приказов, и обыкновенно из деревни никто в банду не шел.

В своих воспоминаниях Е. М. Кадров рассказывает, что, узнав от крестьян, где находится банда «Барона Кыша», он немедленно организовал отряд из деревенского актива и бедноты и пошел на банду, превышающую его численно в несколько раз. Внезапно ночью напали на деревню, где находилась банда. В их лагере поднялась паника. Бандиты выскакивали из домов полураздетыми, бросали оружие и бежали. Было захвачено в плен более ста головорезов, в том числе один из штабистов, бывший офицер Уланов. «Барону» удалось бежать.

Благодаря этой операции удалось своевременно узнать о предстоящем нападении Жигалова на Поречье и о планах белогвардейцев.

На допросе Уланов показал, что их главный штаб находится в городе Пскове. Все директивы получают от высшего начальства — Бориса Савинкова, который руководит всеми отрядами бандитов через штаб Жигалова. По его приказу проводится лихорадочная мобилизация с целью захвата в ночь с 12 на 13 ноября четырех уездных городов: Велижа, Белого, Поречья и Духовщины.

Е. М. Кадров после этой операции отправился в волостной центр Щучье и по прямому проводу передал полученные сведения в ЧК Западной области. Одновременно по телефону он предупредил Поречского военкома Богданова, чтобы там готовились к обороне города, и попросил немедленно отстранить от руководства обороной пробравшихся провокаторов — бывших офицеров Ильницкого, Богового и Вольского. Однако разговор внезапно был прерван, и он не успел передать подробные сведения о провокационной деятельности определенных лиц.

Получив тревожное сообщение, уездные власти приняли необходимые меры охраны города. Созданным революционным штабом во главе с председателем уездного исполкома Советов Мясоедовым были мобилизованы все коммунисты и советские работники. Вместе с гарнизонными подразделениями в городе набралось более двухсот человек, вооруженных винтовками и пулеметами. Командиром крупного

вооруженного отряда был назначен Ильницкий, а начальником пулеметной команды — Боговой. Назначая их, не подозревали, что именно они являются провокаторами, имеющими непосредственную связь со штабом Жигалова.

12 ноября была получена телефонограмма из Щучьенской волости якобы от Е. М. Кадрова о высылке ему на помощь сильного отряда. В тот же день туда был направлен вооруженный отряд красногвардейцев численностью 60 человек, так как по сведениям разведки, высланной Ильницким, якобы поблизости никаких банд нет и непосредственная опасность городу не угрожает. Как потом выяснилось, Е. М. Кадров никакого отряда не требовал, и телефонограмма от его имени была сфабрикована с целью отвлечь лучшие силы из города, чтобы контрреволюционерам легче было его занять.

Ильницкий расставил несколько застав и выслал разведку из своих людей. Она вновь донесла, что на расстоянии 10 верст от города никого нет, хотя, как потом выяснилось, Макаревский со своей бандой находился всего в 1—2 верстах от Поречья. Распорядившись оставить не более одного-двух человек на заставах, Ильницкий отпустил всех защитников по квартирам. Как только советские воины разошлись, начальник пулеметной команды Боговой и его ставленники испортили все пулеметы.

Глубокой ночью с 12 на 13 ноября мятежники численностью в несколько сот человек ворвались в город. Его защитники не смогли удержаться, хотя отдельные подразделения проявили исключительное мужество и отвагу. Отряд ЧК под командованием коммуниста Чистякова в течение нескольких часов героически сражался с мятежниками и не сдался им. К 10 часам утра 13 ноября бойцы этого отряда с боем вышли из города и отступили по направлению к Рудне, куда ожидалось прибытие помощи из Смоленска и Витебска.

Несмотря на все усилия, мятежникам, например, не удалось в течение 2 дней занять каланчу над зданием уездного исполнительного комитета Советов, которую героически защищал красноармеец Мирошкин. Не имея возможности отступить, он меткими

выстрелами сражал каждого мятежника, который пытался влезть на каланчу. Получилась невероятная картина: в здании уездного исполкома заседали мятежники, а над ними, на каланче, развевался красный флаг, защищаемый преданным революции и Советской власти героем!

Мятежники во главе с Жигаловым, захватив город, разогнали исполком уездного Совета и комитет большевистской партии, учинили дикую расправу над партийными и советскими работниками, красноармейцами. За два дня своего разгула они замучили и казнили более 60 человек. Первыми зверски были убиты председатель уездного комитета партии большевиков Демидов, военком Богданов, заведующий отделом народного образования Семенов и другие. Все эти ужасы совершались под колокольный звон церквей и благодарственные молебны духовенства.

На городскую площадь, вспоминал позднее очевидец, сгонялись жители, перед которыми с контрреволюционными речами выступали братья Жигаловы, другие главари мятежа. Они твердили о падении Советской власти в Москве, Смоленске и других городах, об аресте Ленина, созыве Учредительного собрания. Была объявлена мобилизация населения в белогвардейскую армию.

15 ноября прибывшие из Смоленска вооруженные отряды ворвались в город. Были спасены от расстрела до 70 арестованных советских патриотов. Потеряв в упорных уличных боях только убитыми более 100 человек, белогвардейцы вынуждены были оставить город и отойти к Велижскому тракту. Значительная часть крестьян, насильно мобилизованных белогвардейцами, при первых выстрелах бронемашин разбежалась, что облегчило войнам Красной Армии разгромить врага.

Покидая город, мятежники захватили с собой документы и другие материалы уездного исполнительного комитета Советов и укома партии. В связи с этим в печати было опубликовано сообщение следующего содержания: «Белые банды захватили все печати, бланки и бумаги Поречского уездисполкома и партии. Никаким документам от Поречской органи-

зации коммунистов и Совета не верить и всех арестовывать»⁶³.

В преследовании белогвардейцев приняли участие вместе со смоленскими красноармейцами подразделения, прибывшие из Витебска. Застигнутые в ночном бою врасплох возле деревни Сак Луговской волости белогвардейцы были окончательно разбиты. Спасаясь бегством, они бросали оружие, боеприпасы и снаряжение. Штаб самого Жигалова успел умчаться на тачанке.

Разгромленные остатки белогвардейско-бандитских групп Жигалова, которые потом стали основным костяком для будущих контрреволюционных формирований на территории Витебской и Смоленской губерний, укрылись в лесах.

Постановлением исполкома уездного Совета от 19 ноября 1918 года город Поречье переименован в город Демидов, а Поречский уезд — в Демидовский уезд в честь погибшего в борьбе с белогвардейцами председателя уездного комитета партии большевиков Я. Е. Демидова. Это решение было поддержано исполнительным комитетом Советов Западной области и утверждено ВЦИК.

Газета «Звезда» 20 ноября 1918 года сообщила о кулацко-белогвардейских мятежах в Духовщинском и Бельском уездах. 11 ноября днем, писала газета, были получены сведения о нападении белогвардейских банд на Духовщину, ночью поступили сведения о вторжении вооруженных белогвардейских групп в пределы Бельского уезда. Читатская, Селищенская и Ляпкинская волости захвачены белогвардейцами, Советы, комитеты бедноты, партийные ячейки разогнаны. Бельский исполком Советов и партийный комитет создали Военно-революционный штаб, мобилизовали коммунистов, рабочих и красноармейцев и двинули их на подавление контрреволюции. Город и уезд объявлены на военном положении. Рабочие, бедняки деревень и сел, коммунисты — все сплотились воедино, и в течение 12—14 ноября мятеж белогвардейцев в этих уездах был ликвидирован, Советская власть восстановлена. Расследование мятежа передано Чрезвычайной Комиссии.

На военном положении в эти дни объявлялись и другие районы Западной области. Об этом свидетельствуют, например, сообщения, в которых говорилось: «Президиум исполкома, военный комиссариат и Чрезвычайная Комиссия ввиду того, что в некоторых местностях Западной коммуны, а в частности и в Оршанском уезде, вспыхивают кулацкие восстания, руководимые офицерами, помещиками и контрреволюционной буржуазией, постановили: объявить г. Оршу и уезд на военном положении;

вся власть в городе и уезде передается чрезвычайному революционному штабу»⁶⁴.

Приведем и такое сообщение: «**Белогвардейское восстание в Витебской губернии.** Почти вся губерния охвачена контрреволюционным восстанием, возникшим неделю тому назад в Велижском уезде и перекинувшимся в другие. Восстание носило организованный характер. Отряды восставших одевались в одинаковые полушубки и имели белые нарукавники. Во главе отрядов стоят бывшие офицеры. Чрезвычайной Комиссией установлена связь восстания с белой «Северной армией»... В Городокском уезде оно уже окончательно подавлено. В остальных уездах ликвидируется»⁶⁵.

В связи с исключительно сложной обстановкой из Москвы в Смоленск была направлена следующая телеграмма: «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет настоящим делегирует члена ВЦИК тов. А. Ф. Мясникова в пределы Западной области: Смоленская, Витебская и Могилевская губернии, уполномочив его принять все меры для ликвидации местных беспорядков. Всем советским и военным лицам и учреждениям, а также Чрезвычайным Комиссиям предлагается оказывать всякое содействие А. Ф. Мясникову.

Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Я. Свердлов.

Секретарь ВЦИК В. Аванесов»⁶⁶.

Северо-Западный областной комитет РКП(б), облискомзап и Военно-революционный Совет обратились через печать с воззванием к партийным и советским организациям. «Мы обращаемся,— говорилось в воззвании,— ко всем советским органам,

военным учреждениям и Чрезвычайным Комиссиям принять все меры к быстрой ликвидации беспорядков... Просьба ко всем партийным организациям: срочно выделить свои агитационные силы в распоряжение советских органов для распределения их по волостям... принять самые решительные меры Чрезвычайными и военными властями, которые, конечно, во всякий момент должны быть готовы к действиям, должны стоять на охране интересов и устойчивости Советов»⁶⁷.

Исключительно большое внимание уделял борьбе с контрреволюционными силами областной комитет РКП(б). На своих заседаниях он рассматривал вопросы мобилизации сил для подавления контрреволюционных выступлений. В отчете о своей деятельности за ноябрь 1918 года, например, отмечалось, что в порядке дня работы обкома были вопросы, связанные с ликвидацией кулацко-белогвардейских восстаний в некоторых уездах области (Велижском, Поречском, Оршанском и других).

На обкоме, говорилось в отчете, лежали координация политики всех организаций, информация и т. д. Восстания принесли большой ущерб не только советской, но и партийной работе. Пало несколько ответственных партийных работников, зверски убитых белогвардейцами. Но одновременно выяснилось, что «в этих восстаниях играли позорную роль некоторые советские работники и члены партии, на деле оказавшиеся предателями, трусами и шкурниками. Выяснилось также, что в некоторых уездах сами восстания были вызваны неправильными преступными действиями членов партии и советских работников, отдавая должное товарищам из других уездов, где небольшие коммунистические отряды отражали выступления вдесятеро больших сил противника. Для расследования дела была выделена следственная комиссия в составе тт. Кромберга, Любимова и Мясеодова»⁶⁸.

Характеризуя кулацко-белогвардейские мятежи осенью 1918 года, вспыхнувшие по общему плану в ряде губерний России, В. И. Ленин говорил: «Все эти восстания объединили на практике, в отчаянной борьбе против Советской власти, и европейских им-

периалистов и их наемников — чехословаков, и все, что оставалось в России еще на стороне помещиков и капиталистов. А за ними восстали и все деревенские кулаки»⁶⁹.

Ликвидация контрреволюционных кулацко-эсеровских и белогвардейских мятежей в Могилевской, Витебской и Смоленской губерниях осенью 1918 года явилась результатом совместных активных действий партийных и советских органов, частей Красной Армии и широких масс трудящихся. Она показала прочность Советской власти на местах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Советская власть после победы Великой Октябрьской социалистической революции с необыкновенной быстротой распространилась по всей территории России. Миллионные массы трудящихся с энтузиазмом встретили революционные преобразования, проводимые рабоче-крестьянским правительством, и сплотились вокруг Советов и большевистских партийных организаций.

С первых же дней пролетарской революции против нее яро выступили свергнутые эксплуататорские классы. Их активно поддержали мелкобуржуазные партии эсеров, меньшевиков, анархистов, а также буржуазные националисты. Все эти силы внутренней контрреволюции не имели широкой социальной базы и черпали свои кадры главным образом среди офицерства царской армии, реакционного казачества, чиновничества и духовенства. Помимо внутренней контрреволюции молодому Советскому государству пришлось вести борьбу и с силами международного империализма. Внутренние и внешние силы контрреволюции, объединив свои усилия, предприняли отчаянные попытки свергнуть Советскую власть путем открытых вооруженных восстаний и мятежей, организации антисоветских заговоров, убийства партийных и советских активистов.

В ожесточенной борьбе проходило становление Советской власти в Белоруссии и всей Западной области. На ее территории находились сильные очаги внутренней контрреволюции — штаб Западного фронта с реакционным генералитетом в Минске, Ставка верховного главнокомандующего в Могилеве, контрреволюционный польский корпус Довбор-Мусницкого и другие. Помешать установлению и упрочению власти Советов всячески пытались белорусские буржуазные националисты.

Однако планы врагов полностью провалились. Советская власть, поддержанная большинством белорусского народа, быстро и решительно смела со своего пути опасные очаги внутренней контрреволюции, ликвидировала белогвардейско-эсеровские мятежи и антисоветские заговоры, успешно претворила в жизнь первые социалистические преобразования, энергично укрепляла органы новой власти.

Провалились и планы буржуазных националистов добиться ликвидации власти Советов в Белоруссии. Трудящиеся резко осудили их контрреволюционные замыслы, активно поддержали все мероприятия органов Советской власти. Националистические организации, а также мелкобуржуазные партии, связавшие свою судьбу со свергнутыми эксплуататорскими классами и интервентами, вместе с ними были обречены историей на политическую гибель.

Под руководством Коммунистической партии советский народ совершил бессмертный подвиг в защите завоеваний Великого Октября. Во всем величии этот подвиг был раскрыт уже в победе над внутренней и внешней контрреволюцией в первые годы Советской власти. Рабочие и трудящиеся крестьяне, совершившие революцию, беззаветно отстаивали завоевания, добытые ими в долгой и суровой борьбе. Они защищали новый общественный государственный строй, рожденный Октябрем и вызвавший неиссякаемую революционную энергию широких народных масс. В этом В. И. Ленин видел самый глубокий источник победы советского народа над внешней и внутренней контрреволюцией в те суровые годы.

Шестидесятилетие Великого Октября является важной вехой в жизни советского народа, в развитии всего мирового освободительного движения. Победа Октября, подчеркивается в постановлении ЦК КПСС о 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, главное событие XX века, коренным образом изменившее ход развития всего человечества. Она явилась закономерным следствием общественного развития, классовой борьбы в условиях монополистического капитала. В результате ее победы возникло первое в мире социалистическое государство.

Победа Октября ознаменовала исторический поворот в судьбах народов нашей страны. Она спасла нашу Родину от надвигавшейся катастрофы, к которой ее толкала преступная политика правящих эксплуататорских классов — помещиков и буржуазии, вывела ее на путь подлинно независимого развития, всестороннего социально-экономического и культурного прогресса. Выражая коренные интересы абсолютного большинства населения страны, рабочий класс в союзе с трудящимся крестьянством под руководством ленинской партии обеспечил победу революции и установил свою власть. За революцией, за рабочим классом пошли широчайшие массы трудового народа, все передовые люди науки и культуры.

Ожесточенному вооруженному и идеологическому сопротивлению реакции, дезорганизации экономики и контрреволюционному саботажу, кровавому буржуазному террору рабочий класс противопоставил высочайшую организованность и сознательную дисциплину, сплоченность вокруг Коммунистической партии, революционную бдительность. Весь ход борьбы с внутренней контрреволюцией и иностранными интервентами показал, что революция может закрепить свою победу только в том случае, если она умеет защищаться.

Все усилия мировой реакции остановить закономерный ход истории кончились крахом. Шестидесятилетие Октябрьской социалистической революции, которое советские люди отмечают, — неопровержимое

свидетельство непобедимости народов, сбросивших иго эксплуататоров, великий триумф идей марксизма-ленинизма. Совершив социалистическую революцию, отстояв завоевания Октября в исключительно тяжелой борьбе, героический советский народ стал зачинателем новой жизни, а Страна Советов — первой в мире социалистической державой, проложившей другим народам путь к коммунистическому будущему.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

- ¹ *Брежнев Л. И.* Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1976, с. 36.
- ² *Голишков Д. Л.* Крах вражеского подполья. М., 1971; его же: Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1975; *Гармиза В. В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970; *Сивохина Т. А.* Крах мелкобуржуазной оппозиции. М., 1973; *Рубан Н. В.* Октябрьская революция и крах меньшевизма. М., 1968; *Соболев П. И.* Октябрьская революция и крах социал-соглашателей. М., 1968; *Спирин Л. М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968; *Малашко А. М.* К вопросу об оформлении однопартийной системы в СССР. Минск, 1969; *Поликарпов В. Д.* Пролог гражданской войны в России. М., 1976; коллективные: Крах первого нашествия империалистов на Страну Советов. М., 1973; Неотвратимое возмездие. По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. М., 1973, и др.
- ³ *Кнорин В. Г.* 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте. Минск, 1925; его же: Революция и контрреволюция в Белоруссии, ч. 1. Смоленск, 1920; его же: Пять лет (Краткий конспект истории КПБ). Минск, 1934; *Каменская Н. В.* Образование Белорусского Советского государства. Минск, 1948; ее же: Великая Октябрьская социалистическая революция и образование БССР. Минск, 1954; ее же: Первые социалистические преобразования в Белоруссии. Минск, 1963; *Гапоненко Л.* Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов (1917 г.). М., 1953; *Маргун-*

ский С. П. Создание и упрочение белорусской государственности. Минск, 1958; *Бугаев Е. И.* Возникновение большевистских организаций и образование Компартии Белоруссии. М., 1959; *Игнатенко И. М.* Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии (1917—1918 гг.). Минск, 1962; *Хохлов А. Г.* Красная гвардия Белоруссии. Минск, 1965; его же: Коммунистические части Особого назначения в Белоруссии. Минск, 1974; *Гневко В.* Профсоюзы в борьбе за власть Советов. Минск, 1964; *Хацкевич А.* Солдат великих боев. Минск, 1965; его же: Польские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Белоруссии. Минск, 1967; *Марченко И.* Аграрные преобразования в Белоруссии в 1917—1918 гг. Минск, 1959; *Космачев К. И.* Коммунистическая партия — руководитель социалистической революции в деревне. Смоленск, 1970; *Жмуровский Д. П.* Организаторская работа Коммунистической партии в деревне (1918—1920 гг.). Минск, 1970; *Ивашин В. Г.* Большевики Белоруссии и Западного фронта в борьбе за осуществление ленинского декрета о мире. Минск, 1972; *Селиванов П. А.* На защите завоеваний Октября. Из истории борьбы большевиков Белоруссии за создание Советской военной организации (октябрь 1917—1918 гг.). Минск, 1971; *Кругалевич В. А.* Рождение Белорусской Советской Республики. Минск, 1975; коллективные: Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии, ч. 1. Минск, 1968; История БССР, т. 2. Минск, 1961; Победа Советской власти в Белоруссии. Минск, 1967; Сборники документов и материалов: Крах немецкой оккупации в Белоруссии в 1918 г. Минск, 1947; Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 2. Минск, 1957; Комитеты бедноты Белоруссии. Минск, 1958; Борьба за Советскую власть в Белоруссии. 1918—1920 гг., т. 1. Минск, 1968, и др.

- ⁴ В мае 1917 года была образована Западная область, в которую вошли Минская, Виленская и Могилевская губернии. После оккупации немецкими интервентами значительной части Белоруссии в состав области, кроме неоккупированных уездов Витебской и Могилевской губерний, вошла и Смоленская губерния. В октябре 1918 года область переименована в Западную коммуну. Упразднена в связи с провозглашением БССР.

Глава первая

¹ См.: Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.), т. 3. Минск, 1953, с. 76.

² См. там же, с. 126.

³ Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями, т. 1 (март — октябрь 1917 г.). М., 1957, с. 316, 396, 454.

- 4 Протоколы ЦК РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918 гг. М., 1929, с. 99.
- 5 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 392.
- 6 Там же, т. 35, с. 2.
- 7 Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 2, с. 30—31.
- 8 В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте. Минск, 1957, с. 89—90.
- 9 «Пролетарская революция» № 12 (71), 1927, с. 116.
- 10 Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 2, с. 932.
- 11 Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (ЦГАОР СССР), ф. 393, оп. 2, д. 54, л. 27.
- 12 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 82.
- 13 «Пролетарская революция» № 3 (74), 1928, с. 76—77.
- 14 «Звезда», 1917, 18 ноября.
- 15 Там же, 16 ноября.
- 16 Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 2, с. 189.
- 17 В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте, с. 61.
- 18 «Звезда», 1917, 18 ноября.
- 19 Щукин Степан Ефимович, впоследствии профессор философии и литературоведения, умер 24 июля 1955 г. в Москве.
- 20 Документы внешней политики СССР, т. 1. М., 1959, с. 37.
- 21 «Советская правда», 1917, 23 декабря.
- 22 Там же.
- 23 Там же, 19 декабря.
- 24 Там же, 21 декабря.
- 25 ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 2, д. 27, л. 299.
- 26 Там же, л. 109.
- 27 «Известия Могилевского Совета», 1918, 13 января.
- 28 ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 2, д. 27, л. 299.
- 29 См.: Социалистические преобразования в экономике Белоруссии в 1917—1920 гг. Минск, 1966, с. 59, 88.

Глава вторая

- 1 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 122.
- 2 Декреты Советской власти, т. 1. М., 1957, с. 154—155.
- 3 «Исторический журнал» № 11, 1942, с. 23.
- 4 В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте, с. 66—67.
- 5 «Пролетарская революция» № 12 (71), 1927, с. 117.
- 6 Там же, с. 119.
- 7 Кнорин В. Г. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте, с. 49.
- 8 В изданной ранее исторической литературе инициалы Пролыгина ошибочно указывались «В. И.». По уточненным данным, его звали Василий Андрианович.

- ⁹ В действительности он назывался блиндированным поездом.
- ¹⁰ В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте, с. 255.
- ¹¹ См. там же, с. 255—256.
- ¹² См. там же, с. 266.
- ¹³ «Звезда», 1917, 3 ноября.
- ¹⁴ *Кьюрин В. Г.* 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте, с. 53.
- ¹⁵ «Красный архив», т. 1 (8), 1925, с. 164.
- ¹⁶ Партархив Института истории партии при ЦК КПБ (ПА ИИП при ЦК КПБ), ф. 35, оп. 1, д. 22, л. 78.
- ¹⁷ Там же, л. 796.
- ¹⁸ См.: В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте, с. 222—223.
- ¹⁹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 35, оп. 1, д. 22, л. 799.
- ²⁰ Там же, л. 800.
- ²¹ Там же, ф. 60, оп. 2, д. 32, л. 75—76.
- ²² «Красный архив», т. 4 (23), 1927, с. 218.
- ²³ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 2, с. 166—167. Сборник документов и материалов.
- ²⁴ «Пролетарская революция» № 3, 1921, с. 306.
- ²⁵ «Вопросы истории» № 3, 1968, с. 43—44.
- ²⁶ История гражданской войны в СССР, т. 2. М., 1942, с. 214.
- ²⁷ «Вопросы истории» № 3, 1968, с. 45.
- ²⁸ *Бонч-Бруевич В. Д.* Вся власть Советам. М., 1964, с. 204—205.
- ²⁹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 60, оп. 2, д. 163, л. 30.
- ³⁰ «Вопросы истории» № 3, 1968, с. 47.
- ³¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 2, с. 218—219.
- ³² Там же, с. 221.
- ³³ «Бюллетень Военно-революционного комитета 10-й армии», 1917, 16 ноября.
- ³⁴ «Известия», 1917, 10 ноября.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 87.
- ³⁷ «Вопросы истории» № 3, 1968, с. 48.
- ³⁸ «Красный архив» т. 4 (23), 1927, с. 198.
- ³⁹ Там же, с. 204.
- ⁴⁰ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 2, с. 200.
- ⁴¹ Там же, с. 201.
- ⁴² *Гапоненко Л.* Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов (1917 г.), с. 156.
- ⁴³ Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. 1 (1917—1920). М., 1944, с. 19.
- ⁴⁴ *Лелевич Г.* Октябрь в Ставке. Гомель, 1922, с. 55.
- ⁴⁵ «Исторические записки» № 86. М., 1970, с. 15.
- ⁴⁶ «Военно-исторический журнал» № 11, 1964, с. 59.
- ⁴⁷ См. там же.
- ⁴⁸⁻⁴⁹ «Звезда», 1917, 21 ноября.

- ⁵⁰ В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте, с. 158.
- ⁵¹ «Красный архив», т. 4 (23), 1927, с. 239.
- ⁵² А. А. Дикгоф-Деренталь был в Ставке чиновником для особых поручений, журналист. Впоследствии сподвижник Б. Савинкова по организации политического бандинизма в Советской России.
- ⁵³ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 2, с. 212—213.
- ⁵⁴ Там же, с. 212.
- ⁵⁵ «Звезда», 1917, 23 ноября.
- ⁵⁶ См.: Октябрьская революция и армия. М., 1973, с. 158, 164.
- ⁵⁷ «Революционная Ставка», 1917, 26 ноября.
- ⁵⁸ Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями, т. 2 (ноябрь 1917 г.—февраль 1918 г.). М., 1957, с. 119.
- ⁵⁹ О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1920—1922 годы. М., 1963, с. 319.
- ⁶⁰ «Исторические записки» № 86, 1970, с. 17.
- ⁶¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 156.
- ⁶² Первым председателем ЧК Западной области был В. И. Яркин, путиловский рабочий, член партии большевиков с 1907 года, активный участник трех революций. В Минск, на Западный фронт прибыл в июле 1917 года с мандатом военной секции Петроградского комитета большевиков, подписанным Подвойским. Вскоре был избран председателем армейского Совета, а затем председателем Военно-революционного комитета 10-й армии, был членом исполнительного комитета Западной области. На первом съезде Коммунистической партии Белоруссии избран членом Центрального бюро КП(б)Б. В мае 1919 года по решению ЦК РКП(б) и ВЧК направлен на ответственную чекистскую работу в Поволжье.
- ⁶³ «Пролетарская революция» № 3 (74), 1928, с. 93.
- ⁶⁴ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 35, оп. 1, д. 47, л. 5.
- ⁶⁵ «Пролетарская революция» № 3 (74), 1928, с. 98.
- ⁶⁶ «Известия Военно-революционного комитета Могилевской губернии», 1918, 1 марта.
- ⁶⁷ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 5, д. 44, л. 91.
- ⁶⁸ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 2, с. 832.
- ⁶⁹ Там же, с. 690—691.
- ⁷⁰ Там же, с. 711.
- ⁷¹ См.: Федоров А. М. Разгром контрреволюционных очагов Красной гвардией, с. 74.
- ⁷² «Революционная Ставка», 1917, 28 ноября.
- ⁷³ См.: Победа Советской власти в Белоруссии, с. 377—378.
- ⁷⁴ См.: Холлов А. Г. Красная гвардия Белоруссии, с. 98.
- ⁷⁵ В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте, с. 72—73.

- ⁷⁶ «Звезда», 1918, 16 января.
⁷⁷ См.: Победа Советской власти в Белоруссии, с. 381.
⁷⁸ См.: Федоров А. М. Разгром контрреволюционных очагов Красной гвардией, с. 74.
⁷⁹ «Пролетарская революция» № 3 (74), 1928, с. 127—128.

Глава третья

- ¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 24, с. 123.
² Варанко Я. Беларускі рух ад 1917 да 1920 г. Ковно, 1920, с. 5.
³⁻⁴ «Пролетарская революция» № 3 (74), 1928, с. 105.
⁵ Там же, с. 106.
⁶⁻⁸ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. 2, с. 356.
⁹ «Белорусская рада», 1917, 25 ноября.
¹⁰ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 60, оп. 3, д. 194, лл. 3, 5.
¹¹ См.: Игнатенко И. М. Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии, с. 357—358.
¹² Канчер Е. Белорусский вопрос. Пг., 1919, с. 52.
¹³ Червякоў А. За Савецкую Беларусь. Мінск, 1927, с. 49. Червяков Александр Григорьевич родился в 1892 г. в деревне Дукарка Минской губ. Советский государственный деятель. Член КПСС с 1917 г. В 1920—1924 гг. был председателем ЦИК БССР и СНК БССР. Автор работ о борьбе белорусского народа за власть Советов. Именем Червякова названа одна из улиц города Минска.
¹⁴⁻¹⁶ См.: Кастрычнік на Беларусі. Мінск, 1927, с. 284.
¹⁷ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 60, оп. 3, д. 194, л. 35.
¹⁸ «Советская правда», 1917, 21 декабря.
¹⁹⁻²⁰ «Пролетарская революция» № 3 (74), 1928, с. 113.
²¹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 62, оп. 3, д. 4, л. 18.
²² Там же.
²³ Там же.
²⁴ «Советская правда», 1917, 21 декабря.
²⁵ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 62, оп. 1, д. 3, л. 17.
²⁶ Там же, лл. 17, 18.
²⁷ Там же, л. 21.
²⁸ «Пролетарская революция» № 3 (74), 1928, с. 114—115.
²⁹ III Всероссийский съезд Советов. М., 1918, с. 64.
³⁰ «Известия Витебского революционного Совета», 1917, 19 декабря.
³¹ «Известия Могилевского Совета», 1918, 14 января.
³² ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 5, д. 44, л. 80.
³³ «Звезда», 1917, 18 декабря.
³⁴ «Советская правда», 1918, 13 января.
³⁵ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 62, оп. 1, д. 192, л. 18.
³⁶ Там же, д. 16, л. 10.
³⁷ «Белорусская земля», 1918, 1 марта.

- 38-39 «Вольная Беларусь», 1918, 3 марта.
- 40 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 62, оп. 1, д. 21, лл. 6, 11; д. 22, л. 243; д. 23, л. 35.
- 41 Там же, д. 22, л. 242.
- 42 Там же, д. 21, л. 12.
- 43 Там же, д. 22, л. 264.
- 44 Там же, д. 21, л. 6—7.
- 45 Там же, ф. 60, оп. 3, д. 539, л. 183.
- 46 Там же, ф. 62, оп. 1, д. 22, л. 45.
- 47 Борьба за Советскую власть в Белоруссии, с. 120. Сборник документов и материалов.
- 48 Крах немецкой оккупации в Белоруссии в 1918 г., с. 72.
- 49 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 60, оп. 3, д. 539, л. 432.
- 50 Имеется в виду до оккупации немецкими войсками части территории Белоруссии в феврале 1918 г.
- 51-53 Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства БССР (ЦГАОР БССР), ф. 4, оп. 1, д. 66, л. 14.
- 54 Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 4, д. 46, л. 15.
- 55 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 60, оп. 4, д. 34, л. 94.

Глава четвертая

- 1 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 7—8.
- 2 Там же, с. 11.
- 3 См. там же, т. 43, с. 218.
- 4 Там же, т. 36, с. 246.
- 5 Декреты Советской власти, т. 2. М., 1959, с. 261.
- 6 См.: *Игнатенко И. М.* Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии (1917—1918 гг.), с. 452.
- 7 См.: Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии, ч. 1. Минск, 1968, с. 408.
- 8 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 412—413.
- 9 Там же, с. 11—12.
- 10 *Голишков Д. Л.* Крах вражеского подполья, с. 61.
- 11 Красная быль. Витебск, 1923, с. 153.
- 12 См.: *Голишков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР, с. 117—119.
- 13 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 129.
- 14 См. там же.
- 15 КП(б)В у рззалюцях, ч. 1 (1903—1921 гг.). Минск, 1934, с. 84.
- 16 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 208.
- 17 Там же, с. 518.
- 18 Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 4, д. 47, л. 21.
- 19 ЦГАОР БССР, ф. 4, оп. 2, д. 70, л. 113.
- 20 Красная книга ВЧК, т. 1. М., 1920, с. 129.
- 21 См.: *Сивогина А. Т.* Крах мелкобуржуазной оппозиции. М., 1973, с. 201.

- 22 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 519.
- 23 Красная быль, с. 211.
- 24 Там же, с. 211—212.
- 25 Там же, с. 150—151.
- 26 Там же, с. 151.
- 27 Там же.
- 28 Там же, с. 152.
- 29 Красная книга ВЧК, т. 1, с. 130.
- 30 Красная быль, с. 212.
- 31 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 21, оп. 1, д. 17, л. 150.
- 32 ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 564, оп. 1, д. 11, лл. 30, 34.
- 33 Там же, ф. 17, оп. 4, д. 47, л. 48.
- 34 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 112.
- 35 См.: Красная быль, с. 213.
- 36 Даубэ Вольдемар Нестерович — впоследствии комиссар дивизии, начальник Особого отдела армии, член Витебского губкома партии, председатель Витебского отдела ГПУ.
- 37 Из истории ВЧК. М., 1958, с. 173.
- 38 Борьба за Советскую власть в Белоруссии. 1918—1920 гг., т. 1, с. 182—183.
- 39 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 150—151.
- 40 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 60, оп. 1, д. 545, л. 81—83.
- 41 *Космачев К. Н.* Коммунистическая партия — руководитель социалистической революции в деревне, с. 168.
- 42 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4829, оп. 3, д. 7, л. 44.
- 43 Там же, л. 52.
- 44 Там же, д. 4, л. 47—48.
- 45 Там же, д. 6, л. 72—73.
- 46 Там же, д. 4, л. 60.
- 47 См.: *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР, с. 180.
- 48 ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4829, оп. 3, д. 6, л. 73.
- 49 Там же, л. 74.
- 50 См.: *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР, с. 181—182.
- 51 См.: *Космачев К. Н.* Коммунистическая партия — руководитель социалистической революции в деревне, с. 219—222.
- 52 См.: Борьба за Советскую власть в Белоруссии, т. 1, с. 238—239.
- 53 См.: *Космачев К. Н.* Коммунистическая партия — руководитель социалистической революции в деревне, с. 224.
- 54 Борьба за Советскую власть в Белоруссии, т. 1, с. 307.
- 55 Там же, с. 329—330.
- 56 Там же, с. 368.
- 57 См. там же, с. 380.
- 58 См. там же, с. 317—318.
- 59 См. там же, с. 368.
- 60 Воспоминания участников борьбы за власть Советов в Смоленской губернии. Смоленск, 1957, с. 155.
- 61 Там же, с. 157.

- ⁶² Там же, с. 160.
⁶³ «Звезда», 1918, 19 ноября.
⁶⁴ Там же.
⁶⁵ Там же, 27 ноября.
⁶⁶ Там же, 19 ноября.
⁶⁷ Там же, 20 ноября.
⁶⁸ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 59, он. 1, д. 39, л. 13.
⁶⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 353—354.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава первая	
Революция победила	8
Глава вторая	
1. «Комитет спасения» терпит крах	48
2. Смещение генерала Балужева	68
3. Конец контрреволюционного гнезда в Могилеве	78
4. Провал первых антисоветских заговоров и выступлений	116
5. Бесславный поход	131
Глава третья	
1. Националисты против социалистической революции	146
2. Контрреволюционное собрание в Минске	158
3. Вместе с интервентами	179
Глава четвертая	
1. Контрреволюция активизируется	200
2. Авантюры анархистов и других антисоветских элементов в Витебске	214
3. Лезвостеровские восстания в Орше и Сенно	222
4. Заговор Дормана	234
5. Новый удар по контрреволюции	256
Заключение	273
Примечания	277

Степан Захарович Почанин

**ИСТОРИИ
ОБРЕЧЕННЫЕ**

Издательство «Беларусь»

Редакторы Н. М. Бутримович,
В. М. Наливайко

Художник Ю. С. Архипов

Художественный редактор И. Г. Славянин

Технический редактор М. И. Гриневич

Корректор Н. П. Лупсякова

ИБ № 775

АТ 10115. Сдано в набор 11/III 1977 г. Подп. к печати 29/VI 1977 г.
Формат 84×100^{1/32}. Бумага офс. Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд.
л. 14,57. Тираж 9000 экз. Зак. 116. Цена 1 руб. 40 коп.

Издательство «Беларусь». 220041, Минск-41, Ленинский про-
спект, 79.

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства
ЦК КПБ. 220041, Минск-41, Ленинский проспект, 79.

Почанин С. З.

П 65 Историей обреченные. Минск, «Беларусь», 1977.

288 с.

Автор книги—доктор исторических наук, профессор, на основании многочисленных архивных материалов и других источников рассказывает, как в 1917—1918 годах на территории Белоруссии и всей Западной области проходило становление Советской власти, подавлялись контрреволюционные мятежи, восстания, заговоры эсеров, меньшевиков, анархистов, буржуазных националистов и других врагов трудового народа.

П 10604-148
М 301(05)-77

9(С)21